

Александр Навроа

Александр Навроа
Doza счастья

Трудно бороться за свою любовь, когда ты в отчаянии. Трудно понимать, что бессилён сделать что-то кроме того, что уже делаешь. Особенно трудно ждать, когда любимый человек снова сорвется — а он сорвется, ведь ты уже не сомневаешься в этом, потому что по-другому еще не было ни разу. Женя — наркоманка. И Дима постоянно на грани вместе с ней. На грани смерти. На грани любви.

Часть 1

Глава 1

Дима только открыл глаза и сразу понял, что в комнате он один. Внутри уже даже не сжималось все от дурного предчувствия или грусти, тоски или злости. Он просто устал все это переживать снова и снова. Глянув на пустую соседнюю подушку, он только прикрыл глаза и глубоко вздохнул. В глубине души еще тлеет маленький уголек надежды, но реальность брала свое — он отказывался надеяться, это было просто глупо.

Мужчина встал на ноги и вышел из спальни. Все было ожидаемо — в доме он был один. Он знал, что это значит, знал, что сейчас будет делать и что происходит. Знал даже, что в ближайший месяц ему не заснуть спокойно, только в полглаза.

Она снова ушла. Снова сбежала. Он так устал просыпаться и понимать это. Так устал искать и бороться за нее, за ее жизнь, за их жизнь. Это длилось уже два года, и он был вымотан во всех смыслах — и морально, и физически. Но раз за разом он вставал и шел за ней.

Женя была наркоманкой. Уже почти три года. И этот факт не давал ему спокойно жить, дышать. Он любил эту девушку, любил всем сердцем, наверно с самого детства, когда они вместе играли во дворе, ходили в школу, и он защищал ее от мальчишек, гордых поглумиться над маленькой девочкой. Но он оставил ее, вполне добровольно, когда после армии ушел служить по контракту еще на три года. А ведь вернись он домой сразу после — и ничего бы этого не было. Он бы смог предотвратить эти события, смог бы не дать любимому человеку упасть в эту черную яму отчаяния, боли и страданий. До сих пор он корил себя, что тогда его не было рядом, что его глупое чувство долга перед страной и обществом затмило ему разум. Он хотел быть полезным, хотел быть нужным, но оказалось, что в другом месте он был нужен больше. Он был нужен здесь, дома, где его любимая девушка в один день лишилась родителей, где не было рядом его, чтобы поддержать и помочь. Где она опустила руки и связалась с дурной компанией, где подсела на наркотики, не в силах побороть свое желание уйти от проблем единственным, как ей тогда казалось, способом. Но обо всем этом он узнал только когда вернулся, когда Женя уже почти год шаталась по притонам в поисках дозы. Для него это было шоком. Его девочка, умная, добрая, веселая превратилась в тень самой себя. Осунулась, похудела, побледнела. Когда-то сверкающие задором глаза теперь горели от лихорадки ломки. Улыбка, возникающая на красивом лице, была счастливой, а не безумной. И первыми ее словами во время встречи с ним было 'я скучала', а не 'займешь мне денег?'

В тот момент, когда Дима впервые увидел ее такой, он был в шоке. В чистом, неприкрытом шоке. Он ожидал чего угодно, но не этого. Да, он прекрасно понял слова матери, когда она рассказала о Жене, но не ожидал, что все так плохо. Или просто надеялся, что не настолько все плохо. Это был ужас. То, что он видел, разрывало ему сердце и душу.

Ему было больно и обидно, за нее в том числе. Кровь стыла в жилах, разум отказывался понимать происходящее. А все, что волновало Женю — деньги. В ней он уже не видел ту, которую любил. Но был твердо намерен вернуть прежнюю девочку, чистую и нежную.

Первое время было тяжело. Тяжело привыкнуть, понять, поговорить, облагородить. С трудом, с огромным трудом, но ему удалось. Он полгода бился в закрытую дверь, и, наконец, она подалась. Два месяца Женя провела в клинике, где из ее организма выгоняли всю гадость, что она успела туда занести, благо ничего смертельного и ужасного не оказалось. А еще четыре месяца ушло на то, чтобы она привыкла к новой жизни, где есть он, где ее любят, не оставят, поддержат и позаботятся. Все это время он убеждал ее в том, что он рядом и больше не оставит ее, учил доверять себе, учил заново любить. Он открывал ей свое сердце, пробуждая тем самым ее, зачерствленное и неверящее. Она не верила, боялась, осуждала, злилась. Но, в конце концов, позволила себе довериться. В тот день она высказала ему все, что накопилось в ее душе, рассказал о том, как скучала, как винила, что оставил ее ради призрачного желания долга перед страной. Плакала, говоря о том, что с ней было за время его отсутствия и в последний год в частности. Рассказала о том, как скатилась до подобной жизни. Кляла его не бросать ее больше и всегда быть рядом. Он обещал ей это и заверял в своей любви.

С того дня прошло около пары месяцев. Девушка выглядела более здоровой, посвежевшей. Дима снял для них квартиру и забрал ее к себе. Нашел хорошую работу, а Жене помог вернуться в университет. А потом она впервые сбежала.

Когда утром молодой мужчина не обнаружил Жени дома, ему и в голову не могло прийти, что случилась беда. И только на третий день ее пропажи он заставил себя пойти в тот притон, где впервые нашел ее после возвращения. Идя туда, он молился, чтобы не найти ее там, просил все силы небесные не обнаружить свою девушку в том злосчастном месте. Но Женя была там. Накаченная так, что ничего не понимала и не соображала. Она была грязным, ничего не соображающим нечто, без всякого понимая реальности и окружающего мира. Это было впервые, когда он видел ее в подобном состоянии. И это было ужасно. Он забрал ее оттуда и отвез в больницу. Там на него посмотрели с жалостью и привели девушку в относительный порядок, но впредь сказали, чтобы больше он ее сюда не привозил — для этого есть клиники специального профиля. Он забрал ее домой.

А потом началась ломка. Женя стала неузнаваемой до такой степени, что Дима не мог поверить своим глазами и ушам. Она кричала, плакала, билась в истерике, грозилась, бесилась и крушила все вокруг, требуя ее выпустить из дома, дать порошок. Это была не его Женя. Его девушка никогда не оскорбляла его, не говорила такие ужасные вещи, не проклинала и не кидалась драться. Ее колотило от боли и жара вперемешку с холодом. Она то лихорадочно куталась в одеяло, то раздевалась почти до гола. Она ничего не слышала и не видела, только плакала и кричала. Смотреть на это было невыносимо больно. Его любимый, дорогой человек так мучается, так мучает его самого, не понимая происходящего и того, что творит. Это было каким-то безумием. И без разницы, что наркологи в свое время рассказывали ему о подобном, предупреждали о всем ужасе подобных моментов: видеть это в живую было в сто раз хуже, чем просто представлять.

Это продолжалось дня четыре — точно он не мог сказать. Они оба почти не спали, Женя все время кричала или плакала, а он пытался с ней говорить, успокаивать. Но она будто не слышала. Однако он не прекращал попытки пробиться к ней. Это было тяжело и выматывающе. Но мужчина не опускал рук, он хотел ей помочь, и к тому же обещал быть

рядом. Не в его правилах было пасовать при каждом удобном случае. Он готов был бороться за нее, готов помогать и любить.

В один миг ему показалось, что все закончилось. Тогда Женя тихонько подошла к нему со спины, крепко-крепко обняла, плача просила прощения. А он, повернувшись к ней лицом, прижал ее к себе изо всех сил и в который раз пообещал, что он будет рядом, что позаботиться о ней и поможет со всем справиться. Она нежно улыбнулась ему сухими губами, а потом притянула к себе за голову и поцеловала. Жадно, требовательно и ненасытно. Он ответил с такой же страстью. Он желал ее, хотел так сильно, как никого и никогда. Так было с тех пор, как она выросла и превратилась из девочки в девушку. Так было и сейчас. Только еще сильнее. Она повзрослела, похорошела, стала еще привлекательней, даже не смотря на немного изможденный вид. И его тяга к ней ни на миг не ослабевала. Вот и сейчас он, крепко притиснув к себе соблазнительное тело, властно целовал ее в губы, глубоко, горячо и эротично. Женя прижималась к нему каждым изгибом, стремясь быть ближе, и он не мог противостоять ее магнетизму. Легко подхватив хрупкое тело на руки, мужчина, не прерывая поцелуя, понес ее в спальню. Часть вещей валялась на полу после последней истерики Жени, ваза была разбита, но эти мелочи сейчас не волновали ни его, ни ее.

Женя податливо гнулась в его руках, извивалась под его поцелуями по всему телу, требовательно стонала и просила. Она была дикой, ненасытной и раскрепощенной как никогда прежде. Она отдавала себя так, словно в последний раз. И брала не меньше. Не успевал Дима отдышаться, как она снова просила еще.

Женя вымотала его сексом не меньше, чем своей ломкой, и под утро молодой мужчина просто вырубился без сил, крепко прижимая к себе влажное, еще подрагивающее тело любимой девушки. А когда проснулся, понял, что она сбежала. Что она отвлекла его собой, что воспользовалась моментом и просто схитрила.

Он успел ее найти до того, как она приняла хоть что-то. Вернул домой и безжалостно запер в спальне на целые сутки. Он сидел под дверью и стискивал зубы и кулаки, слушая, как кричит и воеет Женя, как просит, умоляет и угрожает. Как добывает все, что осталось целым. И вошел только тогда, когда услышал, как она грозиться сделать с собой что-то. Его терпению был предел, и он просто приковал ее руки к кровати, оставив одну еще часов на двадцать. И только когда она утомилась, остыла и начала приходить в себя, освободил. Он отнес ее в ванную, тихую и плачущую. Бережно искупал и вытер, шепча слова утешения и любви. Она жалась к нему, плотая слезы, и смотрела так виновато и с такой тоской, что теперь он уверился в том, что все правда, а не очередная уловка.

Еще в течение нескольких недель девушка была не в себе, но постепенно все нормализовалось. Он снова отвез ее в клинику, где оставил почти на месяц реабилитации. А потом забрал домой. И каждый его день превратился в борьбу за любимого человека.

Они жили спокойно три-четыре месяца, а потом Женя снова срывалась. Раз за разом она сбегала из дома, он искал ее по всему городу и вырывал из рук дилеров и наркотиков. Это всегда было сложно, это всегда было мучительно. Женя раскаивалась, боролась с собой и своей зависимостью. Она заставляла себя терпеть и жить нормально. Некоторые ломки были чуть спокойней, и тогда девушка просто тихонько плакала, стискивая зубами уголок подушки, чтобы не кричать в голос. Смотрела на Диму жалостливыми глазами и молча умоляла простить. Он всегда был рядом, держал ее за руку, отвлекал всеми возможными способами. А иногда это напоминало катастрофу. Она бушевала, буянила и бесилась. И это

было самым ужасным, что он видел. И не только он. Очень скоро соседи стали жаловаться на них в милицию, стали просить о выселении. Смотрели на них со злостью и пренебрежением, презрением. Дима еще как-то сносил подобное. А вот Жене было трудно: стыд давил на нее безмерно, а тут еще косые взгляды соседей и шепотки за спиной. Тогда мужчина просто купил отдельный частный дом на выезде из города, чтобы никому не мозолить глаза, не мешать и не страдать самому. Здесь тоже были люди, но по крайней мере никто не слышал того ужаса, что мог твориться в их доме.

Вот и сейчас Дима выходил из дома, зная, куда нужно ехать, чтобы найти Женю. Он уже почти привык к подобному, наверно смирился, но все чаще стал задумываться, что дальше так жить нельзя. Он любил Женю, любил всем сердцем и душой, но и он не железный. Его нервы на пределе, он сам на пределе. Он устал полагаться и надеяться на лечение, устал бороться самостоятельно. Он не понимал, почему все повторяется раз за разом. Не знал, чего не хватает Жене, что она словно мотылек на огонь бежит из дома в поисках мимолетного забвения. Этого не знала и не могла объяснить и сама Женя. Она столько раз пыталась это понять, высказать ему, но как сказать о том, чего сам не можешь увидеть и разобрать? Когда она была в себе, когда была нормальной и жила нормально, она не отличалась от своих сверстников. Она хорошо училась, была умницей, душой компании. Но в один миг на нее что-то наваливалось, и она просто теряла разум. Этого не могли объяснить ни наркологи, ни психологи, списывая все на внутренний конфликт в душе Жени. А сама она не могла ничего понять и объяснить.

Дима глубоко вдохнул свежий морозный воздух и сел в машину. Он знал несколько адресов, по которым стоило ехать. Он знал все те лица, которые сейчас замелькают перед его глазами. Кто-то был таким же как его Женя, кто-то был дилером, кто-то просто крутился вокруг да около. В глазах каждого была безнадега, тоска, злоба или гнев. Эти места давили на него даже сильнее, чем те, в которых он побывал, служа по контракту. Здесь все казалось таким знакомым, таким личным, что становилось так тоскливо и грустно, даже слезы порой выступали на глазах. И никакое время не помогало абстрагироваться от того, с чем он здесь сталкивался. Ему даже ночами иногда снилось то, что он видел в таких притонах: дети, подростки, напичканные всякой дрянью, молодые девушки, иногда даже беременные, торгующие своим телом ради наркоты, изможденные, похожие на трупы парни, которым бы жить и жить, радуясь каждой мелочи. Всех сюда привели обстоятельства, проблемы, невзгоды и слабый характер. И Диме было страшно от того, что и его Женю можно отнести к числу тех, кто находится в подобном положении. Было жутко осознавать, что она такая же, как все здесь. Жутко и страшно: а что же будет дальше? Прекратиться ли все это? Сможет ли его любимая найти дорогу из этого ада?

Молодой мужчина проехал по двум значным местам, но не нашел Женю ни в одном. Осталось еще два, известных ему, и он очень надеялся, что подруга в одном из них. Если нет, где ее искать он не представлял. А поэтому наверняка придется обращаться к знакомому в полиции, рыскать с группой оперативников по всему городу, а потом вытаскивать Женю из камеры, чтобы увезти домой.

Дима оставил машину за пару кварталов от притона и торопливо направился туда пешком. Огромное, полуразрушенное здание, с кучей разбитых окон и выломанных дверей, с вонючим мусором под ногами навевало отвращение и злость. Он не хотел быть сейчас здесь, не хотел, чтобы для этого была причина. Но уже почти смирился, потому решительно толкнул железную дверь и вошел внутрь. В каждой комнате и коридоре, которые он

проходил, стоял стойкий запах сигаретного дыма и сладковатый аромат травки, немых потных тел и дешевых духов, которыми несло от шлюх, обслуживающих клиентов на виду у всех, обдолбанных до полубессознательного состояния. Половина из них даже не осознавала того, что творится с их телами, кто их трогает и касается. Пустые глаза мальчишек-подростков, нанюхавшихся всякой химии и дряни, их глупые блаженные улыбки вызывали жалость и пренебрежение одновременно. А где-то чуть дальше, Дима, кажется, услышал плач младенца. Он даже думать не хотел, что этот невинный ребенок здесь делает и как оказался: принесла ли его сюда мать-наркоманка, которой не с кем его оставить, или еще что похуже. Первые разы, которые он побывал в похожих местах, вызывали в нем депрессию, серьезную и глухую. Он не прекращал думать о том, то видел и слышал, свидетелем чему невольно становился. Сейчас он научился абстрагироваться от всего, и это одновременно радовало и ужасало его. Он очерствел на фоне собственных проблем или же просто отчаялся думать обо всех этих людях не в силах им помочь хоть как-то? Он и сам не знал, и даже уже не хотел знять.

Никто не обратил внимания на молодого мужчину. Здесь часто появлялись такие: хорошо одетые, серьезные, ни на кого не обращающие внимания. Кто-то приходил сюда с той же целью, что и он. Кто-то, желая приобрести товар, кто-то в поисках дешевого развлечения. Не раз и не два, Дима сталкивался с тем, что у него просили денег или предлагали свое тело за дозу кокаина. Он всегда брезгливо отталкивал таких людей, даже не пытаясь бороться с презрением и злобой внутри.

Парень шел по коридорам и толкал каждую дверь, выискивая знакомое лицо или одежду, цвет волос — что угодно, чтобы опознать свою девушку. И порой с облегчением не узнавал лиц. Застань он Женю хоть раз в подобном положении — обдолбанную, стонущую под каким-то жирным боровом неясной национальности — он бы сошел с ума. Он бы разгромил здесь все и всех, собственными руками задушил бы каждого подонка. Он не хотел не то, что представлять себе подобное, но даже думать о чем-то в этом роде. Да и повода как такового у него не было: ни разу он не видел Женю вот так, никогда она не торговала собой ради порошка. И он был сверх меры удивлен, когда выяснилось, что после года скитаний по таким местам, его Женя все еще была девственницей. В первую их совместную ночь он даже не надеялся и не рассчитывал на подобное, не смел этого желать, и нисколько бы не осудил. Но облегчением было нереальным, когда он это понял: по болезненно скривившемуся лицу девушки, по крови на их телах и по робкому удивлению Жени, впервые постигшей физическую близость.

По мере того, как с каждым этажом Дима поднимался вверх, становилось все интимней. Похоже, что здесь было что-то вроде борделя: в каждой комнате кровать или матрас на полу, целы двери, недовольные вскрики тех, кому он мешал, нагло открывая их и внимательно глядя на людей. Мужчина почти не сомневался, что зря здесь тратит время: если Женя здесь, то она с деньгами, на которые может купить дозу, чтобы не оказаться здесь, наверху, оплачивая ее собой. Но все равно он добросовестно — как бы странно это ни звучало — заглянул в каждую комнату. Девушки здесь не было, и он торопливо двинулся в сторону лестницы на выход.

Задумчиво кусая губу и думая о том, куда ехать дальше, краем глаза Дима заметил впереди движение, но не обратил никакого внимания. И только проходя мимо двери, в которую они вошли, он замер на месте от услышанного за закрытой дверью.

— Нет! Пустите! Я не хочу! Отвалите от меня!

Не раздумывая ни секунды, Дима выбил ногой дверь, разъяренным зверем врываясь внутрь, где кричала Женя. Его глазам предстала омерзительная картина.

Двое ублюдков, удерживая на грязном матрасе его Женю, сдирали с нее одежду, в попытках обнажить. А девушка, хоть и была под кайфом, отчаянно сопротивлялась: брыкалась, кричала, кусалась и пыталась вывернуться из болезненного захвата сильных мужских рук.

Ярость застила глаза парня и он, почти не соображая, что делает, раскидал этих сволочей в разные стороны. Подлетел к одному и со всей силы заехал носом ботинка по лицу, потом по животу и ребрам. Краем глаза заметил, как второй пытается улизнуть. Успел схватить его за шкурку и со всей дури приложил лицом о стенку, сжимая в стальном захвате тонкую шею. Парень задыхался, трепыхался и пытался отодраться от своей шеи его руки, но Дима отпустил только тогда, когда тот потерял сознание. Отбросив подонка в сторону, молодой мужчина повернулся к кровати. Женя лежала без сознания, с заплаканными щеками и наливающимся синяком на скуле. Кофта была изодрана в клочья, позволяя видеть царапины на животе и боках.

Этот вид разбудил в Диме новый поток злости и гнева, но он сумел обуздать его. Подойдя к импровизированной постели, он легко подхватил на руки бессознательное тело своей девушки и двинулся в сторону двери. Крепко прижимая к себе Женю, Дима задумался о том, что было бы, опоздай он хоть на десять минут. Он никогда бы себе не простил подобного. Но что хуже, он не простил бы подобного ей. Ему не выносима была мысль, что однажды дойдет и до этого, что однажды она падет так низко, что забудет о нем, о остатках нравственности и правилах. Ведь как ни как, но виновата в том, что он сегодня увидел, была именно Женя. Не он, ни кто-либо другой. Она. Она пришла сюда, зная, что это за место, она нанюхалась кокаина, зная, что потом с ней можно делать что угодно, а она и не вспомнит. Дима уже устал оправдывать ее и винить себя, что из-за него все началось, из-за его отсутствия рядом с ней в трудный момент. Но ведь сейчас он рядом, он с ней, он дает ей все, что нужно, он любит ее и оберегает. Так почему она снова бежит на огонь, сжигая и себя и его? Почему?

Он так устал. Так устал морально ждать подвоха, ждать предательства и ее очередной ошибки. Устал рыскать ночами по подобным местам, выискивая в толпе отбросов свою любимую. Эти два года с ней превратились для него в смесь счастья и боли, радости и отчаянья. Отрицательного, к сожалению, было больше. Он чаще видел Женю такой, а не улыбающейся, здоровой и счастливой. Чаще видел слезы, а не смех. Истерики, а радость. Он любил ее, любил всем сердцем. Но он устал.

Бережно Дима положил Женю на заднее сиденье машины и сел за руль. Завел двигатель и тронулся в сторону дома. Он уже давно перестал ездить откачивать Женю в больницу: все препараты, капельницы и лекарства были у него дома. Он сам выхаживал девушку, сам выводил из ее тела наркотики. Ему просто однажды надоело смотреть на сочувствующие и жалостливые лица врачей и медсестер, когда он привозил Женю в клинику. Надоели разговоры с психологом и психиатром, надоели советы и указания. Но больше всего, надоело понимание того, что они все правы. Ему уже многие сказали, что пора ему оставить эту девушку, начать жить заново, создать нормальную семью. Он красив, молод, здоров и достоин лучшего. И сейчас, как никогда громко в ушах звучали все эти речи и разговоры. А все потому, что с каждым днем он опускал руки все ниже и ниже. У него уже не было сил, ни моральных, ни физических.

Приехав домой, мужчина сразу понес Женю в ванную. Она по-прежнему еще была без сознания, но это уже даже не пугало и не напрягало. Он бережно вымыл ее тело, вытер махровым полотенцем и закутал в халат. В спальне уложил на кровать и подключил капельницу, с раствором, выводящим наркотики из крови. Сел рядом с ней, взял в руки ее тонкую ладошку и начал согревать ее своим дыханием, не сводя взгляда с ее закрытых глаз и пушистых, трепещущих ресниц, бледных щек и чуть посиневших губ. Синяк на скуле он смазал кремом от ушибов, а царапины пока трогать не стал.

В голове молодого мужчины как всегда в такие моменты крутились сотни мыслей: плохих, ужасающих, злых и бессильных. Сидя вот так рядом с неменяемой Женей, он много и обо всем думал. Об их жизнях, их проблемах и способах их решения, о том, как жить дальше и стоит ли продолжать попытки. Но никогда раньше он не думал о том, что уже все, что он готов ее отпустить плыть по течению самостоятельно. Он не готов даже ради любви портить себе жизнь. Такая любовь ему не нужна. Не подобного он ожидал от отношений с любимым человеком, не таких страданий и проблем. Но так и было: он думал о том, что с него хватит. И как только Женя придет в себя, он скажет ей об этом. И выбор будет только за ней, и он больше не станет себя винить, если она выберет свою пропасть — он сделал все, что было в его силах.

Глава 2

Эта ломка была тихой. Несколько дней Женя пролежала в кровати, тихо скуля и подвывая. Из серых глаз время от времени катились слезы, а сквозь сжатые зубы прорывались рыдания. Дима был рядом. Обнимал ее, успокаивал, нежно шептал о том, что еще чуть-чуть потерпеть, что осталось немного, и боль уйдет. Она жалась к нему, как побитый щенок, цеплялась ногтями за футболку и утыкалась носом в шею. Мужчина не упрекал ее, впрочем, как и всегда, не ругал и не высказывал все, что накопилось. Ей и без того было тяжело и стыдно.

Только на четвертый день Женя пришла в себя и уснула — тихо и спокойно. Надолго, как предполагалось. А Дима себе такой роскоши позволить не мог. Он пропустил несколько дней работы, оставаясь рядом с Женей, а теперь ему нужно было наверстывать упущенное. У него горел контракт, скопилась куча бумаг на просмотр и подпись. В общем, работы было до хрена и больше. Поэтому утром, заперев девушку в доме, он поехал в офис.

Ольга, его помощница — секретаршей ее назвать не поворачивался язык — ждала его в приемной с уже готовым списком дел и срочных задач. Она ни слова не сказала про его внешний уставший и изможденный вид, не спросила в чем дело и не вылила на него ведро жалости своим взглядом. Она была сосредоточена исключительно на работе и делах. А еще она была в курсе причин его отсутствия. Ольга была для Дмитрия не просто помощницей, больше — другом. Они сдружились по мере того, как стали работать вместе. С ней он многим делился, она давала ему советы и поддерживала его во всех ситуациях, связанных как с работой и бизнесом, так и с личной жизнью. От нее он мог не прятать усталости в глазах и злости, зная, что она не кинется его утешать, сочувствовать и раздавать указания. Ольга была тактичной, она понимала его с полуслова, знала его нрав и характер. Она никогда не станет его уговаривать все бросить и начать заново. Нет, она поддержит его в любом случае, но никогда не станет навязываться. Она была ему дорога, он любил ее по-своему, как друга, и был рад, что они познакомились и смогли найти общий язык. Очень часто подруга выручала его по работе, как сейчас, всегда помогала, чем могла, и просила взамен только ответной дружбы и поддержки.

Целый день Дима с Ольгой провели в его кабинете, работая с бумагами и клиентами. Они просидели до поздней ночи, разгребая завалы документов. Но так даже было лучше. Так Дима хоть как-то мог не думать о Жене и проблемах, связанных с ней и их жизнью. Это отвлечение было ему необходимо.

— Как жаль, что завтра суббота, — тихо проворчал себе под нос Дима: ему не помешала бы еще пара дней аврала.

— Ты, наверно, единственный во всем офисе так думаешь, — хмыкнул Ольга. — Все рады, что впереди выходные.

— Я их не виню, — вымучено улыбнулся мужчина. — Даже завидую.

— Все так плохо? — проникновенно глядя на него, спросила тихо девушка.

Она впервые за весь день спросила его о личном.

— Я устал. Смертельно устал, — закрывая лицо ладонями и проводя ими вверх-вниз, протянул мужчина.

— В этот раз все еще хуже? — с малой ноткой сочувствия спросила подруга.

— Нет. Дело в другом. Дело во мне. Я больше так не могу, — с тоской глядя на нее, протянул Дима.

— Понимаю. Но я знаю тебя — ты сильный — ты справишься.

— А я уже в себе так не уверен, — покачал головой мужчина. — Последние два года вымотали меня больше, чем три в спецвойсках. А там я немало ужасов увидел.

— Все образуется, ты сам говорил, — ободряюще пожала его руку Ольга.

— Боюсь, что я устал в это верить.

— Ты же любишь Женю, не нужно так говорить.

— На одной любви не построишь семью. Одной любви мало, чтобы быть счастливым.

Подруга только молча смотрела в его грустные, старческие глаза, и ни слова не сказала в ответ на последнюю фразу. Дима был уже на стадии отчаяния. И здесь она уж точно не советчик: настолько важное решение должен принять он сам, чтобы потом никого не винить в возможной его ошибочности.

— Что ты собираешься делать? — спросила девушка.

— Я еще не решил, — покачал головой Дима.

— Ладно, дело твое. А насчет выходных, можешь прийти завтра ко мне, и мы продолжим работу, если ты хочешь выбраться из дома.

— Я не помешаю?

— Слушай, у нас до хрена и больше работы, все равно я все выходные буду заниматься делами, так что присоединяйся, — легко улыбнулась Оля.

— Спасибо, — почти с облегчением выдохнул Дима, впервые за весь день улыбаясь.

Когда Дима вернулся домой, в некоторых комнатах горел свет, что говорило о том, что Женя уже не спит. Девушка нашлась на кухне. Она сидела за столом, поджав под себя колени и обхватывая их руками. Взгляд был устремлен в темное окно, а тонкие дрожащие пальцы сжимали кружку с чаем. Вид у нее был уставший, замученный, и ее немного знобило, судя по мелкой дрожи всего тела, несмотря на то, что она была в теплой одежде.

Она обернулась на звук его шагов и тихо прошептала:

— Привет.

— Привет, — так же тихо ответил Дима.

Всегда возникала неловкость в подобные моменты, когда Женя приходила в себя и не находила себе места из-за стыда и вины. Раньше она всегда просила прощения, беспрерывно

и на каждом шагу, но потом они установили правило — не просить прощения и не обсуждать происходящее: это всегда было слишком тяжело и болезненно. Возможно, они просто бежали от проблем и ссор, но из раза в раз мусолить одну и ту же тему, слушать и давать обещания, просить и умолять, у обоих уже не было сил. И они оба молчаливо, немного гнетуще, переживали эти первые недели после очередного срыва Жени: мало разговаривали, почти никуда не выходили, кроме работы и учебы, никак не развлекались, идя вечером после ужина спать.

— Ты голодный? — тихо спросила девушка. — Я приготовила обед днем, поешь.

— Да, спасибо. Как ты? — обернувшись от холодильника не смог не поинтересоваться мужчина, внимательно глядя на нее.

— Ничего, — слабо улыбнулась Женя поверх чашки. — Уже лучше. Только спать хочется.

— Иди ложись, я скоро приду, — ободряюще улыбнулся Дима.

Было тяжело делать это — улыбаться. Но а кричать, устраивать разборки и обсуждения еще тяжелее. Поэтому из двух зол он выбирал меньшее.

На скорую руку соорудив себе бутерброд, мужчина быстро перекусил, принял душ, и лег в постель. Прошедшие дни вымотали его, да и с работой завал. Но на последнее не грешил: работа была почти блаженством, позволяющим хоть на время отвлечься.

Робко Женя придвинулась к нему поближе, а он тут же притянул ее к себе впритык, крепко обнимая, даруя ей ощущение заботы, защиты и надежности. Всегда в такие моменты Дима чувствовал, что сейчас Жене как никогда нужна его близость. Вина давила на нее, и ей нужно было чувствовать, что ее простили и приняли назад. Она сама однажды сказала, что в такой момент чувствует себя нашкодившим котенком, которого выкинули из квартиры, а потом милостиво впустили назад, а он тут же начинает ластиться, чтобы загладить свой поступок.

Через пару минут Женю перестало трусить, и она уснула, крепко вжимаясь всем своим маленьким тело в большое тело Димы. А его никак не отпускали мысли, хоть и хотелось отдохнуть. Он тихонько перебирал пальцами мягкие темные пряди волос на голове девушки, и думал о том разговоре, который хотел начать в ближайшие пару дней. Он собирался поставить Жене условие, она должна была над ним серьезно подумать. И это было его последней попыткой помочь и все наладить. Если ничего не выйдет, он просто перестанет бороться.

Утром Дима написал спящей еще Жене записку о том, где он и чем занят, и поехал к Ольге работать. Подруга встретила его с улыбкой, чашкой кофе и горой документов прямо на полу в гостиной. Мужчина вздохнул, глядя на эту кучу, но покорно опустил перед ней на колени и принялся разгребать. До самого обеда они без перерыва работали, потом перекусили и выпили пару чашек кофе, обсуждая свои личные дела, но без углубления. Ольга рассказала о неудавшемся свидании, и поделилась парой смешных историй.

— Этот парень еще не знает, что он упустил, — с улыбкой отвесил комплимент подруге Дима. — Ты замечательная.

— Твои слова да Богу в уши, — вздохнула со смешком девушка. — Мне попадаются одни неудачники. Скоро подумаю, что меня кто-то проклял.

— У тебя еще все впереди. И ты правильно поступаешь, что не размниваешься на ерунду.

— Знаешь, иногда мне кажется, что в моей жизни уже был такой человек, который был

достоин меня.

— Кажется?

— Я не уверена, что это он, пусть и хотелось бы этого. К тому же он...

Она замолчала на полуслове и покачала головой.

— Не важно, я просто знаю, что сейчас это невозможно. Уже поздно.

— Вдруг он еще одумается, — подбодрил ее мужчина.

— Вряд ли, — покачала головой Оля с улыбкой на губах. — Ай, все это ерунда. Мне и так не плохо. Как ни крути, а все вы мужики — козлы. Одни лучше, другой хуже — итог один.

Дима не стал с ней спорить, а просто рассмеялся на ее ворчливый комментарий. И в который раз порадовался тому, что в его жизни есть такой человек, который, несмотря на все невзгоды, заставляет его улыбаться и смеяться. Было что-то особенное в его подруге, что помогало этому, какая-то чертовщинка, но добрая и веселая. Она умела сказать нужные слова, умела промолчать и съязвить в нужный момент, была харизматичной, но в то же время серьезной и уравновешенной. И иногда Дима думал о том, что не будь рядом Жени, у Оли были бы все шансы покорить его сердце. Не люби он всей душой другую, его подруга рано или поздно сменила бы свой статус рядом с ним на нечто большее.

После обеда молодые люди продолжили работу до позднего вечера. Время от времени Ольга варила кофе или заваривала чай, а Дима звонил Жене и спрашивал как у нее дела. Но в общем у парня получилось отвлечься от грустных и серьезных мыслей.

— О чем задумался? — спросила Ольга, провожая друга до двери.

— Да так, назревает один серьезный разговор.

— Ты о Жене?

— Да.

— Ты что-то решил?

— Да, — решительно кивнул Дима. — Пора поставить все точки над 'i'.

— Ты задумал что-то кардинально изменить?

— Это не мне решать, — только и сказал мужчина, чуть поджав губы и попрощавшись кивком с подругой — До завтра.

— Спокойной ночи.

Дома Дима не застал Женю бодрствующей. Как всегда после очередной ломки она была очень сонливой, мало двигалась и все больше спала. Мужчина не стал ее будить, тихонько лег рядом и задумчиво вглядывался в красивое лицо. Он бы желал сейчас вложить ей в голову здравый смысл, чтобы завтра во время разговора она поняла всю серьезность его условия, чтобы хорошо подумала и сделала правильный выбор. Он желал этого всем сердцем, но это будет только ее решение. Он знал, что она умная девочка, знал, что она все поймет правильно, вот только хватит ли ей сил? Дать ей свои он не мог — у самого мало что осталось. И, несмотря на всю серьезность последствий этого разговора, Дима был уверен в том, что он необходим.

Утром мужчина не стал торопиться и уходить, а дождался пробуждения Жени. Приготовил ей завтрак и внимательно наблюдал, как она ест, с нежной улыбкой на губах. Девушка была еще несколько бледна, но румянец уже потихоньку возвращался на бледные щеки, губы стали ярко розовыми, и дрожать она перестала. Все эти детали мужчина замечал уже по привычке, когда раньше терпеливо дожидался их, зная, что это знаки того, что все закончилось. Это олицетворяло для него мгновения спокойствия и мимолетного счастья.

— Что? — спросила девушка, заметив на себе его внимательный, чуть рассеянный взгляд.

— Ничего, ты просто хорошо выглядишь. Тебе лучше?

— Да, спасибо, — неловко ответила она, стыдливо опустив взгляд.

Так будет продолжаться еще долго: она будет чувствовать вину, стараться всеми силами ее искупить, загладить, при этом делая это так тщательно, что порой оскомину набивало. Иногда Диме приходилось умирять пыл Жени — она слишком старалась. Ему не нужны были все эти показные детали, он и так знал, что она чувствует и как ей не по себе.

— Ты сегодня к Оле?

— Да, работы уйма, — кивнул Дима, утыкаясь взглядом в чашку кофе.

— Передавай ей привет, — улыбнулась Женья.

Девушка никогда не ревновала своего парня к подруге. Для нее Оля была таким же другом, как и для Димы, может не столь близким, но все же. Они неплохо общались, иногда даже вместе выбирались погулять и повеселиться. И Женья была искренне благодарна Ольге, зная, что именно она поддерживает Диму, когда сама она рушит его мир. Этот человек был для них обоих важным элементом в отношениях.

Мужчина кивнул на ее просьбу и снова опустил взгляд. Жене не составило труда заметить, как он напряжен и задумчив.

— Что-то случилось? — тревожно глядя на него, спросила девушка.

— Нет, я просто хотел поговорить, — он поднял взгляд и серьезно посмотрел на нее. — О нас.

— Да, конечно. Я сейчас все уберу и приду.

Она торопливо подскочила с места и начала убирать со стола. Дима заметил тревогу в ее глаза, страх и панику. Но не стал успокаивать и просто вышел из кухни. Она должна понять всю серьезность их положения, а жалость к ней лишь все испортит.

Дима услышал шаги и поднял голову. Женья нерешительно, почти робко остановилась на пороге спальни, теребя пальцами край футболки и прикусывая пухлую губку. Смотрела она куда угодно, но только не на парня.

— Иди сюда, — мягко произнес Дима, похлопав рукой по кровати рядом с собой.

Все так же нерешительно Женья подошла и села рядом. Дима взял ее ладошку в свою и ободряюще сжал. Она тут же вцепилась в нее всеми силами, будто утопающий за спасательный круг. Она будто чувствовала, что сейчас прозвучит что-то если не страшное, то неприятное в любом случае. И в какой-то мере понимала, что за дело ей все это. Но боялась.

— Что ты помнишь о той ночи, когда я последний раз тебя нашел?

— Все как обычно: я вышла из дома, пришла туда, купила дозу и тут же приняла. Потом как ты выносил меня из машины. И все.

Ей было неприятно об этом говорить, но обязательно — она это знала. Иногда в клинике это было частью терапии — признать весь ужас ситуации, осознать ее мерзость, и таким образом больше не оказываться в подобном положении. Ей это мало помогало. Она знала, как все это отвратительно выглядит со стороны, видела же таких же, как она сама, когда еще в сознании приходила в очередной притон, а там уже были те, кто под кайфом своей дозы. Она знала, что будет такой же невменяемой, ужасающей и кошмарной. Но раз за разом хватала пакетик с порошком и жадно вдыхала его в себя.

— В этот раз я нашел тебя в одной из комнат наверху, — сглотнув, начал Дима.

Его взгляд был устремлен вперед, будто он сейчас вспоминал каждую мелочь той ночи

и каждое событие до минуты. А его рука все крепче сжимала ее ладошку в неосознанной злости и ярости. Женя смотрела на него со смесью тревоги и ожидания. Ей было страшно услышать то, что он собирался сказать.

— Двое ублюдков пытались тебя изнасиловать. Они рвали одежду на твоём теле, выкручивали руки и били. Ты сопротивлялась, вырывалась, кричала и кусалась.

Его голос был надломленным, тихим, но одновременно оглушающим. Он будто снова переживал все то, что увидел в том месте. Вторая рука, не сжимающая ее ладонь, сжалась в кулак до выступивших на поверхность синих вен.

— Но если бы я опоздал хоть на пять минут...

Он не закончил, не мог этого сказать. Лишь прикрыл глаза и до зубного скрежета сцепил челюсть. Женя жалась к нему боком, прикрыв ладонью рот в немом крике паники и ужаса. Ей было страшно все это услышать. Но еще страшней понять, что бы могло произойти, не появившись Дима вовремя. Но самое ужасное — она бы даже этого не помнила!

— И теперь я боюсь того, что в следующий раз не успею. Что в следующий раз ты будешь лежать передо мной истерзанным телом, не понимающим, что с ним сделали, использованным и грязным.

Мужчина повернулся к ней лицом и с мольбой о прощении, одновременно твердостью и решительностью добавил:

— Поэтому в следующий раз я за тобой не пойду.

Женя смотрела на него широко распахнутыми, грустными, понимающими и напуганными глазами и молчала. Было ужасно это услышать, но в то же время правильно. И это не его каприз. Это — ее вина.

— Я люблю тебя, — тихо, с отчаянием прошептал Дима, обхватив руками ее лицо и прижавшись лбом к ее лбу. — Люблю всей душой. Но я устал. Я больше так не могу. Поэтому если ты еще раз уйдешь — я не пойду тебя искать. Я не брошусь следом в попытке спасти и защитить, обезопасить. А ты — не возвращайся.

Он смотрела на нее такими глазами, что сердце сжималось от боли, по щекам слезы побежали, а губы задрожали. В его глазах Женя видела все, о чем он говорил: любовь, страсть, тоску, боль, отчаяние и решимость. Да, он не пойдет за ней больше. И она не посмеет его обвинить в том, что он ее бросил и оставил, не захотел помочь. Не теперь. Не в этой ситуации. Больше она не имеет права быть слабой. Он доказал ей свою любовь, свои чувства. Он помогал, защищал и поддерживал. И Женя понимала, что этого ему теперь мало. Она и сама осознавала что, то, что между ними — это не отношения, это не семья. Между ними нет доверия, нет преданности и чувства ответственности. Она понимала, что не смеет больше его держать и чего-то ожидать, если не готова дать взамен хоть что-то. И она обязана постараться. Ради него. Ради себя. Ради них.

— Я поняла, — закивала Женя, хлюпая носом и кивая головой. — Ты прав. Прав во всем. И я знаю, что так правильно. Ты достоин лучшего. И если я не смогу тебе этого дать, я уйду. Отпущу.

— Я не хочу этого, — прижимая ее к себе и зарываясь носом в ее волосы, зашептал Дима. — Ты знаешь, что не хочу. Но дальше так продолжаться не может.

— Я знаю, — обнимая его, произнесла Женя. — Это я во всем виновата. Только я. И мне жить с этим грузом.

— В твоих силах все исправить. Я хочу в это верить, хочу верить в тебя. Хочу удостовериться, что твоя любовь ко мне сильнее всего остального: проблем, зависимости и

отчаяния.

Легким движением Дима пересадил девушку к себе на колени и крепко обнял. Она тихонько плакала у него на груди, вздрагивая всем телом, и продолжая шептать 'прости'.

Глава 3

— Что с тобой? — чуть нахмурившись, поинтересовалась Ольга, заметив, что Дима смотрит в одну точку уже минут десять, о чем-то напряженно размышляя.

Мужчина покачал головой и вернул свое внимание бумагам в руках.

— Ты чем-то озабочен, — не отстала от него девушка.

— Просто тяжелый день.

— Одиннадцать утра всего.

— Утром у меня был серьезный разговор с Женей.

— Да, ты говорил.

— Он не просто мне дался, и я никак не могу выкинуть его из головы.

— Ты боишься, — пронизательно, чуть удивленно заметила девушка.

— Да? — невесело хмыкнул Дима. — Возможно. И есть чего. Я поставил Жене условие и буду бояться, что она его не выполнит. И самое главное, что постоянно: могут пройти года, и она его нарушит. А я все это время буду дрожать и труситься.

— Что за условие?

— Я не пойду за ней больше, если она снова сорвется, — тяжело вздохнув, произнес мужчина.

Было напряжно вслух повторять это, но так нужно. Так он быстрее смирится с тем, что сделал правильный выбор. Так он быстрее поймет, что все верно.

— А ты сможешь?

— Не знаю, — усмехнулся с горечью Дмитрий. — Не уверен. Я люблю ее, это будет не так просто — отпустить. Но знаю, что правильно.

— Все верно. Ты имеешь право выбора. Это твоя жизнь, и только тебе решать, как ее прожить. Женя наверняка понимает все это.

— Понимает. И принимает, и даже упрека не проскользнуло в ее словах и взгляде. И это дает понять, что она меня любит. Но вот хватит ли ей этой любви, чтобы противостоять зависимости? Хватит ли сил?

— Только ей об этом думать и решать. Ты сделал все, что мог. Теперь ее ход.

— От правильности понимания не становится легче. Я ведь не могу быть уверенным, что если сейчас, в этот год, в ближайшие два или три, она не сорвется, то этого не произойдет и через десять лет. Что тогда? К тому времени у нас уже могут быть дети, и у меня появится и эта ответственности — перед ними. Меня теперь страшит это — семья. Что если я не смогу ее обезопасить и защитить?

— Знаешь, мне кажется, что тебе рано об этом думать. Если Женя сорвется, то сделает это скоро. Если нет, то не сделает никогда. Она тоже понимает всю эту ситуацию правильно. Если у нее будут дети, это еще больше привяжет ее к тому, что важно, и что следует выбрать в случае сомнений. Но с другой стороны — это лишь наши слова, домыслы и предположения. Мы не знаем что будет завтра, и даже через час. И не стоит и думать и гадать. За этим вся жизнь пройдет мимо. Нужно просто жить.

— Ты не понимаешь, — покачал головой Дима. — Да это и хорошо. Но я так не смогу. Я буду жить с этим страхом всю жизнь. И ждать, когда Женя уйдет. И лишь если это случится, я смогу нормально жить. Ужасно звучит, правда? — с тоской взглянул мужчина на

подругу. — Как будто именно это мне и нужно — чтобы она ушла.

— Возможно, это так? Возможно, жизни с ней у тебя уже не будет? — с грустью глядя на него, спросила Оля.

— Я не знаю, — проводя с силой ладонями по лицу, глухо произнес Дима. — Я уже ничего не знаю.

Девушка смотрела на него с тоской и с ноткой жалости, позволяя это только тогда, когда Дима не видит. Она действительно жалела его, но он этого не любил, поэтому приходилось прятать свою жалость поглубже. Ольга понимала его чувства к Жене, его привязанность к ней, но порой думала о том, что лучше бы этой девочки в жизни Димы не было. Возможно, это эгоистично, но своему другу она желает лучшего. А для него лучше будет без Жени. Он и сам это понимает сейчас, но это претит ему из-за чувства ответственности и нежности к любимому человеку. Сердце всегда побеждает разум, когда дело касается любви. И с этим ничего не поделаешь. Даже зная, люди совершают глупости, зная, идут на риск и сомнительные предприятия, и все из-за любви. А потом они сокрушаются на тему того, как же так и почему все происходит именно вот так.

Оля знала это не понаслышке. И сейчас тоже страдала по-своему. Она знала, что Дима любит другую, когда познакомилась с ним. Знала, что у нее нет шансов стать чем-то большим, нежели просто близкий друг. Она все прекрасно знала, но позволила любви завладеть своим сердцем и победить разум. А теперь вот страдает, глядя на любимого человека, страдающего по другой. Но даже сейчас она не готова была дать понять Диме, что у него есть шанс начать все заново. С ней. Она не хотела, чтобы сейчас он потерял еще и друга, а не только любимую девушку. И пусть он еще надеется на то, что все еще не потерял, Оля была уверена в обратном. Он потерял Женю еще в тот раз, когда она впервые бросила его посреди ночи из-за дозы.

Оля чувствовала себя двояко. С одной стороны она желала Диме счастья. Она хотела видеть его довольным, улыбающимся и радостным. Он был таким с Женей. Он любил ее, и это было его счастьем, пусть и наравне с горечью и расстройством. И она желала Жене сделать верный выбор. А с другой хотела ее ошибки. Ведь тогда у нее будет шанс на собственное счастье. И однажды она смогла бы сделать счастливым и Диму, но уже рядом с собой. За эти мысли было стыдно, но она любила, и это ее обеляло в собственных глазах хоть немного.

— У тебя есть выпить? — удивил ее своим вопросом Дима. — Мне надо забыться, хоть немного.

— Уверен? — с сомнением уточнила девушка.

Дима не был приверженцем подобного способа расслабляться. И снова из-за Жени. Ведь алкоголь тоже можно считать наркотиком, в какой-то степени и к нему можно пристраститься. Но видимо, это было единственным, что сейчас позволит ему расслабиться и просто не думать. Работа — хорошо, но видимо водка лучше, потому как Дима утвердительно кивнул.

— Только будем пить вдвоем, чтобы это не выглядело настолько отвратно, — поставил условие мужчина с легкой улыбкой на губах.

— Идет, — кивнула со смешком Оля, вставая с пола и идя на кухню.

А Дмитрий пока убирал все документы, которые уже не помогали так, как он рассчитывал.

Уже через пару часов оба захмелели, если не сказать больше. Они сидели на кухне, пили

и всяческими способами старались не поднимать тяжелую тему, от которой Дима и хотел уйти. И в принципе у них неплохо получалось. Оля рассказывала о своей учебе в универе, он о службе и юности. Они много смеялись, шутили и просто расслабились.

Потом они перебрались в гостиную, где было удобней, расположившись на мягком ковре. Лежа на полу и глядя в белый потолок, они на некоторое время замолчали, думая каждый о своем. Алкоголь туманил разум, нагоняя тоску.

— Скажи, — начала Ольга, находясь под опьянением и плохо соображая, что лучше бы ей не заводить этот разговор — ведь неизвестно, к чему он приведет, — если бы не Женя, какую бы ты девушку хотел видеть рядом?

Не менее пьяный мозг парня туго соображал, и он ответил лишь через пару минут.

— Умную, добрую, заботливую, серьезную, красивую, само собой, — хмыкнул пьяненько Дима. — Наверно, она была бы похожа на тебя.

Он удивил Олю своим ответом. Она не ожидала подобного, ей просто было любопытно, когда она спрашивала. Может быть, она желала бы услышать в его описание хоть что-то, что относилось к ней. И тут такой ответ. Девушка повернулась на бок и посмотрела ему в лицо. Дима лежал на спине, закинув руки за голову, чуть улыбаясь глядел в потолок, будто там было звездное небо. Глаза подернулись поволокой алкогольного угара, показывая невменяемость мужчины.

— Или ею могла бы стать ты, — рассмеялся тихо Дима, думая, что и Оля сейчас рассмеется.

Но переведя на нее глаза, он поймал ее серьезный взгляд, пусть и не менее мутный, чем собственный.

— Что? — продолжая глупо улыбаться, протянул Дима. — Или я не в твоем вкусе?

— В моем, — кивнула Ольга, прикусывая губу и не отрывая взгляда от него. — И, пожалуй, я бы согласилась быть с тобой рядом.

— Да?

— Да. А почему нет? — улыбнулась Оля, подпирая тяжелую голову кулачком. — Ты умный, красивый, серьезно настроен, в отличие от многих мужчин, которых я знаю. У тебя большое доброе сердце. Ты заботливый, надежный. Что еще нужно для счастья?

— Доза? — невесело хмыкнул Дима.

Шальной взгляд снова стал грустным.

— Не для меня, — покачала головой Оля. — Ты был бы моей дозой счастья.

— Было бы замечательно, — грустно, но мечтательно протянул Дима, прикрывая глаза.

А Ольга не сводила взгляда с его приоткрытых губ. Пьяный разум совершенно не умел контролировать и фильтровать мысли. Если в трезвом состоянии девушка четко умела себя ограничивать, чтобы не замечаться до разочарования, то сейчас в голову лезли отнюдь не правильные мысли. Сейчас она не стала обрывать свои фантазии, не помня о том, как трудно потом будет возвращаться в реальность. В эту минуту она не думала о правильности, логичности и разумности своего поведения. Сейчас она просто хотела забыть обо всем и наслаждаться. Мелькнула мысль, где-то глубоко-глубоко, что потом она пожалеет об этой глупости, что съест себя за несдержанность и будет еще долго упрекать свою слабость. Но мысль лишь мелькнула, скрывшись за водоворотом давно сдерживаемых желаний.

Ольга подалась вперед, склонилась над лицом Димы и прижалась к его губам своими. Лишь на миг. А потом отодвинулась, взглянув в широко распахнутые глаза друга. Она была так близко к нему, что их дыхания смешались в одно.

— Зачем ты это сделала? — тихо, с ноткой удивления прошептал мужчина.

— Не знаю, — так же тихо прошептала Оля, скользя взглядом по его лицу. — Просто захотелось.

Она опять подалась вперед и еще раз поцеловала, легко и невесомо.

— Тебе не нравится? — спросила подруга.

— Не знаю, — растерянно протянул Дима, глядя на нее непонятно и явно неосмысленно. — У меня есть Женя. Так нельзя.

— Нельзя, — согласилась девушка, не отводя от него взгляда.

И снова поцелуй. На этот раз она не отстранилась в ту же секунду, а удержала губы на его губах, даря ему свое дыхание. Их глаза были друг напротив друга, широко распахнутые, удивленные, пьяные и мало соображающие.

Оля шевельнула губами. Дима сделала то же самое. Несмело девушка скользнула языком по его губам, и он тут же втянул его в свой рот, углубляя поцелуй и делая его уже не игрой. Глаза обоих закрылись под давлением инстинкта, а дыхание прервалось. Дима расцепил руки и запустил пальцы в каштановые волосы подруги, сильнее прижимая к себе ее голову и усиливая напор, забирая инициативу. Покорно и с желанием Оля подчинилась ему, уже совершенно не соображая, что они делают. Мужчина тоже не соображал. Он просто брал то, что ему предлагали, наслаждался моментом, который выгнал из его головы все дурные тревожащие мысли. Это утром к ним придет раскаяние, разочарование, осмысление и осознание. Сейчас же оба были пьяны, оба желала пофантазировать о том, как все могло бы быть. Одна желала исполнения своих фантазий. Другой — забыться на мгновение.

Каким-то образом Ольга оказалась лежащей на мужчине. Его руки скользили по ее спине, забираясь под кофту. Губы были соединены страстным поцелуем с привкусом алкоголя и сумасшествия. Обоим не было дела до разрывающегося телефона мужчины, который пиликал в коридоре. Когда Дима перевернулся, и Оля оказалась под ним, на пол рядом легли бумаги, которые они смахнули с кресла, меняя позу. Сминаемые их телами и руками, они казались лишь пустяком, а не важными договорами.

В каком-то забытье Дима целовал Ольгу все сильнее и напористей. Руки крепко сжимали талию и бедра девушки. А она все крепче обхватывала коленями его бока, притискивая к себе его всего. Руками она потянула его футболку, стягивая с крепкого торса мешающую ткань, в желании добраться до обнаженной плоти. Дима с раздражением отбросил вещь в сторону, тут же стягивая и с нее кофту. Его горячий возбужденный взгляд тут же обратился к неприкрытой бельем груди, а следом и руки оказались там же. Со стоном Ольга выгнулась под его ладонями, снизу вверх глядя на сидящего между ее ног мужчину и откровенно предлагая ему всю себя. Ладони парня сжимали и беззастенчиво тискали округлые полушария, пальцы скользили по напряженным соскам, делая их предельно чувствительными, а взгляд становился все горячее. Оставив в покое ее грудь, Дима принялся за джинсы. Стягивая их вместе с бельем с красивого тела подруги, он уже окончательно потерял голову от ее близости и желания в собственной крови.

Ольга наслаждалась каждым поцелуем. Каждой лаской, что дарили губы и руки любимого мужчины. Она млела под ним и тихонько стонала, ощущая, как сердце переполняется нежностью и любовью. Чувствуя себя желанной и прекрасной в его глазах, она таяла от счастья. Девушка помогла мужчине освободиться от брюк и белья и тут же прижалась к нему, изгибаясь, чтобы каждой клеточкой тела быть рядом.

С каким-то безумием и отчаянием они отдавались друг другу, даря ласки и нежность.

Ловили губами вскрики и стоны. Цеплялись за тела и разгоряченную кожу. Движения были сильными, прерывистыми, мощными и торопливыми. Оля оседлала парня и буквально скакала на нем, глядя в его запрокинутое от наслаждения лицо, ощущая на бедрах его крепкие руки, а плоть глубоко внутри своего лона.

Их соитие походило на дикую скачку, на соперничество за владение ситуацией, на борьбу за контроль. Дима не привык быть ведомым, а Ольга хотела насладиться сполна тем, что получала сейчас, не намереваясь отдавать в его руки всю ситуацию целиком. После гостинной, поймав свой первый кайф, они перебрались в спальню, где все повторилось еще раз и более основательно. Дима безумно долго ласкал ее, прежде чем овладеть, довел ее до хрипоты в горле и мольбы закончить сладкую пытку. А после второго захода они оба вырубались, сморенные алкоголем и яростным сексом.

А утром все было предсказуемо: неловкость, ужас, стыд, осознание ситуации и много чего еще. Еще даже не открыв глаза, Дима понял, что натворил. Он помнил все до мелочей, помнил каждую минуту и каждое свое слово и действие. И как бы он хотел сейчас ничего не помнить! Списать тот факт, что они вдвоем оказались в одной постели обнаженными, на глупую случайность. Хотел бы выбросить все это из головы! Хотел бы отринуться от стыда и мук совести, которые не преминули нагрянуть, как только он осознал все от и до.

Дима не знал, как себя сейчас вести, что говорить, как оправдываться и что вообще делать! Он был растерян, был сокрушен и зол. Он смотрел на еще спящую подругу со смесью разочарования, стыда и оправдания. Как он мог так поступить с Ольгой? С собой! С Женой!!!

Последняя мысль окончательно его добила. Что же он натворил?! Как он мог?! Как мог предать любимого человека так горько и так нелепо?! Как ему теперь смотреть ей в глаза?! Никакие слова не смогут его оправдать даже перед самим собой, а перед своей девушкой и давно! Что ему сказать ей? Где он провел сегодняшнюю ночь, и каким образом?

В буквальном смысле Дима схватился за голову. Гудящая от сильнейшего похмелья, а теперь еще и серьезных дум, она болела нещадно. Стараясь не разбудить Олю, мужчина поднялся с кровати и вышел из спальни. В гостинной подобрал свою одежду и привел себя в порядок в ванной комнате после холодного душа. Голова болеть чуть перестала, но вот тяжелые думы никуда не делись. Он разрывался от того, что сейчас творилось в его голове.

Что ему сказать Ольге, когда та проснется? Как оправдать свое поведение и на что его списать? Как все объяснить, чтобы не обидеть и не задеть? Как не разрушить их дружбу? И не поздно ли он об этом задумался? Не оказалась ли она разрушена еще сегодня ночью? Так и было — их долгие хорошие отношения разбились вдребезги. Из-за глупости, из-за пьяного угара и желания забыться. А что толкнуло на это подругу? Почему она позволила все это? Зачем? Или она тоже мало что понимала и соображал? И что она вообще помнит? И помнит ли хоть что-то?

Дима очень бы хотел сейчас по-тихому выскользнуть из квартиры Оли, сделать вид, что ничего не было. Но не имел права. Все-таки она не была первой встречной. Она была его другом, хорошим и преданным, который поддерживал его и помогал в любой ситуации. Он должен попытаться все это сохранить и не обесценить сегодняшней ночью и своим трусливым бегством. Они должны поговорить, все обсудить и принять единое решение насчет того, как понимать то, что случилось между ними. Лично для себя Дима все уже решил — да, собственно, что решать? Он любит другую! Любит давно и сильно. Ему не нужен никто кроме Жени. И приходилось лишь надеяться, что всегда понимающая Ольга

поймет его и сейчас. Поймет, не обидится и не выгонит его взашей, оскорбленная и обиженная. И пусть подобной ситуации у него в жизни никогда не было, он мог надеяться на то, что в первый раз все обойдется. В первый и последний. Он знает Ольгу, знает ее характер, и был уверен почти на восемьдесят процентов, что они придут к обоюдному согласию и пониманию. Он мог так думать, зная ее отношение к Жене, к его почти семейному статусу, к его проблеме, к нему в общем. Но нужно узнать наверняка.

Дима не стал будить Олю, а дождался ее пробуждения.

— Привет.

Мужчина вздрогнул от тихого голоса вошедшей на кухню подруги.

— Привет, — не зная куда девать взгляд, тихо ответил парень.

— Думаю, нам стоит поговорить, — вздохнула Оля, глядя на его понурый вид. —

Спасибо, что не ушел молча.

— Я бы не поступил так с тобой, — нашел в себе смелость посмотреть ей в глаза Дима.

— Знаю, — спокойно и так привычно улыбнулась девушка. — Я не думаю, что нам стоит как-то по-особому принимать то, что случилось сегодня ночью. Мы оба совершили глупость, бессмысленную и нелепую. И лично я предпочла бы просто выбросить все из головы.

Девушка говорила спокойно, рассудительно и мягко. Она явно уже подумала обо всем и провела анализ, как это сделал недавно сам мужчина. И это принесло ему такое облегчение, что оно буквально расцвело у него в глазах. Оля даже улыбнулась на это.

— Ты не злишься на меня? Не обиделась? — внимательно глядя на подругу, спросил Дима.

Не мог не спросить, не мог не уточнить. Они должны разобрать все детали, чтобы потом не было никаких недоразумений.

— Нет. Это был всего лишь секс. Забудь, — твердо и решительно ответила Оля, глубоко вздохнув. — Нам обоим не стоит об этом даже думать.

— Случившееся не изменит наших отношений? Я бы не хотел терять такого друга, как ты, — мягко и с улыбкой спросил Дима.

— Нет. Не изменит. Я по-прежнему твой друг, который всегда рядом и придет на помощь.

— Ты не представляешь, как я рад, — просто с грандиозным облегчением счастливо произнес мужчина, широко и легко улыбаясь.

Все напряжение по этому поводу вмиг его отпустило. Хоть с этим он разобрался, да еще и так легко. Но самое сложное было впереди — примириться с фактом измены любимой девушке.

— Знаешь, — словно прочитав его мысли, заметила подруга, — не думаю, что Жене стоит об этом знать. Она и так в трудном положении, ей нелегко сейчас, особенно после вашего с ней разговора. И потом, эта ночь ничего не значит, и не стоит придавать ей такое значение.

— Ты же знаешь, я не смогу просто забыть. Возможно, я и не расскажу ей этого, но сам буду помнить всегда. Я поступил как последняя скотина и ублюдок. Это всегда будет на моей совести.

— Понимаю, — кивнула Оля. — Но подумай о том, что и она не без греха перед тобой. Глупо, конечно, сравнивать, но может так тебе будет легче? Ты был пьян, мало понимал, что делаешь.

— Нет, не будет, — уверенно покачал головой мужчина. — Я никогда не ставил ей в укор ее грехи, и никогда этого не буду делать. Мне просто, видимо, придется смириться с собственной ошибкой и в дальнейшем никогда не повторять ее.

Дима возвращался от подруги с тяжелым сердцем, но куда с меньшим грузом, чем в тот момент, когда только проснулся. Разговор с подругой существенно облегчил ему душу. Хотя на этот счет можно не думать и не гадать, ничего не бояться и не ждать проблем. Все-таки Ольга прекрасный человек. Он не знал, как бы поступил на ее месте. Она все приняла так легко, так правильно, его попыталась успокоить и настроить на нужный манер. О большем он не мог и просить. Ему бы не хотелось обижать подругу и лишаться их связи, которая уже многое преодолела за несколько последних лет.

Ольга закрыла за Димой дверь, и устало прислонилась к ней спиной, медленно съезжая на пол. Их разговор дался ей нелегко. Трудно было удерживать на лице маску спокойствия и уравновешенности, когда внутри все бушует. Ольга не ожидала ничего иного от этого утра. Знала, что именно так все и будет: Дима будет корить себя, винить, думать слишком много. Ее же задачей было его успокоить, дать ему увериться в том, что он может быть спокоен по этому поводу. И ей это удалось. У самой же на душе было муторно. Ее также терзал стыд, отягощенный тем, как ей было хорошо с чужим мужчиной, и что она не отказалась бы от повторения. Бессмысленная обида, хоть Дима и не обещал ей ничего и не предлагал. Боль от того, что счастье было так коротко. Радость, что вообще было. Ее любовь к другу сейчас казалась как никогда тяжелой и обременительной. Как она теперь сможет и дальше игнорировать свои чувства к Диме, когда познала близость с ним? Когда ощутила вкус его губ и силу рук на своем теле? Когда ощущала глубоко в себе его плоть? Когда страсть затмевала их рассудки? Теперь она уже не сможет не фантазировать, не сможет удерживаться от соблазна. Не сможет противостоять все усиливающейся любви. Но она должна! Обязана. Ради себя в первую очередь. Он не принадлежит ей, он любит другую, преданно и беззаветно. Он ничего и никогда не сможет ей дать. Но разве объяснишь это глупому сердцу? Разве докажешь ему несуразность чувств и эмоций?

Теперь Ольге придется постоянно следить за собой: за словами, за жестами, за взглядами. Она и до этого серьезно и внимательно относилась к тому, чтобы не выдать себя. Сейчас же это необходимо вдвойне, чтобы Дима не решил, что их совместно проведенная ночь все-таки что-то изменила между ними. Чтобы он не отдалился от нее из-за этого. Она не хотела его терять. Готова была и дальше страдать от неразделенных чувств, лишь бы не потерять его окончательно и бесповоротно. Лучше она будет другом, чем никем.

Глава 4

Дима входил в дом, затаив дыхание. Он не хотел будить Женю, если та еще спала. И вообще, наверно, не хотел ее сейчас видеть. Ему еще нужно успокоиться, подумать, а потом уже смотреть в глаза любимой девушке. Но Жени дома не было. На кухне он нашел записку о том, что она решила сегодня пойти в универ на занятия и еще забрать у одногруппников конспекты лекций, которые пропустила. Написала, что звонила ему, но он не брал трубку. Да уж, скривился Дима, был слишком занят, чтобы обратить внимание на пиликающий телефон. Он достал мобильник и посмотрел на дисплей. Пара пропущенных от Жени вчера после обеда и вечером. И уже сегодняшней утренний звонок с работы.

— Черт, сегодня же понедельник! — сообразил Дима, быстро метнувшись в спальню и начиная переодеваться в костюм.

У него была назначена встреча с одним из клиентов уже через час, а у него совершенно

все вылетело из головы. Быстро собравшись, мужчина выскочил из дома и запрыгнул в машину. Все мысли снова были сосредоточены на работе, избавив его пока что от чувства растерянности и стыда, что поселились в нем с самого утра. По пути на работу он позвонил Ольге и напомнил о встрече. Подруга, как оказалось, и не забывала о ней и уже была в офисе, готовя документы. Снова скользнула мысль, что как же хорошо, что между ними ничего не изменилось. Он все так же спокойно может ей позвонить, хоть и с легким чувством неловкости. Но и оно, наверняка, скоро пройдет.

Весь день Дима периодически думал о том, что вечером его ждет встреча с Женей. Думал о том, не выдаст ли он своего угнетенного виноватого состояния одним лишь выражением лица. Он всегда умел сохранять спокойствие и рассудительность в любой ситуации. Но все же нынешнее его положение кардинально отличалось от каких-либо других. Он твердо решил не рассказывать своей девушке об измене. Ольга права — это все только ухудшит положение вещей. Женя и без того напугана, не уверена в себе, и данный факт просто добьет ее морально. Тем более, что больше подобное не повторится. Со временем он успокоится и забудет о своей глупой ошибке.

Ольга рядом с ним вела себя как обычно: спокойно работала, смеялась, шутила как всегда. Ничто не выдавало того, что между ними что-то было и это изменило их отношения. Они вместе пообедали в кафе, пообщались. И все это положение вещей буквально расслабляло Диму. Подруга ни разу не намекнула или не вспомнила прошлую ночь и утро. Все было как всегда и как обычно.

Вечером Дима задержался на работе, лишь бы не идти домой слишком рано. Все сильнее нагнетало дурное настроение, а стыд и вина усиливались по мере того, как он должен был вернуться домой. Чего он только себе ни говорил, как ни убеждал и ни успокаивал себя — ничего не помогало. Он был на взводе, нервничал и дергался. Но дольше накручивать себя — лишь сделать хуже. Взяв себя в руки, он все-таки вышел из офиса, сел в машину и поехал домой.

Когда он подъехал, в окнах ярко и приветливо горел свет. В том, что было на кухне, был виден силуэт Жени: она стояла у плиты и что-то готовила. На улицу доносился звук музыки, под которую девушка обычно занималась делами, когда была одна. Глубоко вздохнув, мужчина вышел из машины и зашагал к дому.

Женя вышла его встретить, когда он раздевался в прихожей. На ее губах была улыбка, глазки довольно сверкали, ничто не говорило о том, что еще только неделю назад у нее была ломка. В этот раз она отошла довольно-таки быстро, что не могло не радовать.

— Привет, — поздоровалась девушка, забирая у него пальто и вешая его в гардероб. — Как прошел день?

— Нормально, — ответил Дима, старательно избегая ее взгляда.

— Ты не ночевал дома — много работы было? — поинтересовалась девушка.

Иногда бывали и такие случаи — он мог заснуть в офисе, или же остаться у Ольги. Поэтому Жене это не казалось подозрительным. А он вмиг вспомнил, что и как было сегодня ночью. От этого стало так тошно, что даже голос его изменился, когда он ответил.

— Да, много работы.

Женя странно на него глянула, но ничего не сказала, дернув плечиком.

— Пойдем, — беря его за руку и ведя за собой, — я приготовила ужин. Ты, наверно, голодный?

Она усадила его за стол и тут же поставила перед ним тарелку. Дима ел молча,

уткнувшись взглядом в стол, а Женя сидела напротив и не сводила с него глаз. Впервые такое ее поведение нервировало.

— Как в институте? — спросил Дима, лишь бы заполнить так гнетущую его тишину.

— Хорошо. Я не много пропустила. Взяла у девчонок конспекты. За пару вечеров все нагоню.

— Хорошо, — только и ответил Дима.

Женя списала его поведение на усталость, не стала ничего спрашивать и вообще разговаривать. После ужина отправила его спать, что он сделал с радостью. Только спрятавшись от веселого и довольного личика девушки, Дима смог передохнуть. А это оказалось тяжелее, чем он предполагал. Он не мог даже спокойно смотреть на девушку, не то что разговаривать. Ее веселое щебетание заставляло его чувствовать себя еще более гадко. Вот как бы она отреагировала, скажи он ей сейчас где и как провел эту ночь? Он даже думать не хотел об этом!

К своему счастью Дима был сильно уставшим, и поэтому быстро вырубился, отрезая свое сознание от терзающих его мыслей.

Следующая неделя прошла в том же режиме. Женя пришла в себя, занялась учебой, и в этом плане все было хорошо. А Дима продолжал мучиться, избегать любимую, терзаться от воспоминаний и угрызений совести. Он стал раздражительным, молчаливым и угрюмым. Почти не смотрел на Женю, мало с ней разговаривал, лишь отвечая на ее вопросы коротко и по существу.

Девушка не понимала, что с ним происходит. И приписывала вину себе. Наверняка, последний раз, что он вытаскивал ее из притона, очень сильно его разочаровал. И теперь он не находит себе места из-за этого. Она не решалась заговорить на эту тему, что-то сказать, что-то пообещать. Не хотела его тревожить, лишь ждала, когда он сам успокоится. Он всегда успокаивался, рано или поздно. Им обоим просто нужно подождать.

Но, в конце концов, Женя не выдержала его тоскливого вида и взгляда, который он почти всегда от нее прятал.

— Дим, что-то случилось? — вкрадчиво спросила Женя во время ужина.

— С чего ты взяла? — даже не подняв взгляд, ответил мужчина.

— Ты какой-то не такой. Нервничаешь все время, хмуришься, дома почти не бываешь.

— Проблемы на работе, — соврал парень, все так же не глядя на нее.

— Может, расскажешь? — пытаюсь заглянуть ему в глаза, попросила Женя.

— Нечего рассказывать, — зло рявкнул мужчина, раздраженно отбросив ложку.

Женя испуганно дернулась назад, глядя на него удивленно и растеряно. Даже в самые трудные моменты Диме удавалось держать себя в руках, а тут вдруг...

Она не успела ничего сказать, а он, что-то буркнув по поводу пропавшего аппетита, вышел из кухни. Женя посмотрела ему вслед, расстроено и досадливо прикусив губу. Все-таки из-за нее он такой. С чего бы еще ему повышать на нее голос и срываться.

Убрав со стола так и не съеденный ужин, девушка прошла в гостиную, где Дима сидел за документами. Она тихо села с ним рядом и взяла его за руку.

— Не злись на меня. Я не хотела...

— Я не злюсь, — вздохнул Дима, подняв на нее взгляд и чуть улыбнувшись. — Извини, я просто сорвался.

— Ничего, — выдавила и из себя улыбку Женя. — Тебе нужно отдохнуть, ты слишком много работаешь.

— Не сейчас.

И он снова вернул все свое внимание бумагам, отняв у нее свою руку. Женя слабо улыbnулась и оставила его, отправившись в спальню, где села за учебники. Внутри был какой-то осадок, какое-то напряжение. Она чувствовала свою вину, нагнетала ее все больше и больше. И не знала, что сделать и как все исправить.

Неужели это конец? Неужели он отдалился от нее слишком далеко? Женя не могла его судить за это — сама виновата. Но она хотела бы поговорить об этом, но не хочет он, списывая свое настроение и поведение на работу. Она очень сомневалась, что там есть какие-то проблемы: Дима работал в таком месте, где они бывали крайне редко, да и не так масштабны, как казалось сейчас ей со стороны. И еще он избегал ее. Это было понятно очень четко. Он почти к ней не прикасался, не смотрел. И всю последнюю неделю спал на диване в гостиной. Ее это задевало и беспокоило. Все-таки на его отношении к ней очень сильно сказалось то, что в последний раз он едва спас ее от изнасилования. Ему наверняка стала противна мысль быть с ней рядом. Мужчины ведь такие собственники, а Дима еще и очень ревнив. Но как же ей исправить это?

Весь следующий день Женя размышляла о том, чтобы сделать первый шаг. Она никогда не была скромницей и застенчивостью не отличалась, была уверена в себе и своей привлекательности. Поэтому решила просто соблазнить своего молодого человека. Уверить его в том, что он один единственный для нее, что она любит его и ценит.

В тот же вечер она приготовила красивый ужин, под тонкий полупрозрачный халатик надела ажурное белье, сделала прическу, убрав волосы наверх, тем самым открывая взгляду изгиб тонкой лебединой шеи. Легкий макияж подчеркнул ее глаза и губы. Девушка была довольна своим внешним видом.

Но Дима не пришел вовремя, что было уже почти привычно. В тонком халатике девушка быстро замерзла, и сменила его на обычный, повседневный и теплый. А когда Дима все-таки вернулся домой уже после десяти вечера, то даже не взглянул на нее, не заметил ничего. Это зацепило Женю, но она решила пойти до конца.

Пока после ужина она убирала со стол, Дима пошел в душ, куда через время пришла и она. Мужчина уже освежился и стоял перед зеркалом, заматывая на бедрах полотенце. Когда она зашла внутрь, он лишь коротко посмотрел на нее, и отвернулся, будто и не заметил. Она подошла к нему со спины и провела пальцами по теплой мокрой коже в легкой ласке. Подалась вперед и коснулась ее губами, оплетая руками талию парня.

— Не надо, — сбросил с себя ее руки Дима и отошел.

Женя растерянно и непонимающе смотрела, как он уходит, а по щекам потекли слезы обиды и разочарования. Он ее не хочет! Она стала ему противна! Но черт — чего еще ей стоило ожидать? Она сама — сама! — виновата в таком положении вещей. Рано или поздно это должно было случиться, и случилось. Но как же это больно!

Утирая слезы с глаз и успокаиваясь потихоньку, Женя провела в ванной с полчаса. А когда вышла, Дима уже спал. В гостиной на диване. Она с тоской посмотрела на него и ушла в спальню.

Дима не спал и видел, в каком состоянии была Женя. Он понимал, что обидел ее своим пренебрежением и отказом. Понимал, что поступает глупо. Но ему все еще было безумно стыдно за то, что он изменил ей. Стыдно и неловко. Он буквально боялся ее коснуться, чтобы не запачкать. Он видел непонимание любимой девушки, он врал ей, заставлял ее страдать и обижаться. И самому от этого становилось еще паршивей. Как долго еще Женя

сможет продержаться вот так, не сорвавшись в новый побег? Он же сам лично толкает ее сейчас на безумство. Женя ведь знает только один способ уйти от проблем — надуманных или настоящих. И мужчина понимал, что должен что-то изменить, должен взять себя в руки. Но все откладывал это на потом.

Он так и не смог уснуть, слушая, как в спальне тихонько всхлипывает отвергнутая Женя. Он стоял под дверями комнаты, уткнувшись лбом в стену, и заставлял себя сделать хоть что-то: пойти ее успокоить, или же просто уйти из дома, чтобы не слышать этой горечи за стенкой. И он не мог сделать ни того, ни другого. Второе еще больше обидит Женю. А первое... первого он буквально страшился. Но и слушать плач любимой девушки, виной которому он сам, уже не было сил.

Он решительно толкнул дверь в спальню и вошел в комнату. Женя тут же затихла, и он увидел ее виноватое и испуганное личико в свете ночника.

— Извини, что разбудила, — тихо прошептала девушка, теперь уже пряча свои заплаканные глаза.

Дима ничего не сказал в ответ. Вместо этого подошел к кровати, сгреб Женю в объятия, крепко прижал к себе и зашептал ей в волосы:

— Глупенькая. Это ты меня прости. Я не хотел тебя обижать.

— Ты не хочешь меня больше? — не в силах удержаться от всхлипов, спросила Женя, сжавшись в его руках в страхе услышать правду. — Тебе противно после того, что ты увидел тогда, в притоне?

— Нет! Нет-нет-нет, — горячо зашептал Дима, поднимая ее личико к себе и заглядывая в грустные глаза. — Это просто моя блажь. Моя глупость. Я никого не хочу кроме тебя. Я люблю тебя! Тебя и никого больше!

Женя обвила руками его шею и заревела, но теперь уже от облегчения. Дима дал ей время выплакаться и начал успокаивать.

— Ну все, маленькая моя, успокойся. Перестань плакать.

Он вытирал слезы с ее щечек и ободряюще улыбался.

— Я так испугалась! Испугалась, что все испортила, что больше не нужна тебе, что стала противна! — лихорадочно зашептала Женя.

— Ты никогда не станешь мне противна. Никогда, — горячо заверил ее мужчина, мягко улыбаясь.

С каким-то отчаянием Женя подалась вперед и приникла к его губам своими. Дима тут же ответил ей — жадно и напористо. Он и не представлял, что так соскучился по своей девочке! По ее вкусу, запаху, ее лихорадочной торопливости и напору. По ее тихим молящим вздохам и стонам. Она всегда заводилась сполоборота. Всегда была смелой и раскованной в постели, умела отдавать каждую частичку себя. И он сходил от этого с ума! От того, как она откликалась на его ласки и шепот, как стонала и молила, как выгибалась и просила еще. Он знал, что ее заводит, знал, что ей нравится. Он сам учил ее искусству любви и страсти. Он настроил ее тело под себя, под свои желания и нужды. И целиком и полностью она принадлежала ему. Ведь не зря же даже обдолбанная, она неистово сопротивлялась насильникам.

При воспоминании о том, что он тогда увидел в том притоне, в голове Димы всколыхнулась злость и ревность. Они посмели ее тронуть! Посмели посягнуть на то, что принадлежит лишь ему! И эта злость, которая все-таки была и копилась все это время, сейчас выливалась в дикость и похоть в постели.

Тесно прижимая извивающееся тело Жени к постели, Дима жестко и сильно начал ее ласкать, оставляя засосы и синяки на тонкой белой коже. Он шептал ей какие-то безумства и обещания того, что сделает с ней сегодня ночью. Она же в ответ лишь покорно гнулась в его руках, задыхаясь от желания и восторга.

Первый раз Дима овладел ею в торопливом диком безумии — жестко, сильно, полностью покоряя и подавляя малейшее сопротивление. Вырывая из ее горла крики и стоны, такие громкие, что закладывало уши, при этом рыча в ответ почти по-звериному.

Когда схлынула первая волна, мужчина немного успокоился. Но их страсть не стала особо нежной и мягкой. Она никогда не была такой. Они оба ловили кайф от сильных ощущений и желаний, лишь изредка имея настроение понежиться и поласкаться.

К утру Женя была обессилена, покрыта засосами и едва заметными синяками. Вид у нее был изможденный, но довольный, когда она буквально вырубилась на руках Димы. А мужчина еще долго не засыпал, смотрел на нее, и радовался тому, что эта ночь все решила, помогла ему забыть о своей вине и перестать себя корить. Нет, он всегда будет стыдиться своей измены, всегда будет сожалеть и помнить. Но сейчас он был просто счастлив и доволен.

Глава 5

После того, как Дима смирился с муками своей совести, более или менее забыл о своем проступке и понял глупость своего поведения в отношении Жени, вернулись мысли по поводу того, что он пообещал ей: если она еще раз уйдет — он за ней не пойдет. Он понимал, как глупо и бессмысленно думать об этом, строить какие-то предположения и каждый день ждать подвоха. Так просто нельзя жить. Это и вовсе не жизнь — постоянно ждать и бояться. Привыкать к мысли, что Женя все-таки сбежит снова, он не хотел. Но и не предполагать этого вовсе тоже не мог. Сейчас у Жени очередная ремиссия. Но надолго ли? Удержится ли она еще раз? Сможет ли мысль о том, что она потеряет его и их отношения раз и навсегда помочь ей обуздать свою зависимость?

Дима старательно гнал от себя все мысли по этому поводу. Женя уже почти полгода даже близко не находилась на грани. Она прилежно училась, ходила с немногочисленными друзьями гулять и отдыхать. Вдвоем они съездили на новогодние каникулы в Буковель. И все казалось прекрасным и спокойным. Никогда еще у них не было такого долгого промежутка между срывами Жени. И мужчина очень надеялся, что этот самый промежуток не закончится никогда.

Сейчас Женя усиленно готовилась к летней сессии. Она была немного измученной и вымотанной. Дима старался не мешать ей, зная, как долго ей приходится сосредоточиваться на зубрежке. Она была умницей в плане учебы, но вот усидчивостью не отличалась, и потому монотонные часы вызубривания билетов были для нее пыткой. Но сессию она сдала на отлично.

— Поздравляю, — улыбнулся Дима, когда Женя позвонила ему из универа и сообщила о том, что ее мучения закончились. — Хочешь отпраздновать?

— Конечно! Я приготовлю красивый ужин.

— Хорошо. Я буду вовремя.

— До встречи, — попрощалась девушка, чмокнув трубку.

— Сдала сессию? — любопытствовала сидящая рядом Ольга.

— Да, — хмыкнул мужчина.

— Она же еще только третий курс закончила?

— Да. Остался последний год. Не знаю, кто больше ждет этого — она или я. Женя просто невыносима два раза в год, когда сдает зачеты, — усмехнулся Дима.

Оля только улыбнулась в ответ.

Отношения с подругой остались прежними. За все время, прошедшее с той ночи, что они провели вместе, оба ни разу не вспомнили об этом, вслух, по крайней мере. И не возвращались к этой теме никогда. Дима не замечал за подругой ничего, что было бы ей несвойственно после того происшествия. Первое время он очень боялся, что их дружба все же не выдержит этого. Но все обошлось.

Как и пообещал Жене, Дима вернулся с работы вовремя. Зашел в дом с улыбкой на лице, ожидая, что сейчас счастливая и довольная девушка выскочит его встречать. Как всегда повиснет на нем как обезьянка и зацелует все лицо. Но Женя не вышла. И в доме не играла музыка, как обычно бывает, когда она занята готовкой или чем еще. С кухни не несло аппетитные запахи. Тут же сердце мужчины сжалось от дурного предчувствия.

— Женя?! — позвал громко мужчина, торопливо проходя в дом и заглядывая в каждую комнату.

Девушка как маленький ураган выскочила из спальни, когда он подходил к ней. Со слезами в безумных глазах, трясущимися руками и ознобом по всему телу. Она кинулась в его надежные руки, крепко прижимаясь к нему всем телом и жадно вдыхая его запах. Дима тут же стиснул ее в объятьях, пытаясь помочь ей перестать труситься всем телом.

— Господи! Что случилось? — прошептал мужчина ей в волосы, чувствуя, как сам начинает дрожать от страха.

— Не отпускай меня! Пожалуйста! Я тебя умоляю — не отпускай меня! — лихорадочно зашептала Женя ему куда-то в район шеи.

Она беспорядочно гладила его по рукам и плечам, стискивая в пальцах ткань рубашки и царапая кожу под ней. А глаза, когда он заглянул в них, были поглощены безнадежностью и страхом.

Дима сразу догадался, что происходит. У Жени началась ломка. Он никогда еще не видел ее в таком вот состоянии, потому что это была крайность, которую он уже не заставлял, потому как в такие моменты Женя была уже далеко от дома в поисках дозы.

— Ты ведь не оставишь меня?! — горячо заговорила девушка, глядя ему в глаза с тревогой и страхом. — Не бросишь?! Я ведь не ушла! Я здесь! Тебе не нужно за мной идти! Это ведь считается? Ты не бросишь меня!?

Она не говорила, почти скулила от отчаяния и ужаса перед тем, что он однажды ей пообещал. Она боялась того, что сейчас он ее оттолкнет.

— Нет, милая, не брошу, — отчетливо и громко произнес Дима, обхватывая ее лицо ладонями и глядя ей в глаза. — Я горжусь тобой! Ты у меня такая умница!

Он крепко прижал ее к себе, давая ее страху возможность улечься. Он целовал ее волосы, что-то шептал едва слышно, беспрестанно касался руками ее тела, сжимая все сильнее, будто пытаясь влить в нее свои силы. Он уверял ее в том, что рядом, что не оставит, что поможет. И постепенно ее перестало так сильно трусить. Не совсем, поскольку ломка никуда не денется. Наверняка это началось из-за стресса по поводу учебы. Она так сильно переживала, так волновалась. А это всегда негативно сказывается на организме, тем более на зависимом от наркотиков.

— Не отпускай меня! Я не хочу уходить! Не хочу тебя оставлять!

— Не отпускай!

Мужчина легко подхватил тело Жени на руки и вернулся вместе с ней в спальню. Лег на кровать, продолжая стискивать ее в своих объятьях. Она все время жалась к нему всем телом, все время спрашивала не оставит ли он ее. Он не уставал говорить, что нет — он никуда не уйдет, не бросит ее. Если ей так будет лучше — он повторит каждое слово тысячу раз.

— Тебе плохо? У тебя что-то болит?

— Все болит, — шептала сквозь слезы Женя. — Кожа, кости, мышцы — все ноет. Мне холодно. Тошнит.

— Потерпи, моя хорошая. Все это пройдет, закончится.

— Отвлеки меня! Чем-нибудь! Хоть как-нибудь! Иначе я сойду с ума! — умоляюще заглядывая ему в глаза, прошептала Женя. — Я не могу думать ни о чем, кроме того, что мне нужна доза. Помоги мне!

Не придумав ничего лучше, Дима жадно прижался к ее губам своими в жестком, сильном поцелуе. Она тут же до боли стиснула кожу на его шее, отвечая на ласку, кусая его до крови. Ее ножки моментально обвили вокруг его талии, и она оказалась на нем верхом. С дикостью, никогда ей не присущей, она набросилась на него со всей своей злостью на себя и свою слабость, со всем страхом за их отношения, со всей любовью к нему и тягой к наркотикам.

Дима не дал ей над собой главенствовать, резко переворачивая ее на спину, и припиливая опасные ногти на пальцах к подушкам на кровати сильной рукой. Его зубы сильно, агрессивно прикусили кожу на ее шее, скуле, плече. Не сдерживая себя ни на грамм, Дима жестко, больно терзал ее тело губами, зубами и руками. Свободная ладонь разодрала легкую майку на теле Жени и сжалась на обнаженной груди, заставляя девушку кричать и выгибаться навстречу. Она пыталась вырваться, извивалась и стонала под ним.

— Не смей убирать руки, — сильно сжав ее запястья, приказал резко Дима, отпуская их.

Безжалостно сдернул с нее легкие шортики вместе с бельем, нарочно царапая тонкую кожу на бедрах и ногах. Смотрел на нее властно и холодно, как никогда прежде, замораживая ее своей внутренней силой. Она не посмела его послушаться, не пискнула и не дернулась, лишь жадно наблюдала, кусая губы, как он торопливо обнажается. Он навис над ней, грубо втискивая колени между ее ног. Рука скользнула по бедру, приподнимая ее, чтобы в следующий миг одним сильным толчком его плоть оказалась внутри, даря нотку боли и безжалостности. Женя вскрикнула и больно вцепилась ногтями ему в плечи. Он тут же снова завел ее руки за голову, удерживая их, и начиная движения бедрами — сильные, долгие, резкие, в чем-то даже болезненные. Сейчас в нем не было желания подарить удовольствие, не было необходимости ублажать и ласкать. Жене нужно было другое: боль, дикость, огонь, агрессия, напор. Только это сейчас могло выбить из ее головы все мысли.

Дима вышел из ее тела, резко перевернул Женю на живот, вздернул руками бедра и снова ворвался в горячее лоно. Одной рукой он держал ее за талию, насаживая на себя каждым движением. А другой сжимал шею, притискивая лицо девушки к постели. Женя рычала под ним, кричала, стонала и подмахивала на каждый толчок.

Это не походило на секс, не походило на жесткий секс, и уж давно не было занятием любовью. Это трудно было — назвать то, что они вытворяли в постели. И не только там. После первого раза Дима отнес Женю в душ, где взял ее под струями воды. Потом прямо в коридоре, вжимая тонкую спину в стену. Он не оставлял ее в покое, пока ей действительно не стало больно, и она попросила его остановиться. Она вырубилась, едва он с нее скатился. Ему подумалось, что это был обычный обморок. Он не стал приводить ее в чувство. Вместо

этого еще раз сходил в душ, а потом взялся за телефон.

Уже была глубокая ночь, но в клинике всегда был дежурный нарколог. Дима объяснил ему всю ситуацию, описал подробно состояние Жени и услышал совет привезти девушку в клинику. Он не хотел этого делать, не поговорив предварительно с ней. Тогда врач назвал ему пару препаратов, которые стоило влить внутривенно через капельницу. Дима поблагодарил врача, пообещал перезвонить в ближайшее время и отключился. Он бросил взгляд на спавшую Женю. Она точно не проснется еще пару часов, так что у него есть время смотаться в аптеку. Он успел сделать этого до того, как Женя пришла в себя. Она дернулась, когда он вводил иглу в вену, но тут же успокоилась от его поцелуя в лобик.

— Спи, — прошептал Дима, зафиксировав ее руку, чтобы она не поранилась, если дернется во сне.

— Ты не уйдешь?

— Нет. Я буду рядом.

Он лег рядом с ней поверх одеяла и крепко обнял.

Испуг и страх за нее еще оставались отголосками в нем, мешая заснуть. Он лежал и думал о том, что сегодня произошло. Он был счастлив, что Женя нашла в себе силы сопротивляться своей зависимости: значит, их разговор дал свои плоды. И пусть ее сила воли держалась на страхе расставания с ним — уж лучше так, чем вообще никак. Пусть она боится, и пусть этот страх оберегает ее от ошибок. Это казалось ему первым шагом в правильную сторону. Если так пойдет и дальше, рано или поздно Женя просто оборвет все свои связи с наркотиками. А он ей в этом поможет. Он будет рядом, будет как сегодня спасать ее и удерживать.

Женя проснулась ближе к обеду следующего дня. Измотанная, с кругами под глазами, из которых ушло безумие, но затравленность осталась. Она несмело смотрела на сидящего рядом Диму и кусала и без того израненные губы. Видно было, что она переживает, что снова боится, что он ее оттолкнет. Мужчина ничего не стал говорить. Просто крепко прижал ее к себе и мягко коснулся губами лба. Женя тут же расслабилась и прижалась к нему щекой, прикрывая глаза от облегчения.

Они вместе пообедали, почти не разговаривая, а потом Дима рассказал о звонке в клинику и совете врача отправить ее туда хотя бы на пару недель. Женя не любила такие места. Но согласилась. Она чувствовала, что сама не справится. Да и не хотела напрягать и отрывать Диму от работы. А еще ей было стыдно. Что он видел ее такой, как вчера. И пусть он видел ее и в более ужасном состоянии — факта это не отменяло.

На следующий день Дима отвез ее в клинику и пообещал приезжать к ней каждые пару дней.

— Здесь о тебе позаботятся и помогут, — ободряюще улыбался мужчина, глядя девушку по руке.

— Я знаю, — без особого энтузиазма вздохнула Женя, скользя взглядом по территории клиники.

Здесь было красиво, спокойно. Почти санаторий. Но все равно было ощущение неправильности в этом месте. Здесь сквозило болью и отчаянием, проблемами и страхом. В любом похожем месте была одна и так же атмосфера. Это угнетало и давило, но в то же время было очень подходяще для тяжелых и правильных раздумий.

— Я приеду через пару дней, — мягко касаясь губами ее губ, пообещал Дима.

— Хорошо, — слабо улыбнулась Женя и проводила его фигуру взглядом.

На душе было тоскливо и грустно. В голове мелькнула мысль, что Дима просто бросает ее здесь. Что больше не приедет, не заберет ее домой. Она тут же выбросила из головы подобную нелепость и пошла за позвавшей ее медсестрой.

Дима навещал Женю каждые три дня. И как они и условились через две недели забрал ее домой. Женя была в порядке. На лице снова появилась улыбка, а в глазах спокойствие и умиротворение. Она была счастлива, что едет домой. Была рада, что Дима смотрит на нее с довольной улыбкой и нежностью.

А дома ее ждал сюрприз: праздничный ужин со свечами на столе. Дима сам все приготовил, ждал ее возвращения, и это освободило ее сердце от тоски. Они провели замечательный вечер, нежную ночь и доброе утро.

Глава 6

Дима не позволил себе расслабиться, когда Женя вернулась из клиники. Доктор предупредил его, что подобное повторится, и не раз. И не назвал определенных сроков, что тоже напрягало. Впрочем, его всегда напрягала вся эта ситуация, так что ничего нового он не услышал.

Ни на минуту мужчину не оставляла мысль, что очень скоро все повторится. Раньше, чем это случалось обычно. Интуиция это была или еще что, но он не знал. Он не стал говорить об этом Жене, просто попросил ее всегда быть на связи и при малейшем недомогании и тревоге звонить ему. Буквально каждые пять минут Дима бросал взгляд на свой мобильник, когда был вне дома, чтобы не пропустить важного звонка. И сам звонил, заставляя себя делать это не слишком часто, чтобы не пугать девушку своей собственной тревогой.

— Чего ты такой дерганый? — спросила Ольга, заметив состояние друга.

Они сидели в ее кабинете и перебирали договора, которые девушка должна будет повести через неделю на рассмотрение в головной офис их фирмы в столицу. Работа была кропотливой и требующей сосредоточенности. А Дима лишь пару раз глаза опустил в бумаги, неотрывно глядя на телефон или в окно, хмуря при этом брови и кусая губы.

— Волнуюсь за Женю, — честно ответил мужчина, возвращая внимание к работе.

— С ней что-то не так?

— Она на грани.

— Думаешь, сбежит? — мягко спросила девушка, стараясь, чтобы слова не давили своим смыслом слишком сильно.

— Не знаю, — вздохнул Дима. — У нее был рецидив пару недель назад, но она сдержалась, да и я рядом оказался вовремя. Не знаю, справится ли она еще раз, — вздохнул он.

— Ее удержал тот ваш разговор?

— Да, она испугалась, что я не пойду за ней, и смогла удержаться. Но я не знаю, как долго она сможет себя контролировать. Страх не может быть вечным, да и не правильно это как-то, неестественно. Это должно быть по-другому.

— А клиника?

— Она не может находиться в клинике постоянно. Это просто глупо. Никто ее не вылечит, кроме нее самой. Чем могли ей там уже помочь. Остальное в ее руках.

Ольга ничего не сказала на эти слова. Да и что она могла сказать? Поддержать? Он и так знает, что она всегда рядом и поможет. Что-то сказать или обнадежить, обманув тем самым и дав ложную надежду? Так ему не нужны ее слова, он знает, что они неправдивы. В этой

ситуации можно было рассчитывать лишь на время. Лишь с его течением все устаканится и успокоится.

Дима заходил домой с затаенным дыханием, и отпустило его лишь когда он услышал тихие шаги Жени, вышедшей из кухни с улыбкой на губах. Он тут же улыбнулся ей в ответ, пряча все свои тревоги и страхи: сегодня о них можно забыть, ведь любимая девушка рядом.

— Что с тобой? — с тревогой глядя на него, спросила Женья за ужином, заметив все-таки его состояние.

— Ничего. Просто устал, — не соврал Дима по этому поводу, а вот в причине обманул: — мы с Ольгой готовимся к ее командировке. Собираем документы, составляем отчеты, перепроверяем все по десять раз. Это утомляет.

— Как она? Я давно ее не видела, — улыбнулась девушка.

— Хорошо. Тоже много работает.

— У нее кто-нибудь появился?

— В смысле?

— В прямом, — хмыкнула Женья. — Ты что, не интересуешься личной жизнью подружки? У нее есть парень?

Вопрос почему-то смутил Диму. Он время от времени вспоминал их ночь, все еще со стыдом и муками совести. И это в какой-то мере препятствовало тому, чтобы он интересовался личной жизнью подружки. Это раньше он спокойно задавал подобные вопросы, а сейчас это казалось лишним и неуместным. Вдруг, она не так его поймет? И за это тоже было стыдно: он что, плохо знает Ольгу? Она ведь не была глупой дурой, чтобы воображать себе то, чего нет и быть не может. Но тем не менее, он не спрашивал. Да и сама девушка больше не рассказывала ему о своих свиданиях за обедом, не делилась неудачами и размышлениям по этому поводу.

— Нет, насколько я знаю, — скомкано ответил Дима, но Женья не заметила его сверкнувшего взгляда.

— Она такая красивая, такая умная, а с этим до сих пор не ладится. Знаешь, я иногда думаю, что она просто не хочет этого.

— Почему?

— Мне кажется, что она уже влюблена. Или была раньше, и это ее разочаровало. Поэтому она так относится к своей личной жизни, — задумчиво протянула Женья.

— Я не знаю. Не лезу к ней в душу, — пожал плечами Дима.

Женья не стала продолжать разговор, видя что он не настроен на разговор: был задумчив, хмур и беспокоен. У нее не было причин не верить его объяснению, а потому она просто не стала его тревожить расспросами и допытываться что с ним такое.

На следующий день Дима уходил на работу с особо тяжелым сердцем. В голове буквально мигал огонек предупреждения. И он не понимал его, пожалуй, впервые. Глядя на спящую, спокойную и умиротворенную Женью, он не понимал, почему вдруг так встревожился. На первый взгляд все было хорошо, а он так волнуется. Если бы мог — он бы остался сегодня дома. Но работа сейчас как никогда важна и требует особого внимания. Он не может просто все бросить из-за нелепого дурного предчувствия.

Но как позднее оказалось, оно было не глупым и не нелепым, а вполне себе оправданным.

Дима сидел у себя в кабинете, продолжая готовиться к командировке помощницы. Ольга только что вышла, чтобы сделать кое-какие копии. Но не успела за ней закрыться

дверь, как в кабинет тут же влетела Женя. Он удивленно привстал в кресле, уже собираясь спросить, что она здесь делает: она всего лишь пару раз была у него на работе, и то стояла в фойе и ждала, когда он спуститься после работы, чтобы вместе пойти домой. Но стоило только взглянуть в ее глаза, как тут же стала ясна причина — ломка. Снова. И так быстро.

— Извини. Прости. Я не должна была приходить, — залепетала Женя, обнимая себя руками за плечи и кусая губы.

Она так и стояла на пороге, дрожащая, растерянная и испуганная.

— Но я не смогу...если тебя не будет рядом, — выдохнула она, смахивая с глаз злые слезы и делая робкий шаг вперед.

Дима тут же вышел из-за стола и подошел к ней, крепко обнимая и прижимая к себе изо всех сил.

— Ты все правильно сделала! — зашептал он ей на ушко, усаживая ее на диван и садясь рядом, заглядывая в глаза.

Он мягко убрал с личика темные прядки волос, заправляя их за ушко. Вот и стала ясна причина его тревоги. Что ж, это тоже хорошо: если так будет всегда — он будет чувствовать беду — это облегчит жизнь им обоим. Но глупо рассчитывать на такое волшебство — так случится, раз, может два или три. Но когда-нибудь и это не спасет.

Женя лихорадочно схватилась за его ладонь и прижалась к ней щекой, прикрывая глаза и стараясь отдышаться. Она искала успокоения в его прикосновениях и близости. Все ее тело мелко подрагивало, не смотря на то, что на улице было больше тридцати, а в офисе едва ли прохладней. На девушке было надето легкое летнее платье с пуговицами впереди, где были спутаны петли — видимо, она слишком торопилась, чтобы обращать внимание на такие мелочи. Темные волосы была влажными и взлохмаченными, придавая ей некоторую взбалмошность и приятную неряшливость. Глаза блестели и сверкали, когда она посмотрела на него. Как-то отчаянно прикусив губу, чуть покраснев и даже смутившись, Женя умоляюще прошептала:

— Возьми меня.

До Димы не сразу дошел смысл фразы.

— Здесь. Сейчас, — продолжила шептать Женя, забираясь к нему на колени верхом, и не обращая внимания на его некоторую растерянность. — Мне нужно это.

Ее ладошки удерживали его лицо, а коленями она крепко сжимала его бедра.

— Женя, — выдохнул Дима. — Погоди... Я же на работе... Сюда кто-то может войти... Но она его уже не слышала, касаясь губами его лица и безостановочно качая головой.

— Милая, — мягко хватая ее за запястья и заставляя отстраниться и взглянуть себе в глаза. — Потерпи до дома, хорошо?

— Нет! — замотала головой девушка, выдергивая руки из его захвата и обвиняя ими его шею. — Сейчас! Мне так больно! Так плохо! Помоги мне! Сейчас!

Она шептала и шептала, начиная ерзать у него на бедрах и заводить своей близостью, запахом, напором и требовательностью. Ее пальчики уже стянули галстук и начали расстегивать пуговицы на рубашке, а он все никак не мог заставить себя поступить по-умному, например, остановить ее и вывести из офиса, чтобы увезти домой. Или хотя бы прекратить собственное раздевание. Женя продолжала шептать и умолять его, продолжала ерзать по его паху, вызывая эрекцию и желание. Со злым стоном он снова схватил ее за руки, отрывая их от своего ремня, и встряхнул девушку, чтобы посмотреть ей в глаза.

— Непослушная девчонка! — рыкнул он ей в лицо, через миг впиваясь в губы жадным

поцелуем.

Было выше его сил сейчас оттолкнуть ее, когда он так заведен ею же. Когда она так нуждается в нем. Когда он так сильно ее хочет — здесь, сейчас, сию минуту.

Женя моментально ответила на его поцелуй, прижимаясь к нему всем телом, потираясь развилкой бедер о его напряженную плоть. Руки мужчины скользнули под свободный подол платья и сильно сжали ее бедра, еще ближе притискивая их к своим. Губы терзали друг друга, а языки боролись за инициативу. Девушка начала стягивать с его плеч рубашку, царапая кожу. Она извивалась и ни на миг не могла отодвинуться, чтобы не потерять это ощущение его силы на себе, ради которого она и приехала к нему. Только это сейчас способно удержать ее от ошибки. Снова. Сколько раз она еще сможет удержаться? Сколько раз у нее получится прийти к нему за помощью, а не рвануть на улицу в поисках дозы? Как долго ей еще придется заставлять себя и его страдать?

Женя прекрасно понимала, как она слаба и безвольна. Понимала, как сильно и отрицательно это влияет на их с Димой отношения. Но ничего не могла с собой поделать. Ее тело было зависимо от наркотиков. Но еще больше зависела душа. В моменты прозрения было понятно, что все это блажь, глупое бегство от проблемы и не так нужно жить. Она не была душой, чтобы не понимать рациональность того, как же сильно она портит себе жизнь. Но в какой-то момент ее просто клинило, и все, о чем она могла думать — наркотики. Все чего желала — белый порошок. Он помогал забыться, помогал уйти от надуманных страхов и реальности. Женя понимала, что сейчас нет в ее жизни того, что толкало бы ее уходить от проблем. У нее и проблем-то не было! У нее все было хорошо! Дима был рядом, он ее любил, заботился и оберегал. У нее была учеба, которая давалась легко и без проблем. У нее было все, чего можно желать в ее юном возрасте. Абсолютно все. Но это понимание мало помогало. Тогда, когда она впервые попробовала дурь, это было единственным, что ей помогло справиться с горем. Ее родители погибли, оставили ее одну. Она была потерянной, одинокой девочкой, никому не нужной и забытой. Горе сломило ее, поддержки не было. И она скатилась в эту черную яму. Кто-то что-то ей принес, дал попробовать и пошло-поехало.

Женя знала, что сейчас ее к наркотикам толкает лишь подсознание, лишь воспоминание, что они помогут забыться. Это нельзя описать так, чтобы было понятно тем, кто не столкнулся с подобным лично. Это не поддается логике и правилам. Поэтому это и называется — зависимость. Зависимость от привычки. Зависимость от легкости восприятия всего вокруг. Зависимость от желания вновь и вновь погружаться в этом мягкий омут. Люди не принимают наркотики лишь потому, что это им поможет. Они знают, что это обман, иллюзия и только. Но по-другому уже не могут. Женя тоже не могла. Было что-то в ее голове, что не описать, не разгадать. То, что толкало ее на безумство уже без всяких причин.

И только Дима был тем, за кого она могла уцепиться и удержаться. Она понимала это всегда, но явственнее всего сейчас. Когда он сказал, что устал, что больше так не может. Что больше не пойдет за ней. Это пугало, навевало такой страх, что не описать словами. Она уже не сможет без него, не сможет справиться и жить одна, без его заботы, без его любви. И она цеплялась за него из последних сил. Но их было уже так мало. Она чувствовала это глубоко внутри — мало. Ей не удержаться. И однажды она уйдет. А он уже не догонит и не спасет от себя самой.

Резким движением Дима опрокинул Женю на спину, одновременно с этим сдергивая с нее трусики. Он едва удержался от того, чтобы порвать их. Стоя на коленях между раздвинутых ног девушки, он начал торопливо расстегивать брюки, до которых она еще не

успела добраться. Не было времени, да и желания раздеваться дальше. Он просто высвободил налитую плоть и снова навис над Женей. Губы жадно прижались к открытому роту, а рука скользнула между их телами. Пальцы коснулись жаркой влаги, а потом погрузились глубоко внутрь лона, вырывая из горла девушки первый стон. Она вскинула бедра навстречу его руке, насаживаясь на пальцы, и вцепилась в его плечи, кусая его губы. Женя всегда была такой в сексе: раскрепощенной, жадной до ласк и удовольствий, ненасытной и любвеобильной. Но в этот раз и в прошлый, когда она была на грани, она буквально превращалась в фурию. Она вся источала собой желание и страсть. Она была пламенем в его руках, диким и прекрасным. Необузданным и ярким. Из каждой ее клеточки текло блаженство и удовольствие. Глаза были пьяными и влажными, губы приоткрытыми и зовущими к новым поцелуям.

— Дима! — протяжно проскулила Женя, хватая его за руку и останавливая движение его пальцев в себе. — Хватит! Не могу больше! — хныкала она, вопреки словам продолжая двигать бедрами и сжимать стенки лона вокруг его пальцев.

Он послушно убрал руку и тут же заполнил горячее местечко своим членом, входя сильно и сразу глубоко. Женя изогнулась в пояснице, открываясь ему навстречу еще больше, и сцепила у него на талии ноги, прижимая к себе теснее, и наслаждаясь сладким ощущением наполненности. Ее пальцы начали расправляться с пуговицами на собственном платье, давая доступ к своей груди ласкам мужчины. Она бесстыдно распахнула ткань и расстегнула лиф, тут же громко простонав, когда сильная рука крепко сжала одно из полушарий. Начиная двигаться внутри нее, Дима поочередной ласкал ее груди, время от времени наклоняясь к ним и покусывая зубами, втягивая в рот и лаская языком. Его рука медленно скользнула к открытому горлу девушки и мягко сжала, ограничивая поступление кислорода в легкие. Глаза Жени широко распахнулись и удовлетворенно засверкали. Она сжала запястье удерживающей ее руки, но не чтобы остановить, а чтобы попросить больше. Дима сжал сильней, одновременно с этим начиная яростно уже вколачиваться в податливое тело.

В этот момент они оба были безумны: в своей животной страсти, в своем стремлении к экстазу, в своей любви друг к другу.

Уже чувствуя, что Женя вот-вот кончит под ним, Дима совсем перекрыл доступ кислорода в ее легкие. Она широко распахнула глаза и сдавленно захрипела, изгибаясь и содрогаясь в волнах экстаза. В тот же миг он дал ей вздохнуть и подарил первый глоток воздуха своим поцелуем. Женя тесно прижалась к нему, ощущая ни с чем несравнимое удовольствие и блаженство. Но вот он еще был далек от этого. Не выходя из тела Жени, Дима снова сел, опираясь спиной о спинку дивана и усаживая ее сверху.

— Прыгай, — хрипло приказал мужчина, помогай ей руками.

Женя томно простонала и начала двигаться над ним, так, как он любил больше всего: плавно, мягко, на всю длину его естества, под конец резко опускаясь вниз. Откинув голову на диван, Дима наблюдал за ней горящими глазами. За тем, как дергается ее грудь, как сокращается под пальцами плоский животик под так до конца и не снятым платьем, как розовеет ее кожа на щеках от его откровенного разглядывания и похотливого взгляда.

Упираясь ладонками в голую грудь и плечи мужчины, Женя начала двигаться быстрее и резче, а он каждый раз вскидывал бедра ей навстречу, стискивая зубы и шипя сквозь них. Они смотрели друг другу в глаза не отрываясь, внимательно следя за эмоциями и ощущениями. И Женя жадно следила за тем, как менялось выражение лица Димы, когда он кончал глубоко внутри нее: голова запрокинута, веки плавно опускаются вниз, прикрывая

глаза, зубы стиснуты, горло напряжено, а вместе с ним и мощная грудь под ее пальцами. Руки на ее бедрах сжались в кулаки, а потом мягко отпустили, поглаживая кожу. Как-то разом мужчина обмяк и глубоко задышал, пытаясь прийти в себя. На лице и шее выступил пот, волосы были влажными, а кожа сияла от испарины. Женя прильнула к нему всем телом, пряча лицо на его плече, а он тут же обнял ее, зарываясь носом в не менее влажные кудри девушки. Она сама была мокрая, как мышка, и такая же довольная, как он. Довольная, умиротворенная и спокойная.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Господи, как же резко она менялась! Только полчаса назад она походила на безумную, а теперь почти засыпает в его руках. Это еще один признак наркомании: частая и резкая смена эмоций. Они выдаются ломкой в самом ее начале. Они показывают, что человек на грани. Но с Женей это происходит так быстро, что он просто не успевает этого замечать или следить. Не успевает быть рядом. И если бы сама Женя не пришла сегодня сюда, то придя домой, он наверняка уже не застал бы ее там. И это снова удручало.

— Надеюсь, нас никто не видел, — без особых сожалений протянула Женя, чуть усмехаясь. — Мы ведь так и не закрыли дверь

— А я надеюсь, что не зря потратился на звукоизоляцию, — хмыкнул в ответ мужчина, поддерживая ее настроение и отставляя пока в сторону свои тревоги и раздумья — для этого еще будет время.

— Глупо было приходить сюда.

— Еще глупее было бы не прийти вовсе, — вздохнул Дима, отодвигая от себя Женю и заглядывая ей в лицо. — Как ты?

— Нормально, — грустно улыбнулась девушка. — Хотя это слово меньше всего мне подходит. Это ведь страшно, то, что со мной происходит. Верно? Так все резко, так все спонтанно и неконтролируемо.

— Мы справимся, — ободряюще улыбнулся Дима, поглаживая ее личико.

— Мне так страшно, — тихо прошептала девушка, глядя ему в глаза с отчаянием.

— Мне тоже, — признался Дима, снова обнимая ее и целуя в макушку. — Мне тоже страшно. За тебя. За нас обоих.

Глава 7

— Тебе придется поехать вместе со мной, — огорошила неожиданным известием Ольга Диму. — Или вместо меня — не суть: там нужен ты, а не я.

— Что?! — удивился мужчина. — Но я не могу!

Он был почти в панике. Уехать сейчас, бросить здесь Женю одну — это конец всему, что они с таким трудом пытались удержать все последнее время. Он не может сейчас оставить девушку одну, без присмотра, без поддержки!

— Я не поеду, — решительно заявил Дима, хмуро глядя на Ольгу.

— Это не моя прихоть. Это приказ начальства, — вздохнула девушка, садясь напротив него за стол в его кабинете. — Ты обязан там быть.

— Я не могу сейчас уехать! — вскакивая на ноги и начиная расхаживать по кабинету взад-вперед, забормотал Дима. — Не могу!

— Я понимаю, — слабо улыбнулась Оля, поворачиваясь к нервничающему другу. — Я... видела вчера, как Женя приходила к тебе. Мы столкнулись в коридоре перед твоим кабинетом. Она, кажется, даже не заметила меня. Она была такая...взбудораженная, нервная, испуганная.

Ольга не стала говорить, что видела не только это. Не стала даже намекать, что была свидетелем их безумной любви, которая потрясла ее до глубины души. Она никогда не видела Диму таким, каким он был в тот момент, когда рядом была Женя, когда они были одним целым в физическом смысле. Он и близко не был таким рядом с ней, Ольгой. Не смотрел на нее такими глазами, не говорил таких слов, не был так с ней страстен. И это заставило ее вчера проплакать полвечера. Впервые она жалела себя, впервые позволила быть слабой. Позволила любви затмить рассудок и благоразумие. Никогда прежде она так не страдала, даже зная, что Дима не ее мужчина. Никогда, как после того, как увидела его рядом с другой в такой интимный момент.

Как бы она желала быть на месте Жени! Как бы хотела знать, что весь этот жар любви, все желание оберегать и защищать, принадлежит ей. И она бы ценила все это куда больше, чем сама Женя. Эта девушка не понимает, какое сокровище ей досталось в виде Димы. Не ценит того пыла, с каким мужчина к ней относится.

— Это то, о чем я подумала? — вернулась к теме их беседы Оля, прервав свои горестные рассуждения и мечты.

— Да. У нее был срыв. Опять.

— Ты же говорил, что был уже, пару недель назад, — нахмурилась девушка. — Так быстро?

— В том-то и дело, — досадливо поморщился Дима, снова сядя за стол и принимаясь грызть ручку, которая попала в руки.

К слову, он всегда так делал, когда нервничал. Порой Ольга замечала, что от карандашей вообще остаются одни ошметки. Раньше ее это смешило, сейчас было не смешно: Дима переживает, ему тяжело.

— Слушай, возможно, глупо звучит, но вдруг это твой шанс проверить Женю? — робко начала девушка, неловко бегая глазами из стороны в сторону. — Я имею в виду — справится ли она с этим сама, как и должно быть? Переборет ли себя?

— Я не могу так рисковать. Не хочу, — резко возразил Дима, недовольно глядя на подругу.

Неужели она не понимает, что он готов сделать все, чтобы не выполнить свое обещание, данное Жене? Неужели не понимает, как это важно для него, и что он не может просто дать Жене сделать все самой и выбрать неверный путь? Почему неверный? На другое Диме не приходилось рассчитывать. Он был на девяносто процентов уверен, что если сейчас уедет, то по приезду не найдет Жени дома.

— Нельзя так жить, — покачала головой Оля, с сочувствием глядя на него. — Ты сам прекрасно это понимаешь. Сам говорил мне это.

— Я буду за нее бороться! — рыкнул зло Дима. — Буду! Плевать мне на все! Я согласен так жить! Согласен! Лишь бы она была рядом! Я не готов ее отпустить! Не готов дать ей выбор!

— Послушай себя! — вскрикнула так же Ольга, вставая на ноги и сверля его недовольным, хмурым взглядом. — Ты несешь бред! Так нельзя! НЕ-ЛЬ-ЗЯ! — отчеканила она зло.

— Это не твое дело! — грубо оборвал ее мужчина, становясь напротив.

Так они и стояли, разделенные столом, опираясь о него ладонями и сверля друг друга злыми глазами.

— Я твой друг! — отчеканила девушка. — И я не могу смотреть, как ты губишь свою

жизнь!

— Женя — моя жизнь!

— Тогда ты покойник! — крикнула Оля ему в лицо. — Потому что я мало верю в то, что твои старания хоть чего-то стоят для нее! Ты готов надорваться, чтобы ей помочь! А она не готова дать тебе даже малость!

— Не ее в этом вина!

— Но и не твоя! — резко сбавив тон, тихо произнесла Ольга, вздохнув и покачав головой. — Ты не сможешь, если она не захочет принять твою помощь.

— Ей нужна эта помощь.

— Ты не так себе ее представляешь, эту помощь. Ты не должен решать за нее, не должен ее ограждать как маленькую. Это ее выбор и только ее. А если продолжишь в этом духе — будешь нянчиться с ней до конца жизни.

— Значит, буду! — упрямо заявил Дима.

— Она не даст тебе того, чего ты ждешь от жизни. Не даст тебе счастья. Пока сама не поймет в чем оно. А ты не даешь ей этого понять. Если ей нужна для этого ошибка — значит она должна ее сделать.

— Не таким путем.

— Она сама выбрала этот путь.

— Ты же знаешь, что я не могу ее отпустить! — отчаянно произнес Дима. — Знаешь, что я не решусь больше пойти за ней! Еще раз увидеть ее такой! Эта ее ошибка будет стоять нам обоим!

— Значит, так и должно быть. Все что ни делается — делается к лучшему.

— А если она все же одумается? Если справится?

— Покуда ты над ней трясешься — нет, — уверенно заявила Ольга.

— А если потом? Когда она уйдет? Если она одумается тогда? Меня ведь уже рядом не будет! — вскипел поновой мужчина.

— Значит, это девушка не для тебя. Значит, свое счастье ты найдешь не в ней.

Дима лишь устало вздохнул и буквально рухнул в кресло, опуская голову в ладони.

— Все равно не могу, — тихо, надрывно произнес он. — Она — все для меня. Лучше я буду винить себя, чем ее. Лучше я буду надрываться, чем она страдать.

— Она — твой наркотик, — вздохнула Ольга.

— Так и есть. Я не смогу без нее.

— Ты не пытался, — мягко возразила девушка.

— Не уверен, что смогу, даже если попробую.

— Ты этого не знаешь, — спокойно произнесла подруга и вышла из кабинета, оставляя его наедине со своими мыслями и решениями.

Дима не мог не признать, что доля истины и правильности в словах Оли есть. Всегда была — это девушка очень умна и мудра не по годам. Но он не готов мириться с этой правдой, не готов ей уступать. Он будет обманывать себя и дальше, но не отступить от своего решения. Женя для него — действительно все. Да, он не пойдет за ней больше, как и говорил ей когда-то. Но прежде чем это время наступит, он сделает все, что в его силах, чтобы как можно дольше оттягивать этот момент. Да, он говорил, что устал, что больше так не сможет. Но и без Жени жизни у него не будет. И пусть он будет вечно усталым, но рядом с ней, чем счастливым, но без нее. Он не представляет себе счастье с кем-то другим. С другой женщиной. Не представляет рядом с собой другого человека. Он вырос вместе с

Женей, и, казалось, всегда знал, что им суждено быть вместе всю оставшуюся жизнь. Это буквально было в его крови и памяти. И после долгих раздумий, размышлений и моделирования различных ситуаций он готов был бороться за свою судьбу.

— Привет, — мягко улыбнулась Женя, когда Дима зашел на кухню.

— Привет, — улыбнулся в ответ он, мимолетно касаясь ее щеки. — Как ты?

— Хорошо. Мне лучше, — слабо улыбнулась девушка.

'Надолго ли' — задалась она вопросом мысленно и одновременно.

Женя не меньше Димы устала от этого напряжения, что копилось в воздухе. Устала от терзаний собственного тела и души. Устала мучиться и страдать. Хотелось прекратить все одним движением. Но она не имела права на это движение: глубоко вдохнуть в себя белый порошок. Не имела права подводить и разочаровывать любимого человека. И она будет держаться столько, сколько сможет! Из всех сил, всех стремлений и возможностей!

— Мне Ольга звонила, — сказала Женя, когда Дима начал есть.

Мужчина удивленно закашлялся и вопросительно взглянул на нее.

— Зачем? — настороженно произнес он.

— Она сказала, что ты отказываешься от важной командировки. И что отказ может повлиять на твою дальнейшую работу. Почему отказался ехать?

— Ты знаешь, — опуская глаза в тарелку, тихо ответил мужчина.

Аппетит пропал, но он продолжал есть, лишь бы не смотреть сейчас на Женю.

— Ты не должен из-за меня портить свою карьеру, — спокойно произнесла девушка. — Тебе важно поехать.

— Я не могу тебя оставить! Как ты не понимаешь! — воскликнул Дима, с отчаянием глядя на нее.

— Глупый! — усмехнулась Женя. — Я же с тобой могу поехать! В чем же проблема?

Господи, а ведь он даже не подумал о подобном!

Он с мягкой улыбкой на лице покачал головой, глядя на улыбающуюся девушку.

— Ты ведь и не подумал о таком варианте?

— Даже в голову не пришло, — хмыкнул Дима.

— И наверняка поругался с Олей. У нее был грустный голос. Она переживает за тебя.

Он снова нахмурился. Да, он был сегодня слишком резок. Но оправдывал себя тем, что подруга лезет не туда, куда нужно. Да, он ценил ее помощь и поддержку. Но не таких советов он ожидал от нее. Понятно, что она желает ему добра, но не должна была говорить такие вещи. И таким тоном. Она будто толкает его к тому, чтобы сдаться, опустить руки. Неужели он настолько жалок, что она уже думает о подобном?

— Позвони ей, поговорите.

— Не сегодня, — покачал головой Дима. — Завтра увидимся в офисе. Через четыре дня мы поедем в командировку. Возьми вещей где-то на неделю.

— Хорошо. Я соберу и твои.

— Спасибо, — мягко улыбнулся мужчина, вставая из-за стола и присаживаясь перед ней на корточки. — Я не оставлю тебя и не брошу ради карьеры.

— Я знаю. Просто ты бросаешься из крайности в крайность. Так нельзя.

— С тобой по-другому не бывает, — чуть грустно усмехнулся Дима. — Но я и не хочу по-другому.

Женя слабо улыбнулась, перебирая темные пряди волос на его склоненной голове, когда он уткнулся лицом ей в колени. Было грустно и тоскливо видеть Диму таким: уставшим,

обессиленным, отчаявшимся и слабым. Именно слабым. Он был истощен морально и душевно их совместными переживаниями и своими личными. Она тоже была в подобном состоянии. Но казалось, что ему тяжелей в силу того, что он мужчина.

— Пойдем спать, я так устал, — вздохнул мужчина, поднимаясь на ноги и помогая встать девушке.

— Я приду сейчас, приберусь только.

Он кивнул и вышел из кухни, направляясь в ванную, а потом в спальню. Женя пришла через десять минут, забралась под простынь и тут же оказалась в его крепких объятьях. Она замечала как в последнее время Дима вообще не отпускает ее от себя, когда они вместе. Так или иначе, ему нужно было ее касаться, держать за руку и поглаживать кожу. Он будто успокаивал себя тем, что вот она — рядом, никуда не делась, не ушла, не убежала.

Глава 8

В командировку вместе с Димой и Женей отправилась и Ольга. Без нее мужчина бы не справился. В этом плане девушка была незаменима. Но что-то между ними все-таки повисло — неловкое и тягостное, хоть Дима и извинился тогда за свой тон и слова. Ольга тоже попросила прощения и пообещала больше не лезть к нему с такими советами и горячими убеждениями. Но неумовимо что-то изменилось. Он замечал на себе ее жалостливые, тоскливые взгляды, видел, что она все время хочет что-то сказать, но не решается. А он не хотел слышать. И ему не нравилось, как она стала смотреть на него. Раньше она не позволяла жалости к нему вырываться наружу, чтобы не смущать его, не выставлять в собственных глазах слабаком. А теперь будто не могла удержаться. Его это напрягало и смущало. Он не хотел этих чувств ни от кого вокруг, тем более от Ольги.

Но к поездке Оля как будто бы взяла себя в руки. Она была сосредоточена, сконцентрирована на работе. Весело и непринужденно общалась с ним и с Женей, была такой как прежде. Возможно, только из-за того, что рядом была его девушка. Но, так или иначе, стало легче, поскольку он чувствовал себя очень неуютно под непонятым взглядом подруги.

В первый же день командировки Ольга с Димой отправились в головной офис, чтобы представить свои отчеты и планы на неделю презентаций и конференций. Мужчина не хотел оставлять Женю одну в номере, но понимал, что приехал сюда не с ней сидеть, а работать. Хорошо уже то, что девушка была рядом с ним, это уже немало.

Целыми днями Дима с Ольгой были загружены работой и мероприятиями фирмы. А вот по вечерам они втроем выбирались погулять или сходить в ресторан. Женя сама была инициатором того, чтобы они не оставляли подругу Димы в одиночестве, хотя он и предпочел бы побыть с любимой наедине, пусть и в общественном месте. Но обе девушки неплохо ладили друг с другом, и он не хотел мешать им общаться. Все-таки у Жени мало подруг, с которыми она могла так легко свободно разговаривать. С Ольгой она могла быть откровенной во многом из-за того, что та была в курсе ее проблемы с наркотиками, знала ее ситуацию. А вот сам Дима впервые был немного скован из-за присутствия помощницы. Возможно, все еще остался осадок от их тогдашнего бурного спора. Возможно, со временем все вернется на круги своя. Он бы хотел этого.

Вся неделя пролетела быстро, и молодые люди почти не успели посмотреть город и отдохнуть. И было принято решение задержаться здесь на выходные. Женя тут же передала это решение Ольге, что заставило Диму снова почувствовать недовольство. А еще стыд из-за этого самого недовольства. Когда же он уже отойдет и успокоится в отношении подруги?

Ольга не стала отказываться, хотя и мелькнула такая мысль в начале, как только она услышала предложение Жени. Эта девочка умела уговаривать, была так искренна в своем желании пообщаться с ней, что невозможно было отказать. Но некоторая неловкость все равно присутствовала. Она ощущала то же смутение, которое ощущал и Дима, видела эту неловкость и прохладу между ними. От этого было не по себе. Она словно потеряла важную частичку в своей жизни и никак не могла ее вернуть. Этой частичкой был Дима. Их дружба с ним. Она видела, что их нелегкий разговор отразился на их отношении друг к другу. Нужно было ей тогда держать язык за зубами! Она же знала, как фанатично этот мужчина относится к своим чувствам к Жене, знала, как любит и переживает! И полезла-таки со своими глупыми советами. Но ничего уже не исправишь. Нужно, возможно, подождать. Да и время в непринужденной обстановке все расставит по своим местам. Так думала Оля, но не очень долго.

Она не представляла, что этот уикенд станет таким тяжелым для нее. В отсутствие работы Дима был целиком и полностью был сосредоточен исключительно на Жене. С Ольгой они практически не общались. И все, что их связывало, была Женя. Она втягивала обоих в разговор, замечая их отстраненность и пытаясь помочь. С одной стороны, Оля была благодарна ей за это. А с другой — это жутко раздражало и бесило. Она не знала, почему вдруг эта девушка стала вызывать в ней такие чувства. Не понимала этого, но догадывалась. Раньше не было подобных моментов, когда в общении с этой парой она была словно лишней. Зачастую, прежде она общалась с ними по отдельности, редко вместе. И никогда не осознавала, как же крепка и тесна их связь. Как гармонично и лаконично они смотрятся друг с другом. Как им хорошо вдвоем. И впервые Ольга поймала себя на ревности.

Никогда раньше она не испытывала этого чувства. Да, она была влюблена в Диму, да, знала, что у него есть другая. Но ни разу за все это время не испытывала негатива к сопернице. Да и соперницей было глупо считать вторую половинку друга, ведь она сама для Димы никем в этом плане. Они не борются за его расположение, внимание и сердце. Оно уже принадлежит Жене. И это чувство неприятно поразило Олю. Было стыдно за него и перед Димой, и перед Женей. Но справиться с ним не было возможности: то и дело она невольно наблюдала за ними со стороны, когда они не обращали на нее внимания, занятые только друг другом. Или когда появлялась не вовремя в общей гостиной их двуспального номера. И то, с чем сталкивалась Оля, мучило ее. Но и не сталкиваться и не смотреть она не могла. Она будто специально мучила себя тем, что видела. С какой целью — трудно было понять и ей самой. Она как шпион смотрела и наблюдала за любимым человеком, когда он был с другой. Ловила каждую его эмоцию, каждое движение и манеры. Старалась все это запомнить, чтобы потом ночами представлять его таким с собой.

Все это было так глупо, так нелепо и эгоистично, что Ольга поражалась сама себе. Но не могла удержаться. Она любила, и это все объясняло. А еще была та ночь с Димой, о которой она все еще помнила все мелочи. Это было ее тайной страстью — перед сном вспоминать раз за разом, как она была с ним близка. Это было неправильно, было бессмысленно и ужасно, но ничего с собой поделать она не могла. И с каждым днем это все усугублялось и усугублялось. Порой Оля ловила себя на мыслях устроить этой паре размолвку, подтолкнуть их к ссоре, проблеме, вообще к чему угодно, чтобы Дима снова пришел к ней и спросил совета. Чтобы поинтересовался ее мнением. От таких мыслей было мерзко от самой себя. Но опять-таки — ничего поделать с этим было нельзя.

Раз за разом на протяжении этих выходных Оля была свидетелем нежности и страсти

между Димой и Женей. Он могла тихо входить в гостиную, а там были эти двое. Ей бы уйти и не мешать, но она становится за углом и смотрит на них. Это пахивало маниакальностью, но остановиться она не могла. Она жадно наблюдает за тем, как Дима целует Женю — страстно, ненасытно, горячо и отчаянно. Видит, как его руки скользят по ее шее и лицу в легкой ласке. Наблюдает, как он наблюдает за млеющей девушкой в своих руках. Ему нравится это — смотреть на тающую Женю, на то, как она пытается прийти в себя от его голодных поцелуев, как мутное желание спадает с ее глаз, заставляя его мужское начало снова пробуждать его. В такие моменты ничто не способно описать, как выглядит мужчина. Он восторжен, он влюблен, он горяч и прекрасен.

Они могли находиться на прогулке, в кафе, в каком-то людном месте, и Ольга все равно замечала все то же самое, что замечала, когда эта пара была наедине. Дима постоянно держал Женю за руку, все время ее касался и не отпускал от себя ни на шаг. Он смотрел на нее и смотрел, не уставая от этого. Порой, общаясь с ними о чем-либо, Ольга замечала, как постепенно Дима выпадает из разговора, снова обращая все свое внимание на Женю. Ее же он почти не замечал.

А однажды она снова стала свидетелем их близости, что не удивительно — они ведь жили в одном номере. Ночью Ольга встала, чтобы выпить воды. В спальне ее не оказалось, и она пошла в гостиную, к общему бару. Дверь в соседнюю спальню была приоткрыта, предоставляя ее взору именно кровать. Девушка застыла, практически не дыша, и глядя в сторону любовников. Ночник возле их постели прекрасно все освещал, давая ей рассмотреть все детали и лица. Обнаженные тела переплетались в глубоких позах, сверкая в свете тусклой лампы испариной и потом. Большие ладони мужчины скользили по тонкой коже девушки с силой и нежностью одновременно. Его горячие губы ласкали юное тело в самых потаенных местах без смущения и с удовольствием. А как он смотрел на девушку в своих руках!..

Оля резко отвернулась, зажав рукой рот, чтобы не выдать себя. Все ее тело было охвачено какой-то негой от того, свидетелем чему она стала. В глубине ее естества начало разгораться томление и жар, отчего щеки покрылись румянцем. Девушка ломанулась в свою комнату и упала на кровать, не в силах поверить в такую свою реакцию. Было стыдно, было горячо и жарко. Все смешалось в одну большую кучу противоречий, в которых снова довлела ревность. Даже злость на соперницу. Казалось бы — всего два дня с этой парой, а она уже почти ненавидит Женю, к которой прежде относилась весьма тепло. Но она столько всего увидела за этот короткий промежуток времени, что это в корне изменило ее мировоззрение на всю ситуацию. И ревность была малой толикой того, на что стала способна безответно влюбленная девушка.

— Не скучайте, я быстро, — улыбнулся девушкам Дима, чмокая Женю и выходя из номера.

Мужчина отправился в аэропорт за билетами на ночной рейс в родной город, оставляя девушек одних. Женя проводила его взглядом, и повернулась к Оле, как только закрылась дверь.

— Что с тобой? — чуть хмуро глядя на нее, спросила девушка.

— В смысле? — не поняла Оля, выбираясь их своей задумчивости.

— Ты в последнее время невеселая, грустная. Что-то случилось?

— Нет, все в порядке, — отмахнулась Ольга. — Просто много работы. Хочу домой.

— Наверно, нам не стоило оставаться здесь на выходные.

— Наверно не стоило, — вздохнула девушка, совершенно иначе понимая причину этого факта.

— Я заметила, — нерешительно начала Женя, — что вы с Димой так и не помирились.

— Не то, что бы не помирились, но осадок остался.

— Это из-за меня, — грустно улыбнулась Женя, опуская голову.

Оля посмотрела на нее и мысленно согласилась. А потом в голову резко пришла идея немного позлить Женю, надавить на нее. В Ольге говорила ее злость, ее ревность, ее обида на них обоих. Это все в ней так сильно бурлило, что уже невозможно было удержаться и промолчать.

— Да, из-за тебя, — спокойно и холодно ответила девушка, наблюдая, как удивленно и виновато посмотрела на нее Женя. — Из-за тебя Дима так легкомысленно относится ко всему и всем вокруг.

Было видно, что Женя растеряна, удивлена тем, каким тоном с ней говорила подруга и как жестко смотрела, сверкая недовольно глазами. Никогда прежде она не видела ее такой. Она всегда была тактична, никогда не лезла слишком глубоко, и тут вдруг такая отповедь. Но трудно было что-то ей возразить, поэтому Женя промолчала, снова опуская голову: да, Оля была права, и с этим ничего не поделаешь.

— Я знаю, что виновата перед ним. Я пытаюсь с этим бороться, — тихо прошептала девушка, комкая в руках кисточки подушек с дивана.

— У тебя не получается, — не меняя тона и уже не в силах остановиться и успокоиться, продолжала Ольга.

Все внутри бурлило от несправедливости ее положения рядом с любимым мужчиной. Все, что она сдерживала годами, стало потихоньку выплывать наружу. Где-то глубоко внутри ее рациональность и совесть вопили 'Остановись!', но Оля была глуха к ним. Она устала видеть, как страдает Дима. Устала смотреть на него с другой. И сейчас ей казалось, что вот он — ее шанс как-то повлиять на то, что происходит между Димой и Женей. Это было подло, это было низко и неправильно — действовать исподтишка и творить такое. Но сдержать свой эгоизм было выше ее сил.

— Ты только хуже делаешь. Ты измучила его, неужели не видишь? Он сосредоточен только на тебе и твоих проблемах. Ты не даешь ему дышать полной грудью, не даешь мечтать, строить планы, потому что как только он начинает это делать — ты все рушишь. Как только он готов поверить тебе — ты все ломаешь. Он не живет для тебя, он ничего не делает ради собственного удовольствия и благополучия. Все только для тебя, — не скрывая горечи, добавила Ольга.

Женя смотрела на нее широко распахнутыми глазами, в которых уже блестели слезы. Она была согласна с каждым словом, ей было ужасно стыдно. И только сейчас она поняла весь масштаб катастрофы.

Дима никогда ни в чем ее не упрекал, а она, то ли нарочно, то ли случайно не задумывалась о подобном. Никогда не осознавала этого так полно и со всех сторон. Дима заботился о ней, о ее благополучии и спокойствии. Он улыбался и был счастлив рядом с ней. Он любил ее, и она видела эту любовь.

— Он любит меня, — тихо прошептала девушка вслух свои мысли.

— Одной любовью сыт не будешь. В отношениях не менее важны уважение, доверие, понимание. Он не может тебе доверять. Уважать тебя не за что. А понимание, — жестко хмыкнула Оля, — ты сама себя не понимаешь. И его, как оказывается. Ты ведь не думала обо

всем этом до того, как я тебе сказала? Ты не понимала этого? Ты же не ребенок! Почему ты только сейчас задумалась? Ты эгоистка — вот почему! Ты не думаешь о нем совершенно. Не думаешь о его стремлениях, мечтах, желаниях. Ты можешь только выказывать ему свои, а он тут же кидается их выполнять. Это — ненормально! Дима хочет семью, детей! Хочет спокойной умиротворенной жизни! А что ему даешь ты? Ни-че-го! А точнее — все с точностью до наоборот. Он рыскает ночами по городу, по притонам, выискивая тебя по свалкам, вместо того, чтобы спокойно спать. Он катает тебя по клиникам и врачам, взамен пикников за городом. Он нянчиться с тобой, откачивая тебя неделями, вместо того, чтобы менять пеленки и укачивать малыша на своих руках.

Женя не находила в себе сил спорить, возразить, осадить разошедшуюся Ольгу, потому что все это было правдой. Все так и есть. Не могла ее остановить и прекратить эту грубую лекцию и урок жизни. Не могла не принять все на веру. Эта девушка смотрела на вещи куда трезвее, чем она сама. Более правильно, рационально и трезво. Она осознавала всю целостность ситуации, учитывала малейшее. А что делала Женя? Только жизнь Диме портила. Когда-то он запретил ей думать в таком ключе, зло отчитал ее за то, что она сказала об этом вслух. Она успокоилась по этому поводу и перестала себя терзать. Но ведь всему однажды приходит конец. А она все так же наивно полагала, что не стоит об этом думать. Что Дима сам обо всем позаботится. Но она так много сложила на его плечи, и ни чем при этом не помогала, лишь добавляя еще больше головной боли и проблем. Она верила в его силу, в его разумность, и даже не задумывалась о том, что же он на самом деле делает. Он отдавал ей всю свою жизнь и время целиком и полностью. Всего себя он концентрировал только на ней. Так нельзя. И хоть это, но она понимала. Нельзя так отдаваться, даже любя. Нужно быть собой, не терять своей мечты, своих желаний. Нельзя растворяться в человеке абсолютно — это неправильно! У каждого должны быть свои увлечения, свои стремления и цели. Свои побуждения и образ мыслей. А все это было отдано ей — Жене.

Женя никогда не была душой, но то, что сказала ей Ольга, буквально открыло ей глаза на очевидное. Было стыдно, что сама она об этом не подумала. Она была зациклена на своих проблемах, на своей борьбе с самой собой, при этом полностью потерявшись в том, что касалось Димы. Она не спрашивала у него, как он, как у него дела, как он себя чувствует и чего хочет так часто, как это делал он. Само собой, что она интересовалась его жизнью, но ведь так мало! Ничтожно мало! До сего момента она этого не замечала даже. Не понимала, что практически не знает, чем сейчас живет ее любимый человек. А по словам Ольги оказывается, что только ею. Это ненормально!

Ольга смотрела на девушку и видела, что та задумалась. По щекам текли слезы, а она их даже не замечает. Ей не было ее жаль, не хотелось ее успокоить и помочь, как раньше. Она сидела и почти злорадствовала сейчас. Она сказала правду, пусть и немного жестковато и резко, но тем не менее. Она не сделала ничего, за что можно было бы ощущать себя виноватой. Понимала, что могла бы быть и мягче, тактичней, что было присуще ей всегда. Но все так накатило на нее — злость, ревность, желание досадить и насолить, и она просто не справилась с этими эмоциями. И только спустя время она поймет, что не стоило бы быть такой жестокой, но даже тогда отринет эти мысли и убедит себя в правильности своих слов и тона. Уже не было жаль Женю, не хотелось ей помочь, как раньше, поддержать и ободрить, утешить. Все это как-то резко смыло волной безразличия и злобы. Ольге казалось, что это рано или поздно все равно бы случилось. Нельзя вечно быть добренькой феей и за всех радеть. Нужно и о себе подумать. И пусть в этот момент она думала не совсем о себе, а

больше о своем желании сделать больно сопернице, ей это казалось нормальным и правильным.

— Ты права, — глухо прошептала Женя, вытирая слезы и шмыгая носом. — Во всем права. Я эгоистка. Я порчу Диме жизнь. Но я ведь люблю его! — она с таким отчаянием вскинула глаза на Олю, что той не по себе стало от силы чувств этой девочки. — И он меня любит! Я знаю, что любит! И я борюсь с собой, я учусь быть нормальной.

— Это хорошо, — вздохнула глубоко Ольга, чтобы успокоить свое новое желание еще раз нагрубить и стремление продолжить свой напор. — Но Дима уже никогда не сможет быть спокойным. Он сам мне сказал, что ему теперь всю жизнь придется ждать, когда же ты сорвешься в очередной раз. Именно поэтому он предупредил тебя, что больше не побежит следом.

— Ты знаешь об этом? — удивилась Женя. — Я не думала, что он рассказывает тебе о подобном, о личном.

— Он рассказывает мне обо всем, — спокойно, но с ноткой гордости, ответила Оля. — И я знаю, что у вас происходит. Но речь не об этом. А о том, что ты уже никак не спасешь положение. Вся жизнь ты будешь мучить Диму, не зависимо от своих желаний и попыток не делать этого. Он всегда будет бояться, и ждать твоего ухода. Никогда уже не сможет тебе довериться целиком и полностью. Да и не мог никогда, раз уж на то пошло.

— Но что же мне делать? — в отчаянии всхлипнула Женя.

— Уйти.

Ольга хорошо понимала, что сейчас творит и на что толкает эту девушку. Понимала очень хорошо. И делала это осмысленно. Это было ужасно, это было низко, но она хотела сказать именно это. Она будто обезумела от своих чувств и эмоций, она больше не могла отходить в сторону, когда выпадал такой великолепный шанс повернуть все в свою сторону.

— Что? — растерянно протянула Женя, неверяще глядя на подругу. — Уйти? Но как же...

— Да, уйти, — припечатала Оля. — Рано или поздно Дима успокоится, переживет свои чувства к тебе. И начнет все заново — спокойно и счастливо, умиротворенно и гладко. Разве ты не хочешь, чтобы он был счастлив? Пусть и не с тобой, но счастлив?

— Я же люблю его!

— Но он страдает. По мне, так лучше жить не с такой сильной любовью, зато спокойно и плавно. Правильно.

— Я не смогу уйти, не смогу его оставить!

Ольга только рассмеялась на это горячее заявление.

— Не сможешь? Да ты уже на грани! Еще немного — и не придется стараться.

Это было ужасно — то, что она произносила. Это целиком и полностью противоречило тому, что она говорила прежде. Но прежде и сама Ольга не находилась на грани. На грани отчаяния.

— Как ты можешь так говорить? — тихо, пораженно выдохнула Женя, неверяще глядя на нее. — Как?

— Я разве сказала что-то неправильно? Нет, все верно. Все так и есть. И ты не хуже меня понимаешь это.

— Почему ты так жестока?

— Мне надоело видеть, как Дима страдает, — вздохнула Ольга и честно ответила. — Надоело наблюдать, как ты портишь ему жизнь. Раньше я верила в то, во что верил и он —

что ты исправишься, справишься с собой и своей проблемой. Но я больше не верю. Года могут пройти, прежде чем тебе удастся справиться со своей зависимостью. И за это время Дима окончательно потеряет вкус к жизни. Я не хочу для него подобного. Я... его друг. Я желаю ему добра. А ты, уж извини, отнюдь не добро.

Женя только удручающе опустила голову. Что, опять все правильно. Нельзя судить Ольгу за то, что она уже не хочет дать совет, не хочет помочь и как-то ободрить. Она разуверилась в ней, и для этого были основания.

Женя поднялась с дивана и направилась в свою комнату. Ольга проводила ее холодным взглядом и глубоко вздохнула. Ей не было стыдно, может лишь чуть и где-то глубоко внутри. Ей надоело быть опорой и помощью. Она хотела быть собой. И так же хотела получить от жизни все, что и все вокруг. А она хотела Диму. И сейчас была почти уверена, что он будет ее. Что сейчас она сделала тот шаг, толчок, который подтолкнет его к ней. Все равно, каким способом она воспользовалась. Главное — результат.

Глава 9

Дима заметил странное, задумчивое и какое-то подавленное состояние Жени почти сразу. Но они только вернулись домой после утомительной недели, и он списал ее состояние на усталость. Это не было похоже на какую-то нервозность, возбужденность, поэтому он был спокоен по этому поводу, не беспокоился и не ждал проблемы в любой миг. Спокойно шел на работу и был расслаблен. Но спустя пару дней Женя, как казалось самому мужчине, стала еще более угнетенной. Она мало говорила, все время о чем-то думала, нарезая круги по дому, заламывая руки и глядя на него с тоской и грустью, болью. Разумеется, он пытался с ней поговорить на эту тему, выяснить, что случилось, что ее тревожит и что вообще происходит. Но Женя в ответ лишь вымучено улыбалась, придумывая какие-то левые отмазки. Дима не хотел давить, но и не беспокоиться по этому поводу не мог. Он старался проводить с Женей больше времени после работы, нигде не задерживаясь и даже уходя чуть раньше. Пытался ее как-то расшевелить и развеселить. Его пугала эта резкая перемена настроения. Еще пару дней назад она светилась от счастья и была весела, а сейчас... Это могло привести к пагубным последствиям. Но что-либо вытащить из девушки не получалось — она упорно качала головой и просила не беспокоиться.

— Как я могу не беспокоиться о тебе? — нежно улыбался мужчина хмурой Жене.

— А тебе не надоело это делать? — прикусив губу, робко спросила девушка.

— В каком смысле? — нахмурился Дима.

— Ты только и делаешь, что беспокоишься обо мне, заботишься, всегда настороже. Это ведь... неправильно, — пожалала плечиками Женя. — Так не должно быть.

— А как должно быть? Я люблю тебя. И это нормально.

— Я тоже тебя люблю, — вздохнула она. — Но ведь не отдаюсь так нашим отношениям как ты. Это несправедливо получается. У тебя совсем нет времени на себя самого, на свои проблемы, свои желания.

— Господи, чем ты успела себе уже голову забить? — усмехнулся Дима, нежно касаясь ее личика и заставляя поднять на себя взгляд. — Мне не в тягость все это. Я хочу о тебе заботиться, волноваться. Прекрати себя накручивать.

— Хорошо, — вздохнула девушка, заканчивая разговор.

Женя действительно терзалась от того, что услышала от Ольги. Она много думала о словах девушки и размышляла о них. Осмысливала и пыталась найти решение — правильное, но в то же время не такое категоричное, как предложила Оля: уйти. Она не

могла, не хотела уходить. Она любила Диму, хотела быть с ним рядом. Но нужно ли ему это? Стоит ли терзать его собой? Заставлять страдать так, как это делает она? Не лучше ли, действительно, просто уйти и дать ему свободу, нормальную жизнь без ее проблемы? Дать ему шанс жить так, как нужно, как правильно? Само собой, она понимала, что своим уходом сделает ему больно — он ведь любит ее, она уверена в этом так, как ни в чем и никогда не была уверена. Но, возможно, ему нужно просто время, чтобы эта любовь прошла, и тогда он сможет начать все заново, построить свою жизнь так, как всегда мечтал и хотел? Она ведь сама не уверена в том, что однажды не сорвется: она уже сейчас на грани. А если честно — она на ней всегда: каждый день, каждую минуту и час. И учитывая этот факт, может ли она дать гарантии, что в один прекрасный день, когда Дима увериться в том, что все хорошо, она просто не сбежит? Уйдет опять посреди ночи тайком, в дребезги разбив его мечты, надежды и желания? Стоит ли все усложнять, пока еще не поздно все исправить?

Жене было мучительно думать о том, чтобы оставить Диму, чтобы бросить его страдать. А он будет страдать, обязательно, как и она сама, если сделает этот шаг. Она любила его, хотела быть рядом, хотела его любви. И мысли о том, чтобы добровольно отказаться от этого, приводили ее в ужас. В панический ужас. Девушку разрывало на две части: уйти или остаться. Она одновременно хотела и того, и другого. И решить не могла. Глядя в сияющие глаза любимого человека, ощущая на себе его руки и губы, чувствуя его ласку и нежность, она просто не представляла себе, как сможет быть без него, без того, что он дает ей. Но так же она вспоминала его усталый взгляд, тоску в глазах, отчаяние и страх за нее, когда он откачивал ее во время ломок, когда вытаскивал из притонов и боролся за ее жизнь.

Противоречие было на лицо. И это противоречие сбивало с мыслей, пугало, толкало к безумству. За пару дней Женя буквально потеряла все спокойствие, которое обрела в последнее время. Была в ней уверенность в том, что все, наконец, налаживается, что приходит в норму, что она справляется. Эту уверенность ей давал Дима: своей поддержкой, похвалой, довольной улыбкой, словами и взглядами. Она видела, что он готов за нее бороться, что готов ей помочь во всем, что она попросит. Видела его самоотдачу и силу. И весь он буквально внушал ей собой, что все будет хорошо. Просто нужно приложить немного усилий. И она верила этому, и была счастлива. А Ольга разрушила все то, во что она поверила. И сделала это грубо и жестоко. Но нельзя было не согласиться, что в чем-то она была права. Да во многом она была права — что уж мелочиться! И тот разговор с подругой сбил с Жени всю уверенность в собственных силах. Пошатнул ее равновесие и оптимизм, сбил с толку. И теперь она была на границе: уступить своим страхам или идти дальше, с гордо поднятой головой.

Ольга прекрасно понимала, что наговорила Жене и что тем самым натворила. Было и стыдно, и одновременное ей казалось, что все правильно. С большей составляющей побеждало последнее, и постепенно она успокоила свою совесть. В конце концов, она не сказала ничего неправдивого или ложного, не выдумала факты и не солгала. Она просто выставила это слишком грубо и резко. Но так же девушка понимала, что в глубине души надеется, что ее слова раздавят Женю, что она сорвется, что оставит-таки Диму в покое, уйдя раз и навсегда. Даст ей тем самым зеленый свет. А уж она постарается не упустить свой шанс.

Порой девушка ловила себя на том, что в голове громко и надрывно кричит ее вторая 'Я':

— Остановись! Что ты делаешь! — кричал этот голос.

Но было уже слишком поздно. Все обстоятельства, чувства и эмоции сложились вместе, приведя к тому, что и как она делала, чего хотела и как себя вела. А хотела она Диму, быть с ним вместе. Раньше это было какое-то эфемерное желание, тайная мечта, а теперь стало четким стремлением. Она ясно представляла себе их совместную жизнь, их быт и семью. Ей было приятно думать о том, то вдвоем они будут счастливы, что именно она сделает его счастливым, дав ему то, чего он всегда хотел: нормальную семью, детей, спокойствие и порядок. Все чаще Оля ловила себя на том, что задумчиво смотрит на любимого, когда он не видит, любит его им откровенно, и именно в этот момент в голове мелькая какая-нибудь картинка их совместного будущего. Иногда Оле казалось, что она глупо себя ведет — мечтает, витает в облаках как наивная девочка-подросток. Но потом выбрасывала эти мысли из головы и продолжала это делать.

— Почему такой кислый? — любопытствовала Оля, заметив, что Дима с каждым днем все больше выглядит недовольным и напряженным.

С тех пор, как они тогда повздорили, между ними еще витало легкое напряжение. Но они оба старались его сгладить: вели себя, как обычно, общались, ходили вместе обедать и много разных мелочей. И вроде все налаживалось. Для Ольги это было хорошим знаком, который успокаивал ее и уверял в том, что все наладилось и что все хорошо. А Дима был спокоен, что они с подругой смогли забыть тот глупый разговор и забыть о недопонимании. Все же Ольга была дорога ему, и если была возможность все наладить, он был только 'за'.

— Да так, — отмахнулся мужчина.

Как бы хорошо они ни общались, а посвящать Ольгу в то, что творится в его доме, он больше не спешил, решив, что не к чему снова поднимать тему, в которой они противники и спорщики. Лучше он промолчит, чтобы больше не было недоразумений и ссор.

— Как знаешь, — пожал плечами подруга, понимая его мотивы и не спеша переубеждать.

Ей и так было ясно, что дело в Жене. И мягкое злорадство не заставило себя ждать. Что ж, соперница была умной девочкой, и понимала правоту ее слов. И возможно выводы, к которым она придет, будут теми самыми, на которые рассчитывала Ольга.

Терзания Жени в конце измотали ее. У нее пропал аппетит, было тошно, и часто кружилась голова. Общая слабость организма привела к тому, что она много спала, практически целый день. Благо, до учебы было еще пару недель и можно было себе позволить расслабиться. Грусть поселилась в сердце, а разум не отпускали размышления. Так и эдак Женя представляла себе различные ситуации, моделировала в сознании какие-то события и искала выход, принимала решение и пыталась разобраться в себе и своих желаниях. Дима, когда был рядом, одним своим присутствием внушал ей спокойствие и правильность того, что есть сейчас и будет в будущем. Но как только он уходил на работу, в голову тут же лезли противоположные мысли. И Женя терялась во всем этом, стала рассеянной и нервной, дерганой. Вздрагивала от малейшего громкого звука и шороха в тишине дома, когда была одна. Она начала пить успокоительные, но они почти не давали результата. И даже во сне, в котором она проводила много времени, не получалось отстраниться от размышлений. Ей снились кошмары или наоборот — радужные светлые сны.

Все это так выматывало, так давило, что уже через пар недель Женя была на грани срыва. Все это время Дима пытался до нее достучаться, узнать, что ее беспокоит и в чем вообще дело. Но как ему объяснить, что ее терзает? Как услышать его честный ответ на

мучающие ее вопросы? Она знает, что он ответит, спроси она его о том, не надоело ли ему все это. Знает, что скажет, намекни она на то, чего лично он хочет от жизни. Дима был целиком и полностью сконцентрирован на ней, поэтому она не услышит нужной правды, логичной и рациональной. Кто-то сказал бы, что это замечательно, что мечта любой девушки — быть так сильно любимой. Но Женя пугалась того, что эта самая любовь разрушает самого любящего. Она хотела бы видеть довольные и сверкающие глаза своего мужчины не только потому, что она рядом. Смотреть, как о чем-то увлеченно рассказывает с задором и удовлетворением. Нет, иногда она видела подобное. В те моменты, когда они отдыхали в какой-то компании, общались и веселились с друзьями, все это девушка видела в том, как Дима общается с Ольгой. Вот с ней он был самим собой, таким, каким бы он был и в их отношениях, не будь между ними проблемы и пропасти непонимания и борьбы за нее, Женю. Они оба были сконцентрированы исключительно на этом. А вот с другими Дима мог отвлечься. И это тоже было ненормально и странно. Это с ней, своей девушкой, он должен быть таким. Но все было с точностью до наоборот.

— Не ходи сегодня на работу, — неожиданно попросила Женя, сидя утром за столом и глядя на завтракающего мужчину.

— Что-то случилось? — тут же вскинул взгляд Дима, напряженно глядя на нее.

— Мне не по себе, — честно призналась Женя, отводя взгляд. — Мне плохо, тоскливо. Не уходи.

Она смотрела на него почти со слезами на глазах, и у него сердце сжималось от того, что он видел в них.

— Конечно, я останусь с тобой, — мягко и успокаивающе улыбнулся Дима.

Он позвонил на работу, предупредил Ольгу о том, что его сегодня не будет и позвал Женю на прогулку.

— Не хочу никуда идти, хочу побыть дома, — покачала головой девушка.

Дима был несколько растерян. Не походило на обычный срыв и его предвестие то, что сейчас происходило с Женей. Было что-то еще, или что-то другое, неизвестное, а потому настораживающее. Все это время он пытался добиться от Жени ответов на свои вопросы по теме того, что с ней происходит. Но девушка лишь отмалчивалась и просила не беспокоиться. А тут еще очередной аврал на работе, не дающий ему времени как следует подумать и осмыслить то, что и почему происходит с его девушкой.

Практически целый день Дима провел ничего не делая. Женя буквально каждые два часа засыпала, сидя у него под боком. Он относил ее в спальню, укладывал и укрывал пледом. А как только она просыпалась, то возвращалась к нему и снова засыпала. Он смеялся над ее сонным потерянным видом, но ничего не говорил, почти умиляясь тому, какой была девушка. Та только ворчала на его смех, удобней устраиваясь под его боком.

Вопросом времени было, когда же Женя все-таки сорвется. Уже сама девушка не сомневалась в том, что не устоит. Она либо уйдет осознанно от Димы, либо сбежит среди ночи за дозой, желая избавиться от умственных и душевных терзаний. Она ждала и боялась этого момента. Чувствовала себя двояко, не понимая собственной растерянности и апатии. Она ведь так решительно была готова сражаться за свою жизнь и счастье с Димой, и всего лишь один неприятный разговор разрушил все ее стремления и желания! Она сомневалась, и сомнения мешали ей думать здраво и логично. Мешали сконцентрироваться на единственно важной цели — устоять перед соблазном.

Дима видел, что происходит что-то странное и даже страшное. Повисло в воздухе

напряжение и давило на плечи своим грузом. Буквально атмосфера вокруг него и Жени была пропитана предчувствием беды и трагедией. Он, так же как и сама девушка, знал, какой именно. И сейчас как никогда прежде был не в силах что-либо сделать. Он смотрел, как все больше угасает его Женя с каждым днем, терзаясь чем-то неясным и непонятным ему. Видел, с какой тоской смотрит на него. Криками и ссорами он пытался добиться от нее ответов, да вообще хоть каких-то слов, но она была непреклонна, только все чаще плакала и жалась к нему тесно-тесно при каждом удобном случае. Она будто пыталась посредством его в чем-то убедиться, увериться. Он словами и делами доказывал ей, что все в порядке, что все хорошо. Но словно говорил в пустоту. Женя кивала и соглашалась, грустно улыбаясь.

Мужчина никак не мог понять, что же именно творится в голове любимого человека. Никогда с подобным он не сталкивался. Это не было похоже, как если бы Женя не могла объяснить причины своей зависимости. Она будто знала, что с ней, но не могла сказать. Не хотела. Все чаще он ловил себя на мыслях о том, что Женя сдалась. Что больше не хочет и не станет бороться с собой и за них. Он видел в ее глазах такую же усталость, которая давно поселилась в его собственных. И он отказывался понимать причины подобного. Ведь все было хорошо! У Жени получалось сдерживаться, нестандартно и тяжело, но получалось же! Она хотела быть с ним настолько сильно, что готова была страдать и мучиться. А потом вдруг резко опустила руки. Он не верил в то, что она вдруг вот так разлюбила его — полнейший бред. Не верил, что больше не может. Тут дело было в другом. И он сомневался, что Женя и сама это понимает. Он видел ее странную растерянность и рассеянность во взгляде, душевные терзания и волнение. Но никак не мог связать все воедино.

И это все ужасно давило, угнетало мужчину. Он знал, что очень скоро произойдет то, чего он так боялся и боится — Женя уйдет. А он не пойдет за ней следом. Как бы сильно он ее ни любил, как бы ни хотел помочь, но не пойдет. И это правильно — Женя должна сделать этот выбор сама. Он пытался, пытался спорить с Судьбой, со злым роком, уверял всех вокруг и себя самого, что сможет и у него получится. Той же Ольге яро доказывал, что готов на все ради Жени. И он готов! Но если она этого захочет! Если она примет все это! Но если уйдет — значит откажется. Да, он будет разбит, будет терзаться и маяться, вспоминая ее и желая побежать следом. Но он должен это перебороть. И Женя прекрасно это знает, понимает. А соответственно — осознает, к чему приведет ее уход.

Буквально каждый день, уходя утром на работу, Дима прощался с Женей. Смотрел в ее грустные тоскливые глаза, на прикушенную губку и запоминал этот образ до мелочей, чтобы потом хоть что-то оставить себе, пусть и такую ее в своей памяти. Он будет помнить все до мелочей, всегда, и хотел как можно больше собрать этих воспоминаний. Глупо, но факт. Он знал, что будет страдать, но даже не пытался облегчить себе это понимание и осознание. А когда приходил с работы и все еще видел Женю дома, был рад тому, что впереди еще целая ночь, и он продолжит сохранять в своей памяти любовь к своей девушке. Каждым поцелуем, каждым стоном и прикосновением он будет заполнять свой разум и память, чтобы потом сходить с ума от того, что больше этого не будет, что очень скоро он лишится своей дозы горького счастья.

С вполне понятным отчаянием и страстью из вечера в вечер Дима прижимал к себе Женю, уводил в спальню и раз за разом брал ее тело, понимая, что к душе у него доступа уже нет. Она закрылась от него, спряталась под своим панцирем страха и сомнений, облачилась грустью и беспросветной тоской в глазах. Он ловил губами слезы из любимых глаз, поцелуями делясь с Женей их горечью и солью. Сжимал в руках тонкое тело, оставляя следы

и метки. Целовал так жадно, так отчаянно, что болели губы. Ласкал с дикостью и невероятной нежностью одновременно. Шептал на ушко какие-то глупости без смысла и логики, ни в чем не уверяя и ничего не обещая. А Женя отдавалась ему с не меньшим желанием и тягой. С тем же отчаянием в каждом жесте и стоне. С той же жадностью и легкой агрессией. Вглядывалась в потухшие глаза и плакала от тоски.

Их последние ночи были пронизаны болью, пониманием, грустью, отчаянием и всем, что вообще есть плохого в наших чувствах. Они почти перестали разговаривать днем, не тратясь на пустые и никчемные речи. Утром Дима торопливо убежал из дома, а вечером боялся возвращаться.

Женя ушла.

Однажды вернувшись домой, он не застал ее там. В доме было пусто и тихо. Темные комнаты безжизненны и холодны. Диме даже не нужно было проходить дальше прихожей, чтобы понять это. Он так и остался у дверей, скользнув по ним спиной на пол и уткнувшись лицом в руки на коленях. Всеми силами он кусал губы и сжимал кулаки, чтобы не рвануть сейчас на улицу и не сесть в машину, чтобы поехать за Женей. До боли вцеплялся в волосы, пытаясь не закричать и не завывать от отчаяния. Как бы о ни настраивал себя на подобное, как бы ни был готов к такому развитию сюжета — прийти к этому было невыносимо мучительно. Понять, что все, наконец, случилось — невероятно трудно. А принять это — просто невозможно. По щекам текли злые слезы, а в груди сжимался комок, мешая дышать. Сердце заполошно билось в груди, ломаясь на куски. А разум просто отказывался воспринимать реальность.

Сколько он так просидел на пороге дома, Дима не знал. Может час, а может и полночи. Он был измотан, голова раскалывалась, все тело затекло и занемело от долгого сидения в неудобной позе. А взгляд, упирающийся в стену, был пустым. Пустым и безжизненным.

В какой-то заторможенной прострации, Дима поднялся на ноги, шатаясь и качаясь. Сжал в руке ключи от машины и вышел из дома. Он даже не закрыл дверь, не глянул на часы, в его голове не было никакой мысли, кроме той, что он должен ехать. Быстро и немедленно, не теряя ни минуты. Иначе случится катастрофа. Иначе он сорвется и слетит с катушек. Он знал куда поедет и зачем. Знал, чего хочет и что ему нужно.

Ольга открыла дверь, только через пару минут его звонка. Сонная, удивленная сверх меры и растерянная. Но одного взгляда на него ей хватило, чтобы понять, что привело его к ней посреди ночи: безжизненный взгляд покрасневших глаз, дрожание пальцев, теребящих ключи, помятый вид и едва держащие ноги. Все в Диме говорило за него, не нужно было слов или жестов.

— Ох, Дима, — протянула девушка, кусая губы и качая головой.

Она мягко взяла его за руку и втянула в квартиру. Он как ребенок, пошел за ней, глядя поверх головы. Он был сам не свой, смотрел прямо, едва двигался без единого лишнего движения и выглядел соответствующе. Оля нежно обхватила его лицо ладонями, заставляя посмотреть на себя. Он опустил голову и взгляд, но будто и не видел ее. По щекам снова побежали слезы, а потом крепко и резко сжал ее в объятьях, больно стискивая и не осознавая этого. Из горла вырвался всхлип, а затем тоскливый тихий вой.

Девушка крепко сжимала его руками, поглаживая по волосам, и тоже плакала. Было невыносимо видеть любимого человека таким раздавленным и уничтоженным. В эту минуту в голове не мелькали коварные планы, не было злорадства и удовлетворения от того, что все вышло именно так, как она хотела. Было только сочувствие и переживания за этого человека,

который пришел к ней за помощью, который нуждался в ней и готов был показать все свои слабости перед ней. Человек, которому она нужна, и который нужен ей — только это имело значение.

Часть 2

Глава 10

Равнодушным взглядом Дима окидывал город у своих ног. В офисе никого нет, свет везде выключен, не слышно шагов и разговоров за дверьми его кабинета. Зато внизу на улицах жизнь кипит: люди торопятся домой в этот вечер, торопятся к любимым и дорогим людям, держа в руках подарки и предвкушая улыбаясь. И пусть не видит он всего этого из окна своего офиса на восемнадцатом этаже — не трудно предположить, что так и есть. Сегодня новый год, поэтому как еще должны выглядеть люди? Только так — довольно и счастливо. Каждого из них ждут дома его близкие люди, каждый из них знает, куда и к кому сегодня пойдет, кого будет обнимать и целовать под бой курантов.

Вяло обведя взглядом сверкающие улицы внизу, мужчина отошел от окна, садясь за стол и снова принимаясь за работу. Ему тоже было, куда прийти в этот вечер. Он тоже приготовил подарки для близких людей, он тоже знал, кого будет сегодня обнимать и целовать. Но в отличие от многих других он не был от этого в эйфории, не светился задором и предвкушением, не был улыбчив и счастлив. Он вообще в последнее время почти не улыбался, а если и делал это, то нехотя, едва заметно и будто с усилием. Нечему было улыбаться. Но приходилось думать об окружающих, делать вид, что всё если не хорошо, то просто нормально. Необходимо было уверять всех вокруг, что он не нуждается в жалости и тревоге, не нужны ему скорбные взгляды и тяжелые вздохи. Ему казалось, что это будет тяжело — делать правильный вид, но нет — он вполне справлялся. Трезво и разумно вел себя, в нужное время строил нужную мину. И как ему казалось, все было нормально в этом плане. Но все это было только снаружи. Внутри же было пусто, глухо. Мысли были грустные и печальные, размышления тяжелые и унывные, а желания — их вообще не было. Дима жил на автомате с тех пор, как ушла Женя.

Прошло всего четыре месяца, он и не ожидал, что за такой короткий срок хоть сколько то придет в норму. И не пришел. Он был если не в депрессии, то близок к ней. Был апатичен и равнодушен ко всему и всем вокруг. Настроение было ни к черту. Всеми силами он старался идти дальше, пытался наладить свою жизнь, привыкнуть к отсутствию рядом любимого и дорогого человека. Получалось плохо, слабо и медленно. Если вообще получалось: лично ему казалось, что он так и остался на том же месте в эмоциональном плане, на каком был, как только переступил порог дома, когда Женя его покинула. Все та же боль, та же обида и горечь, та же тяжесть на сердце. Ну, может с сердцем и произошли изменения: рассыпавшись тогда на кусочки, оно просто сгорело, превратилось в пепел. Он не ощущал его порывов, не видел его и не слышал его желаний и потребностей. У него был только разум. Но и он был скуп в своих проявлениях. Дима жил словно робот, по одному и тому же графику и расписанию, без каких-либо изменений в нем и кардинальных перемен. Не делал ничего по какому-то порыву души, поскольку таковых не было. Не строил дальнейших планов, не в силах пока вообще осмыслить свою жизнь, которая походила на какой-то размеренный, плавный поток спокойной тихой реки, без резких поворотов, водопадов и спусков. Он плыл по течению, ничего не делая и не меняя.

Очень часто Дима вспоминал Женю. В глубине души он понимал, что это-то и мешает ему нормально существовать. Мысли о ней не давали ему идти дальше без нее. Он буквально

стал мазохистом, постоянно думая о ней. Где она? Что с ней? Что делает в эту минуту? Чем занята? Жива ли вообще она?! Он терзал свою душу воспоминаниями, не давая себя забыть ни мгновения рядом с этой девушкой. Его не отпускал страх за нее. И это все было безумием, но он по-другому пока не мог, не получалось. Он старался, вяло, конечно, но пытался бороться за себя и свое нормальное существование. Но каждый раз, с каким-то мазохистским стремлением зарывался в глубины памяти. И ничто не помогало с этим справиться. Даже его роман с Ольгой.

Да, Дима все-таки оказался в руках подруги. Как-то незаметно, постепенно, но Оля уверила его в том, что она поможет ему, что ее присутствие в его жизни не только как друга ему необходимо. Он поддался уговорам, поддался соблазну хоть как-то избавиться от наваждения, согласился попробовать ради того, чтобы начать все сначала. Он ведь прекрасно и разумно осознавал, что так нельзя, что нужно двигаться дальше. Однако апатия побеждала, и он рассчитывал с помощью Оли рано или поздно перебороть ее. Пока получалось плохо. Вроде и была рядом другая женщина, которая понимала его, разделяла его стремления и желания, но все равно это было не тем, чего он хотел. А хотел он только Женю. Но с тем, что ее у него уже не будет, он смирился.

Дима не любил Ольгу. Да и, пожалуй, не полюбит никогда. Тем более так, как любил — любит! — Женю. Она до сих пор была ему лишь другом в этом плане. И все равно, что они делили постель, все равно, что практически жили вместе. Все это было не то. Однако он не отталкивал ее. С каким-то сожалением ему пришлось-таки принять ее чувства, которые она прекратила скрывать. Пришлось раскрыть глаза, словно после длительного сна. Возможно, где-то глубоко внутри он уже думал о том, что подруга к нему не равнодушна, но Оля вела себя так, что придраться было не к чему. Поэтому-то он, наверно, и не замечал ее чувств. И лучше бы так и оставалось дальше. Ведь теперь ему приходилось прилагать усилия, чтобы не обидеть эти самые чувства. Ему приходилось надрываться в этом плане, в какой-то степени дурить Ольгу своими показательными попытками развить с ней отношения. Он был бы и рад их прекратить, но понимал, что лучше этого не делать. Возможно, Ольга для него — единственный шанс начать все заново. Ну кто еще захочет терпеть его унылый, безрадостный вид? Кто сможет его так полно понять и помочь? И пусть он не хотел этой помощи, но знал, что нуждается в ней. Он был благодарен подруге за то, что та на него не давит, не требует чего-то невозможного в плане эмоций прямо сейчас. Она терпеливо ждала, когда он оправится, спокойно реагировала на его кислую мину. Терпела его равнодушие к себе. Сейчас она пока что была той, кто только и делал, что безвозмездно отдавал всего себя этим отношениям. Он же не делала для них ничего, кроме показательных, так сказать, выступлений: он приглашал Ольгу на свидания, водил по ресторанам и в кино, дарил цветы, был внимателен к ней в постели. Но это был его предел, сухой и банальный, бесчувственный, автоматический.

С почти сожалением молодой мужчина отложил-таки документы в сторону. Как бы ему не хотелось ехать домой к матери, но стоит это сделать. Он не хотел портить праздник близким людям, которые за него беспокоились. Поэтому он покинул офис и вышел на улицу. Он с трудом представлял себе, как доберется до нужного места по таким загруженным дорогам, но покорно сел в машину.

К дому матери Дима приехал почти в нужное время, как и обещал. Припарковавшись в забитом до отказа машинами дворе, он направился к нужному подъезду. Не стал вызывать лифт, снова делая попытку оттянуть неизбежное. В квартире матери его ждала она сама

вместе с Олей. Девушка удивительно быстро подружилась с пожилой женщиной и нашла с ней общий язык. Маме понравилась его новая подруга. Женя тоже в свое время нравилась матери, не смотря на все ее проблемы и негатив, что могла она испытывать к ней как в наркоманке. Пожалуй, Дима мог смело утверждать, что его матери вообще легко понравиться и угодить. Она была мягкой, доброй женщиной, всегда видела в людях только хорошее, умея закрывать глаза на недостатки. Была жалостливой и терпеливой, внимательной и заботливой. В большей степени именно ей он был обязан своим характером.

Поднявшись на свою лестничную площадку, Дима замер перед нужной дверью. Медленно повернулся и посмотрел на противоположную. Там когда-то жила Женя. Сейчас эта квартира уже даже не принадлежала этой девушке: его мать рассказала, что там поселились новые соседи, купившие эту квартиру пару месяцев назад. Дима не знал, сама ли Женя продала ее, или это была какая-то левая сделка или мошенничество, чему он не удивился бы. Он мог все выяснить, мог бы поймать след, но зачем? Он решительно оборвал эту ниточку, так зачем плести новую? Он не хотел искать Женю, не должен был и не мог. Поэтому он ни о чем не узнавал и не расспрашивал. Но каждый раз приезжая в гости к матери, неизменно замирал и смотрел на чужую дверь. Ностальгия это была, или еще что — он не знал, и знать не хотел.

Решительно отвернувшись от двери, Дима зашел в квартиру родительницы. Тут же вышли обе недовольные его опозданием женщины. На пару поворчали на него, он извинился перед ними и прошел внутрь. Мама и Ольга суетливо накрывали на стол, весело общались и разговаривали, периодически втягивая и его. Он отвечал вяло, к чему они уже привыкли, только хмурясь на это. Но обе понимали, что слишком мало времени прошло. И хорошо уже то, что он не закрылся от них обеих, что готов стараться и делать шаги вперед.

Уже после боя курантов, Дима подарил подарки, получив взамен от них свои. Ольга подарила ему красивые часы, которым он был предан всегда, пусть и был под рукой всегда телефон. Но для него этот устаревающий атрибут был почти символом. Он помнил отца, который всегда ходил с часами. Помнил, как тот смотрел на них, одергивая рукав одежды или потягивая руку. Это было успокаивающее, умиротворяющее, приятное воспоминание о родителе, которым он дорожил. И ассоциировалось оно у него с часами. Мама подарила ему свитер, связанный своими руками. Это был уже традиционный подарок, и, не смотря на то, что этой одежды у Димы было уже по годам жизни, ему было невероятно приятно получать его каждый раз. Оля подарила пожилой женщине пару редких коллекционных книг по кулинарии, получив взамен какую-то женскую безделушку — Дима не всматривался. Он лишь заметил, что Оле мать не подарила изделие своей ручной работы, как ему, и как дарила всегда Жене. Это привлекло его внимание, но он не стал задумываться слишком глубоко. Сам он подарил родительнице путевку в хороший санаторий за границей. А Оле красивое золотое украшение на шею, которое надел прямо там же. Девушка посмотрела на него благодарными сияющими глазами, касаясь пальцами ожерелья. Он был рад, что оставил ее довольной. Слабо улыбнулся в ответ и принял благодарственный поцелуй.

Праздник прошел спокойно, тихо и уютно. А к утру молодые люди решили не мешать женщине отдыхать. К Ольге было ехать меньше, поэтому они отправились к ней. Да и вообще зачастую они оставались у нее. Нет, Диме было не принципиально не везти любовницу в дом, который он купил для Жени. Они проводили время и там. Но даже сама Ольга не желала часто бывать у него: ее коробило то место, та атмосфера, что царила в доме, где еще все напоминало Диме о бывшей возлюбленной. Она вообще недавно предложила ему

переехать к ней: удобно, к офису ближе, и им комфортней. Но мужчина очень сомневался в том, что стоит это делать. Да, они и так уже практически жили вместе, но собрать вещи и перевезти их в дом подруги ему казалось лишним. Если и так все нормально, к чему такая дотошность. Частенько он ловил Олю на том, что она то и дело намекает ему на это постоянно, пытается давить. Он просто игнорировал все намеки, зная, что прямо она эту тему не поднимет. А резко ответить 'нет' не мог — не хотел обижать ее. И надеялся, что со временем девушка смирится с тем положением вещей, которое есть сейчас.

Оля то и дело поглядывала на задумчивого Диму, пока они ехали домой. Он не замечал этого, глядя только на дорогу. С некоторой горечью девушка подумала о том, что будь сейчас рядом с ним Женя, он глядел бы на нее, не смотря на трудную и опасную дорогу. Или, по крайней мере разговаривал бы с ней, улыбался, сжимал бы ее ладошку.

Оля раздраженно поджала губы, обрывая эти мысли. Уже столько времени прошло, а она все еще видит рядом с любимым образ своей соперницы. Она четко знает, что уже не вернется Женя к Диме, а все равно ее это раздражает. Да и как не раздражаться, когда эта девочка так и не ушла из мыслей любимого мужчины? Ведь это самое главное, что должно произойти. Но нет, Дима по-прежнему целиком и полностью принадлежал Жене. Он любил ее, скучал по ней, переживал и грустил. Как бы мужчина ни старался все это спрятать даже от самого себя, она сама очень ясно видела все это. Но молчала. А что она скажет? Начнет ставить свои условия? Чего-то требовать? В таком случае Дима просто повернется и уйдет. Его ничто не держит рядом с ней, кроме нее самой. Лишь она удерживает их подобие отношений. Да и понимает она, что еще слишком рано чего-то ждать. Пока ей хватит и того, что он просто рядом. Хоть так — нелепо, неполноценно, отстраненно — но рядом. Она с таким трудом добилась этого, что готова была терпеть его такого в надежде, что время поможет ей завоевать его окончательно.

Далеко не сразу Оле удалось подвести Диму к мысли о том, что она может помочь, что она — его шанс на будущее. На именно то будущее, которого он хотел. Она призналась ему в своих чувствах, пообещала, что не оставит его, что поможет ему справиться со всем, что упадет на его плечи. Он поддался на этот жест помощи, но и воспринимал это только так — как помощь. Он не видел в ней любимую женщину. Но она подождет. Достаточно было того, что они уже на пути к совместному счастью. Своё счастье Ольга видела уже в том, что Дима с ней, что больше нет Жени, что больше ему не нужно страдать. Да, разумеется, сейчас он страдал. В конце концов, он очень сильно любил. Но она была твердо намерена забрать эту любовь себе, завоевать ее, отнять у той, кому она больше не нужна. Она готова была многое отдать за это, приложить все силы и возможности. И она делала это: молчала, трепала, старалась, не давила, не нагнетала. Была той, с кем Диме было легко и свободно, но кто вместе с тем давал ему надежду и поддержку. Эта самая поддержка не проявлялась в долгих беседах, разговорах и обсуждениях. Не было ее в сочувствующих взглядах и поглаживаниях по плечу. Эта поддержка была в том, что всего этого как раз таки и не было. Оля старательно стоила их жизнь и быт так, чтобы ничто не указывало на проблемы. Она не поднимала тяжелых тем, не пускала в разговоры какие-то ненужные моменты и все в этом роде. Всеми силами она поддерживала между ними атмосферу нормальности. И ей казалось, что вполне успешно.

Глава 11

Уже было первое марта, а на улицах еще лежит снег. Грязный, унылый, надоевший, забрызганный грязью из тающих луж и льда, затоптанный прохожими и совершенно не

радующий своим наличием как в первый день выпадения. Зима заканчивалась, а грядущая весна навевала надежду на тепло и свет всем вокруг.

На Диму не навевало ничего. Он как был мрачным, угрюмым, так мрачным и угрюмым и остался. Его не волновал надоевший снег, он не ждал прихода весны, не желал увидеть первую зеленую траву и листья на деревьях. В его настроение все как было полгода назад, так и осталось. За исключением того, что он научился лучше это скрывать. Улыбка уже не казалась такой уж искусственной и неестественной. Дышалось легче, вел он себя немного проще. Но лишь для самых близких людей он был таким. Лишь с ними пытался делать хорошую мину при плохой игре, чтобы они перестали уже так скорбно на него смотреть, будто он помрет завтра — скоропостижно и неожиданно. Мужчина действительно устал от того как на него смотрят мать с Ольгой. Смотрят и будто каждую минуту ждут, что вот, сейчас, он встряхнется, искренне улыбнется, и все станет на круги своя. Он станет самим собой, продолжит жить и к чему-то стремиться. Что ж, он не будет уверять их в обратном, поскольку не хочет, чтобы они переживали за него все время и постоянно. Он, честно сказать, готов был взвыть от этого. Потому и научился ловчее и умелее скрывать то, что творилось с его душой и сердцем.

А там все осталось по-прежнему: тоска, грусть, одиночество. Все, что выжимало из него жизненные соки в моральном плане так и продолжало это делать. И сам Дима почему-то сомневался, что в ближайшие пару лет вообще хоть что-то сдвинется с мертвой точки. Но пусть любовница и родительница думают по-своему, а то он в конец сойдет с ума от их заботы. Он не хочет больше грузить их своими переживаниями и личной трагедией.

Но все же, в какой-то степени жизнь наверно нормализовалась. Дима привык к этому сосущему неприятному чувству внутри, что не отпускало его даже во сне. Он привык жить с ним, и когда смирился, что еще придется долго это делать, как-то даже легче стало. Ну болит и болит, что поделаешь. Он продолжал упорно работать, продолжал налаживать отношения с Ольгой, даже согласился подумать над тем, чтобы все-таки переехать к ней со своими вещами, которых уже итак было до хрена в ее квартире. К ней он после работы ехал уже как домой — привычно и без вопросов. Там Ольга сразу шла на кухню готовить ужин, пока он принимал душ и еще час-полтора работал над бумагами. Они вместе кушали, обсуждая дела или какие-то планы на ближайшие пару дней. Оля рассказывала, о чем говорила с его матерью, шутила и была самой собой. Он вовремя что-то говорил в ответ и улыбался ей, стараясь делать это как можно более искренне. Потом они могли вместе посмотреть фильм или выйти погулять. Затем была спальня и секс. А потом они засыпали. И уже позже, среди ночи выпутываясь их рук любовницы и выходя на кухню, чтобы попить кофе, Дима думал том, как же все уныло, как нудно и однообразно. Как все это ему осточертело. Не помогали разбавить существование ни развлечения, ни работа, ни командировки, ни даже спонтанный секс с какой-то девицей пару недель назад, когда он оправился в клуб с парой знакомых парней. Ничто в его жизни никак не хотело приобретать хоть какие-то краски кроме серой. Все было монотонно, заезжено и погано. Никогда еще он не чувствовал себя так потеряннным и угасающим. Казалось, что даже его страдания стали не такими яркими и сильными. А может он просто приходит, наконец, в норму? Может так и происходит начало новой главы в его жизни? Но если такое скучное начало, то что же будет в середине и тем более в конце?! А вообще, он сомневался, что это его новое начало новой жизни. Просто он потерял то, что было смыслом его жизни. Потерял то, что ценил больше всего. И с каждым днем эта потеря все сильнее осознавалась его

подсознанием, а потому он и потухал там быстро? Но что же ему делать?! Он ведь старается, пытается! А все так и остается на месте! Что ему еще нужно делать и как, чтобы хотя вкус к жизни почувствовать? И если дело только во времени, как ему пережить вот это самое время? Он же скоро с ума сойдет от безнадеги, окончательно потеряется в своей потере. Может, ему нужна какая-то встряска? Может это взбодрит его? Но что же ему такого сделать, чтобы расшевелить себя самого? Прыгнуть в бассейн с акулами? Отправиться в горы со снаряжением? Уйти в монастырь, в конце концов?!

Мужчина усмехнулся своим нелепым размышлениям. Ничего он не сможет сделать. Здесь нужно лишь ждать. Он готов был это делать — выбора-то все равно нет, но что от него останется после такого ожидания? Будет он хоть сколько то напоминать себя прежнего?

Ольге казалось, что Дима, наконец, начал приходить в себя. А порой казалось, что ей только кажется. Иногда она видела такой его взгляд, что не возникало сомнений в его душевном состоянии — все осталось по-прежнему. Но уже в другой миг он был более или менее нормальным. Девушка просто терялась в своих догадках. Но поднимать эту тему в разговоре и не думала, не желая возвращаться к тяжелому и надеясь на лучшее.

Ольге почти удалось уговорить Диму переехать все-таки к ней. Лично она не видела смысла в его редких ночевках дома, не видела проблем с этим, и не понимала его отказа. Он и так уже практически жил у нее: почти все вещи здесь, предметы гигиены, все рабочие документы и компьютер. Даже бюджет у них был почти общий, да и быт тоже. Весьма часто Дима звонил Ольге из магазина и спрашивал что купить. Это вроде было мелочью, но такой символичной: это как муж звонит жене, и они вместе обсуждают список покупок или еще что. И подобные мелочи начали наводить девушку на мысль о большем. С одной стороны она не хотела торопиться, а с другой — желала закрепить результат. Идея, а точнее даже желание, мечта, возникла не то, что бы неожиданно, но и не совсем так она планировала подобное. Но эта идея не давала ей покоя. К тому же она думала, что Диме понравится, что он поддержит ее решение, захочет ему последовать.

Но девушка ошиблась. Причем сильно и жестоко.

— Знаешь, я тут подумала кое о чем, — начала Ольга разговор, который планировала уже несколько дней.

Они с Димой сидели за столом и ужинали. Девушка приготовила почти праздничные блюда, но, кажется, он этого не заметил. Но она волновалась не об этом, а о том, как же он воспримет ее предложение. Еще она бы желала, чтобы это помогло Диме окончательно прийти в себя, уверится в том, что он все правильно делает и находится на верном пути.

— Да? — без особо интереса протянул мужчина, глядя в тарелку.

— Я думаю, нам стоит завести ребенка, — глубоко вздохнув и затаив дыхание, произнесла Ольга, глядя на мужчину.

Дима замер, так и не донеся вилку до рта. Медленно поднял голову и взгляд. Ничего нельзя было понять по его глазам и выражению лица, но и не нужно было стараться. Его ответ был весьма четким:

— Нет!

Голос мужчины звучал четко, резко и громко. Жестко и бескомпромиссно. Оля даже растерялась от того, каким тоном и с каким видом было буквально выплюнуто это слово. А потом Дима бросил на стол вилку и встал из-за стола, стремительно вылетая из кухни. Девушка проводила его растерянным взглядом. Как? Он вот так просто уйдет? Ничего не объяснив? И почему он так категоричен? Почему отказался? Ведь он так хотел детей, так

мечтал о них!

Девушка поднялась из-за стола и пошла вслед за Димой. Тот был в гостиной, стоял у окна, глядя на улицу и засунув руки, сжатые в кулаки, в карманы брюк.

— Дима, давай поговорим, все обсудим, — мягко начала Оля, становясь у него за спиной.

— Обсудим? — хмыкнул мужчина, повернув к ней лишь лицо. — А по-моему, ты уже все решила сама. 'Я думаю' — так ты сказала.

— Ну что ты придираешься к словам, — вздохнула девушка.

— Я не придираюсь, но это ведь только твое решение. И твоим оно и останется. Мой же ответ — нет.

— Но почему? — воскликнула Ольга, глядя на него непонимающе и удивленно. — Ты же всегда хотел детей, нормальную семью.

— Уже не хочу. И потом — у нас не семья. Мы просто любовники.

Он понимал, как грубо, неправильно и резко звучат его слова. Но кажется, Ольге нужно понять, что она слишком торопится. Он не давал повода думать, что у них что-то большее кроме простого романа. Да, они живут вместе, но всего пару дней как он согласился на это. А она уже завела разговор о детях. И почему не о свадьбе? Почему не начала строить планы на ближайшую пятилетку?

— Но что мешает нам изменить это самое 'просто любовники'? — не понимала девушка, но хотела понять. — Мы живем вместе, мы встречаемся уже почти полгода.

Дима удивленно посмотрел на девушку. Она не понимает? Оля решила, что он готов к тому, чего хочет она? Неужели он переиграл с тем, как подавал себя и свое состояние? Неужели он выглядел настолько умиротворенным и уравновешенным, что она решила, что он справился со своими эмоциями, со своей болью и потерей? Лично ему казалось, что и близко не похоже. Да и не было у него такой цели — показать, что он в норме. Лишь сделать так, чтобы на него не смотрели как на смертельно больного, который в любую минуту может скончаться.

— Давай просто закроем эту тему, — вздохнул Дима, отворачиваясь вновь к окну и не желая заводить такой долгий и непросто разговор. — Я не хочу обсуждать это.

— Ты больше не хочешь детей? — повторила вопрос Оля, обходя его и заглядывая в глаза.

— Да, я больше не хочу детей, — согласно кивнул мужчина. — По крайней мере — не сейчас.

'И не от тебя' — добавил он мысленно.

Да, дело было именно в этом. Он не хотел детей от Ольги. В его мечтах, стремлениях и желаниях он всегда был окружен своей семьей, детьми. Но их матерью неизменно была Женья. И эти мечты нисколько не изменились. А теперь уже даже и не мечты — фантазии. И он готов был предаваться только им. Может, это и было эгоистично, но Ольгу он не мог представить в роли своей жены, матери своих детей. Не сейчас так точно! Может быть, когда-нибудь.... А сейчас она пока что была для него якорем, спасением. Было нечестно с его стороны так относиться к ней. Она любит его, заботится, помогает, поддерживает, а он так потребительски все воспринимает. Но не может по-другому. Для него еще все так неустойчиво, так эфемерно, что не хочет сейчас он думать о таком будущем, как общие дети с Ольгой. Хотя, наверно, стоило бы: вдруг это окончательно вернет его в норму? А если нет? Если этот малыш не будет желанным, не станет долгожданным? Он не хотел так относиться

к собственному ребенку.

— А когда? — уже без прежнего воодушевления и задора спросила Оля.

— Не знаю, — пожал плечом Дима. — Но не в ближайшие пару лет точно.

Ольга бросила на него удивленный взгляд и прикусила губу, чтобы не начать задавать новые вопросы и доставать его еще больше. Дима явно был не то, что бы зол, но раздражен так точно. Но неужели эта тема стала так чужда ему? Почему? В чем причина? Да, он еще не совсем оправился, не совсем отошел от прежних тяжелых выматывающих отношений, но не могло же это так повлиять на его стремления? Или она просто слишком торопится? Но она же хотела как лучше! Хотела дать ему новое стремление, новый смысл в жизни! И еще — что уж себя саму обманывать — привязать его к себе покрепче.

Все-таки их отношения не были тем, в чем девушка могла быть уверена. Да, Дима рядом, он с ней. Но его ничто не держит — ни чувства, ни привязанность, ни ответственность. Ничто вообще. Они чужие друг другу люди. Их связывает только работа и секс — если быть уж до конца честными. Это то, в чем участвуют они оба. Но все остальное в руках только Олиных. Лишь она стремится к большему, лишь она думает о совместном будущем. Дима же живет одним днем. Его устраивает данное положение вещей и не больше. Ему комфортно, ему спокойно рядом с ней. Он держится за ее поддержку и помощь, пытается видеть в ней новое начало. Но все это так шатко, так неустойчиво и тонко, что нельзя быть уверенной, что уже завтра ему надоест цепляться за нее, надоест пытаться. Он может просто опустить руки, может все пустить на самотек. А она так долго его ждала, так сильно добивалась и любила, столько сил приложила, что теперь было просто невыносимо потерять его. Ведь больше у нее такого шанса не будет. Если она не завоюет его сердце сейчас, потом у нее такой возможности уже не появится. Это — ее единственный шанс построить свое счастье с Димой.

— Хорошо, — мягко согласилась девушка, пряча за опущенными ресницами разочарование и обиду. — Я не буду больше поднимать эту тему. Скажи мне сам, когда будет время.

— Вот и ладно, — вздохнул с облегчением, как показалось Оле, Дима.

Дима понимал, что он обидел Олю своим жестким отказом и резким ответом. Поэтому он решил сгладить свою вину и на следующий день пригласил девушку в ресторан. Его не мучила совесть, просто он понимал, что должен как-то загладить вчерашнее: этого требовала вежливость и его воспитание, не больше. Но Ольга была довольна, а это главное.

Он выбрал хороший ресторан, они замечательно провели время. Мужчина заводил нейтральные темы и пытался как-то расшевелить себя самого. На него снова напала какая-то тоска, да еще и с нотками легкой тревоги, даже предвкушения. Странное, уже непривычное состояние, и он даже не знал, на что его списать. На работе порядок, с Ольгой они все выяснили. Что же в его жизни есть еще такого, что заставляло бы его так себя ощущать? Да ничего больше не было. Раньше была Женя, но не теперь. Поэтому Дима старательно игнорировал тревогу, списывая ее на то, что он не заметил, а значит это пустяк.

Оля ничего не замечала за Димой. Он был такой же как всегда: хмурый, спокойный, напряженный и уравновешенный. Она даже привыкла видеть его таким. Не ждала в ближайшее время счастливой, искренней, довольной улыбки. Не ждала веселых анекдотов и историй. Не ждала расслабленности во взгляде и теле, так же как и усталости. Последнее, пожалуй, до сих пор ее удивляло: Дима будто забыл, что это такое. В его глазах ее не было, он готов был работать сутки напролет, ничто его не выматывало как прежде. И в этом факте

Оля видела скорее плюс: все же именно Женя была причиной того, как был выжат Дима в эмоциональном плане. Он и сейчас конечно не походил на 'сочный персик', но это было, несомненно, лучше, как думала она. Рано или поздно, но мужчина придет в себя, и тогда нормализуется абсолютно все. Она подождет. Она готова была ждать наверно вечность — так сильна была ее любовь к нему. Порой она понимала его чувства к Жене: сама любила столь же сильно и с такой отдачей. И не сомневалась, что до добра это не доведет, как не довело и его самого. Но лучше так, чем вообще никак.

После ресторана молодые люди поехали домой. У Ольги было игривое настроение, и бокал вина во время ужина только обострил его. Поэтому она не отказывала себе в том, чтобы намекнуть своему возлюбленному о продолжении вечера в спальне. Всю дорогу к дому ее ладошка лежала на его бедре, поглаживая его вверх-вниз, она бросала на него призывные горячие взгляды. Дима же в ответ только усмехался, понимая ее настроение. У самого не было такого азарта, но он хотел Ольгу. Почему нет? Она красива, привлекательна, сексуальна и великолепна в постели. Другое дело, что не было в его желании такой же самоотдачи. Не было в нем огня безумства и дикой страсти, как было с Женей когда-то. Не было той постоянной тяги к близости, когда все мысли при взгляде на девушку только об одном. Оля не возбуждала его одними поцелуями и обнаженной ножкой в вырезе платья. Не вызывала в нем такой зависимости от своего тела, своих ласк и стонов. С ней в постели он был каким-то отстраненным: он ласкал ее тело, целовал его и нежил, при этом думая о совершенно посторонних вещах; он шептал ей на ушко пошлости, но мыслями был далек от своих слов. С Ольгой он был лишь телом, которое рефлекторно знало, что ему нужно делать и как удовлетворить партнершу. Конечно же, сама Оля об этом не знала. Для нее Дима был страстен, горяч и напорист. Но где-то глубоко внутри она все же понимала, что не такой он на самом деле. Не таким она его видела со стороны, когда наблюдала за ним с другой. Но списывала все это лишь на свою неутраченную ревность.

Едва переступив порог квартиры, Дима прижал любовницу к стене и жарко поцеловал. Она тут же обвила руками его шею и прильнула всем телом. Его руки прошли по ее телу вниз, к подолу платья, которое он без промедления начал задирать. Пальцы, скользнув по капрону чулок, коснулись обнаженной кожи бедер и сжали упругие ягодицы, прижимая тело девушки к собственному еще ближе и интимней. Своими губами он поймал ее довольный глубокий стон и усилил напор. Избавляя друг друга от одежды, они начали продвигаться вглубь квартиры, цепляя углы и двери. Опрокидывая Ольгу на диван, Дима уже был заведен. Но, как всегда, абсолютно трезв в своей страсти. Не шумело в голове, не бежала кровь по венам быстрее, не колотилось сердце от предвкушения грядущего удовольствия. Он был абсолютно холоден и равнодушен. И, не будь у девушки затуманен взор собственным желанием, она бы все это видела. Она бы замечала подобное всегда, раз за разом. Но ее страсть мешала смотреть разумно. Он хочет ее — это есть. Остальное ускользало от ее внимания.

Требовательно лаская податливое и открытое тело под собой, Дима пытался сосредоточиться именно на нем. Получалось так себе. А тут еще телефон начал разрываться в коридоре в оставленном там пиджаке.

— Не отвечай, — прошептала умоляюще Оля, обвивая ногами его талию и не давая ему подняться на ноги.

— Не могу, вдруг что-то важное, — скользнув руками по ее ножкам и мягко расцепив ее лодыжки, он встал с дивана.

Ольга разочарованно вздохнула и тоже села, глядя на обнаженный торс мужчины, его сильную спину и узкую талию и мысленно проклиная позвонившего.

Подняв с пола пиджак, Дима достал телефон и нахмурился при виде незнакомого номера телефона, к тому же стационарного и из другого соседнего региона. Кто бы мог звонить ему почти в полночь неизвестно откуда? Но трубку он поднял.

— Да?

— Дмитрий?

— Да, это я.

— Здравствуйте. Понимаете, тут какое дело. К нам в больницу поступила девушка. Она в критическом состоянии, и мы оказываем ей помощь. Но при ней нет документов, а вы один из двух контактов в ее телефоне. Не могли бы вы привезти для нее необходимые вещи и бумаги? Сами понимаете — бюрократия и все такое, — торопливо протараторила, судя по всему, медсестра.

— Погодите, — остановил снова начавшую что-то говорить собеседницу Дима. — Какая девушка? Что значит в критическом состоянии? И почему вы звоните мне?

Он задал эти вопросы с одной лишь целью — убедиться, что подумал верно. Увериться, что проскользнувшая в сознании мысль та самая.

— Говорю же, ваш номер единственный из двух вообще существующих в телефоне, которому мы смогли дозвониться. Второй недоступен.

— Что за девушка? — четко и уже начиная злиться, повторил Дима вопрос, который волновал его в первую очередь, а эта курица начала с самого несущественного.

— Я не знаю, как ее зовут. Она поступила к нам без сознания.

— Опишите ее, — взволнованно потребовал мужчина, не замечая, как нервно расхаживает по узкому пространству коридора.

Он не замечал ничего вокруг, сконцентрированный только на разговоре и вмиг заполонивших его сознание вопросах. Не видел и Ольгу, застывшую на пороге гостиной, держащую в руках платье и мнущую его стиснутыми руками. Не видел ее глаз, в которых плескалась злость, горькое предвкушение, неверие и обида. А еще осознание того, что все — это конец.

— Брюнетка, красивая, — словно припоминая, начала описывать медсестра. — Цвет глаз не скажу — она же без сознания.

'Что за тупая девица! Не иначе, как только что выпустилась из какой-нибудь задрипанной медули!' — краем сознания подумал Дима, пытаясь не начать орать на глупую девушку.

— Высокая, худенькая. А, — воскликнула пискляво девица, будто резко что-то вспомнила, — у нее еще родинка на плече такая интересна, почти квадратик. Я заметила, когда мы ее раздевали.

— Женя, — тихо прошептал Дима.

В голосе сквозило и удивление, и неверие, и шок, и даже нотка восторга.

Господи! Он так долго от этого бежал, так сильно не хотел ничего знать и слышать, не лез и не искал, не пытался что-либо выяснить, а теперь — счастлив! Это было до того нелепо, до того наивно и глупо, что не описать словами. Сейчас, в этот миг, мужчина не думал о том, чтобы бросить трубку, чтобы проигнорировать звонок, выкинуть его вообще из головы и поверить в то, что его и не было вовсе. Он думал лишь о том, что Жене нужна помощь, что ей нужен он, что она в больнице, что ей плохо, и она в опасности. Это было

словно поток воздуха. Словно он и не дышал вовсе после того, как она ушла от него. Знакомые чувства ответственности, волнения и переживания были ему самими родными и понятными из всего калейдоскопа, что был в его голове в последнее время. И кроме этого ничто его сейчас не волновало, ничто не лезло в голову, никакие другие мысли и эмоции.

— Так вы привезете документы и вещи? Девушка здесь на пару недель как минимум, судя по ее состоянию, — спросила неизвестная собеседница.

— Да, конечно, — несколько растерянно протянул Дима.

Он поднял руку и глянул на часы на запястье.

— К утру я буду в городе. Скажите адрес, — беря в руки ручку и листок, лежащие под рукой на полке, попросил мужчина.

— Областная *** больница, улица ***, дом ***. Заходите со двора, третий корпус, родильное отделение.

Автоматически записывая буквы, Дима не сразу понял, что ему сказали и что он написал на бумаге.

— Стоп! — резко удивленно выпрямляясь и чувствуя, как пересыхает во рту, рявкнул мужчина. — Какое отделение?!

— Родильное, — как само собой разумеющееся повторила девушка. — У вашей подруги преждевременные роды.

Глава 12

В какой-то прострации Дима смотрел на потухший телефон и уже вторую минуту даже почти не дышал, не в силах поверить и осмыслить то, что он услышать только что. Он был даже не шокирован, не удивлен. Он был просто в а**е! Ему казалось, что это сон. Что не может происходить все это на самом деле. Что это какая-то ошибка и злая шутка судьбы. Но мозг быстро пришел в норму и начал лихорадочно считать, думать и анализировать. Вместе с тем в его душе начали разгораться и радость, и непонимание, и отчаяние, в общем — целый ураган чувств и ощущений. Он с трудом верил в то, как и почему сошлись слова и факты. Это не могло быть реальностью, настолько все казалось абсурдным и сказочным, невозможным. Но ведь вот они — телефон в его руке, слова медсестры, собственные выводы — факты на лицо.

От глубоких размышлений и задумчивости его отвлекло легкое прикосновение Олиной руки. Дима рассеяно посмотрела на девушку, обернувшись к ней лицом и молчал, не зная что сказать и вообще туго соображая.

— Это Женя? — тихо спросила Ольга, притискивая к груди платье и скрывая наготу, сейчас кажущуюся как никогда прежде неуместной.

— Да. Женя, — выдохнул Дима.

Еще раз вслух произнесенное имя будто давало ему шанс увериться, что все по-настоящему. Что он не в бреду сейчас находится.

— Ты не должен к ней ехать, — сверкая гневными глазами, решительно и твердо произнесла Ольга. — Не должен! Не можешь! Не обязан! Ты оставил ее в прошлом!

Она была в отчаянии и готова была здесь и сейчас уверить Диму в том, что он совершит ошибку, если кинется сейчас к Жене. Готова была доказывать и топтать ногами.

— Зачем она появилась снова в твоей жизни? Зачем хочет снова испортить ее? Не ходи к ней! Ты только все испортишь! Все то, что пережил и чего добился! Ты ведь уже почти пришел в порядок, привел свою жизнь в норму! И снова она! Ты же должен понимать это! Осознавать, что нельзя тебе к ней!

Дима смотрела на горячо рассуждающую Олю, и словно не видел ее перед собой. Ее слова не долетали до его слуха и разума. Ему пришлось сделать усилие, чтобы понять, о чем идет речь.

— Неужели ты не понимаешь, что если она снова появится в твоей жизни, все станет как прежде? Ты снова будешь страдать! Снова будешь как раньше мучиться!

— Как раньше уже не будет, — тихо ответил мужчина, глядя на расстроенную Ольгу. — Женя беременна. И она сейчас в больнице рождает.

Оля в ступоре замерла, неверяще качая головой, широко распахнув глаза и отказываясь понимать и принимать услышанное. Эта новость меняла все кардинально! Абсолютно и безвозвратно! Это слово — беременна — разрушило все то, что она строила и делала в последние полгода. Все до последнего кирпичика.

— И это мой ребенок, — добавил Дима, видя, что Оля уже готова предъявить этот аргумент. — Не может быть не моим.

Девушка посмотрела вслед метнувшемуся в спальню за вещами Диме и окончательно уверилась, что пришел конец всем ее мечтам и желаниям. Что закончилось ее счастье, так и не успев начаться. Она ведь даже не прочувствовала все, чего так хотела. Дима был заперт в себе, в своих переживаниях, а она просто ждала момента, когда это все прекратится. Ждала, что тогда она получит сполна за свое терпение, ожидание, стремления. И вот что в итоге — ничего!

Размазывая слезы по щекам, Оля пошла за Димой.

— Ты не можешь так просто уехать! — решительно заявила девушка, стоя на пороге спальни и глядя на одевающегося мужчину. — Не можешь бросить меня! Мы с тобой — пара! Почти семья! Нельзя так просто перечеркнуть то, что есть между нами. То, что я с таким трудом построила, создала!

Она почти кричала, а он был абсолютно спокоен, когда поднял на нее взгляд.

— Вот именно — ты, — тихо произнес Дима. — Не мы, а только ты.

Он знал, то не должен вот так запросто уезжать сейчас. Понимал, что нужно поговорить, все выяснить и обсудить. Но не сейчас. Сейчас Женя в нем нуждается гораздо больше, чем кто бы то ни был еще. А с Ольгой он поговорит потом, о чем он ей и сказал, выходя из квартиры.

— Я вернусь, и мы все обсудим.

— Да нечего уже будет обсуждать! Нечего! — сорвалась на крик и плач девушка, цепляясь за стену, чтобы устоять на подкашивающихся ногах.

Дима только губы поджал и торопливо сбежал по ступенькам вниз. Он знал, как это все выглядит, как мерзко и ужасно. Но не думал сейчас об этом. Другие вопросы тревожили его гораздо больше. Что с Женей? Как она? Почему оказалась в совершенно другом городе, в паре сотен километров от дома? Как она жила все это время? Почему не связалась с ним, когда узнала, что беременна? Почему не позвонила хотя бы?!

Этими и еще сотней других вопросов Дима терзал себя, пока ехал в соседний регион остаток ночи. Он гнал на пределе допустимой скорости, боялся опоздать и горел желанием как можно скорее увидеть и поговорить с Женей. Но приехал лишь к утру. Быстро сориентировался в городе, нашел больницу, нужный корпус и отделение. В голове до сих пор не помещала мысль о том, что Женя сейчас рождает. Возможно, уже родила. Его ребенка! Это его сын или дочка! Его малютка! Их!!! И такая эйфории, такой восторг поднялся в сердце и в душе от одной только мысли об этом, что невольно на губах расцвела невероятная для него в

последнее время счастливая улыбка. Глаза засветились так, как никогда в последние полгода. Все внутри бурлило от восторга и воодушевления. Мигом вернулись все стремления и мечты, заскользил перед глазами целый список планов и дел. Было такое ощущение, что он резко очнулся от коматозного сна, и даже голова начала болеть от того, как резко ее заполонили мысли и чувства. А он ведь не спал всю ночь: сначала вечер с Ольгой, потом дорога. Он устал немного, но был так счастлив, что готов был закрыть глаза на любое неудобство.

В родильном отделении он с трудом добился ответов на свои вопросы, и только через час ему сказали то, что он хотел услышать.

— Девушка поступила к нам поздно вечером. Судя по всему, она просто прогуливалась вечером, ей стало плохо, и она потеряла сознание. Прохожие вызвали скорую и ее привезли сюда. При ней был только телефон, а в нем всего пара контактов. Вы первый, кто откликнулся, — объяснял врач, принявший Женю в отделение.

— Что с ней? Она в порядке сейчас?

— У девушки начались преждевременные роды. Она еще только на восьмом месяце, и УЗИ показало девочку, поэтому мы рискнули и сделали кесарево. Ребенок в порядке. А вот мамочка так и не пришла в сознание до наркоза. Сейчас она спит после операции, и просыпаться ей еще рано. Вам придется подождать. Или можете пока привезти ее вещи и документы.

Дима растерялся. Он ведь не знал, где взять все это. Он не знал, где жила Женя, чтобы съездить туда и взять все необходимое. Он вообще ничего не знал о ней в последние полгода! Примерно так он и объяснил доктору. Женщина лишь спокойно кивнул: видно, уже много с чем сталкивалась и такая ситуация не была чем-то выдающимся.

— Тогда ждите, когда она проснется. Спросите что и как, а дальше...

Мужчина кивнул и попросил проводить его к палате. Не решился спрашивать о том, где его дочка, да и вообще не сказал, что ребенок его. Вот тут бы врач точно удивился: отец ребенка, а ничего о нем не знает и о его матери также. Врач оставила его у нужной палаты и попросила зайти к ней, как только он все привезет. Он лишь кивнул, не отрывая взгляда от белой двери.

Там, за этой тонкой преградой, была Женя. Его Женя. Любимая, нежная и милая. Та, по которой он так токовал и скучал. Та, которая забрала с собой его сердце, уйдя в тот день. Та, кого он не переставал любить и ждать вопреки разумным доводам и рассуждениям. Только сейчас он понял это: он не начинал жить, потому что все еще ждал ее.

Перед этой самой дверью Дима простоял минут так пять точно. Пара медработников, прошедших мимо, покосились на него, но промолчали. Усмехнувшись собственной нерешительности, Дима все же коснулся ручки двери и мягко открыл ее.

В комнате стояла тишина. Палата была одноместной и светлой. Медицинская кровать стояла у окна, за которым начинался рассвет, освещающая комнату мягким, розовым сиянием. Взгляд мужчины сразу же приковался к тонкой фигуре на постели. Темные волосы разбросаны на подушке, тонкие руки, в одной из которых капельница, лежат поверх одеяла. Личико повернуто на бок, а глаза закрыты. Дима тихонько подходил к кровати, не отрывая взгляда от этого лица, замечая все изменения в нем. Никогда еще он не видел Женю такой осунувшейся, такой худой и изможденной. Сквозь истончившуюся кожу были видны голубые вены, щеки впали, под глазами залегли тени. Губы были потрескавшимися и сухими. Было страшно даже касаться ее. И поэтому Дима только и решился, что едва тронуть костяшками

пальцев обтянутой кожей скулы, да взять в свою руку тонкую холодную ладонь, согревая ее своим дыханием.

Мужчина не знал, сколько так просидел у постели спящей Жени, продолжая смотреть на нее неотрывно и держать за руку. И все это время он думал и думал. Предполагал и строил догадки, задавал себе вопросы и пытался на них отвечать. Многие так и оставались без ответов, потому как дать их могла только Женья. А вообще Дима старался не углубляться в рассуждения. Лучше он подождет, когда проснется Женья, поговорит с ней и все выяснит. А подумать можно и потом.

К своему стыду Дима поймал себя на мысли, что почти не думает о дочке. Не предполагает, какая она, на кого похожа. Вообще не представляет себе ее. Но тут все было вполне естественно: ведь ему нужно привыкнуть к мысли об отцовстве. Он лишь пару часов как узнал об этом, само собой он мало что понял и воспринял в этом плане. Инстинкты его тоже спали, да и желания в отношении малютки. Но это не напрягало Диму, поскольку он знал, что как только до него дойдет все, как только он успокоится, все это придет. Он уже любит свою дочку, просто не понимает этого. Ведь это его малышка, это частичка его любимой женщины и его самого! Ведь это Женья дала ей жизнь!

Но что все-таки стало понятно Диме сразу, так это то, что его жизнь в какой-то мере станет прежней. Что он вернется к тому, от чего бежал все это время. Что Женья будет с ним, а еще и ребенок. Что он заберет ее домой. Что больше не отпустит никогда и ни при каких условиях. Что больше никакая усталость и безнадежность не толкнут его опустить руки и сдаться.

Мелькали вопросы о том, как живет сейчас Женья, в частности: принимает ли наркотики. Ведь наверняка именно они стали проблемой с ее беременностью. Ведь это не норма — рожать на восьмом месяце. Уж лучше на седьмом. Благо, что у них была девочка, а не мальчик. Насколько он знал, в таких ситуациях выживают именно девочки.

Что будет в их жизни, если в плане зависимости с Женей все осталось по-прежнему? Ведь теперь у них есть малыш? Неужели это никак не поменяет мировоззрение девушки? Или уже поменяло? Только она сама может рассказать об этом.

А ребенок? Здорова ли их дочка? Как на ней отразится проблема матери с наркотиками? Ведь не может не отразиться. Организм Жени отравлен, само собой, что то же самое и с малюткой. Было страшно об этом думать, но необходимо — Дима это понимал. Он должен быть готов ко всему абсолютно. Да и потом, разве он уже не решил, что заберет их обеих домой, не смотря ни на что? Никакие трудности не заставят его отказаться от самых близких ему человечков. Он примет все проблемы и передряги, абсолютно все.

Ближе к обеду зашел врач и осмотрел спящую Женю.

— Она так долго не просыпается, — заметил Дима.

— Это нормально. Она очень слаба, измождена. Видимо, беременность была трудной.

— Она... употребляла наркотики, — честно сказал мужчина, не желая это скрывать.

— Да, мы уже поняли это по анализам ее крови. Но это было уже давно. И все же повлияло на ее состояние.

— Как давно? — тут же спросил Дима, уцепившись за эту мысль.

— Сами понимаете, что наркотики оставляют след в крови надолго, и точных сроков я назвать не могу. Но больше полугода. Возможно, как раз когда узнала о ребенке. Очень часто это служит стимулом завязать, — ободряюще улыбнулась женщина.

Значит, все это время, что Жени не было рядом, она не употребляла? Но почему же

тогда ушла?! Почему сбежала?! Он-то думал, что она снова сорвалась, побежала в притон за дозой. Неужели она ушла просто так, без причины? Да не может этого быть!

— Скажите, а как на ребенка это все повлияло?

— К счастью, малыш абсолютно здоров, без каких-либо патологий и проблем. Это редкий случай в такой ситуации. Весь вред, что наркотики нанесли им обоим, взяла на себя мамочка. Именно поэтому ее организм такой, каким мы его видите сейчас, — с сожалением указывая на спящую девушку, ответила женщина. — Кесарево было с осложнениями, ей долго придется восстанавливаться.

— Для этого нужно что-то особенное? Клиника? Санаторий?

— Нет, просто хороший уход и забота. Не нагружаться, не напрягаться, хорошо питаться в первую очередь. Она молодая — легко придет в норму.

— Когда она очнется хоть приблизительно?

— Через пару часов, — глянув на часы, ответила доктор и вышла из палаты.

Дима снова перевел взгляд на Женю, по-прежнему безмятежно сопящую, и мягко улыбнулся. В его улыбке было что-то от облегчения и удовлетворения по поводу того, что он услышал.

Значит, Женя не принимала наркотики все это время. Значит, смогла себя перебороть. Но что это — очередная ремиссия? Или же последняя, окончательная? Как бы он хотел на это надеяться!

Отстраненно поглаживая руку девушки, Дима смотрел в окно, думая и думая. В голове была тысяча мыслей на самые разные темы: отпроситься с работы или взять отпуск; сделать ремонт в пустующей комнате в доме, оборудовать там детскую для малышки; позвонить матери и сообщить о том, где он и что делает, с кем сейчас, что она стала бабушкой. А еще была Ольга.

При мысли о ней, он нахмурился и задумался. Это, пожалуй, будет самым трудным, с чем ему придется разобраться в ближайшее время. Мужчина двояко ощущал себя в этом вопросе: ощущал свою вину, и одновременно облегчение. За последнее было немного стыдно. Все-таки Ольга ему помогала, поддерживала, он дал ей надежду на совместное будущее, хоть и не обещал ничего. У них был роман, вполне серьезный и разумный. Они уже не смогут вернуться к прежним, дружеским отношениям. А еще она очень сильно обижена сейчас на него за то, что он бросил ее посреди ночи и помчался к Жене. Он бы даже не осудил ее, прокричи она ему сейчас в лицо о своей ненависти. Что ж, он заслужил. Он был не открыт с ней, не откровенен и не расположен. Он лишь пытался с ее помощью прийти в норму. И так спокойно перечеркнул ее старания, ее чувства к себе, растоптал их и уничтожил. Но поступить как-то иначе он не мог. Женя снова ворвалась в его жизнь после тяжелого длительного перерыва, так измучившего его. И только сейчас он наверно убедился на сто процентов, что не вышло бы у него с Ольгой ничего. Он бы и через десять лет кинулся к Жене, позвони ему кто среди ночи от ее имени.

Тяжело вздохнув от предстоящих перспектив тяжелого разговора с любовницей, Дима оторвал взгляд от пейзажа за окном и посмотрел на Женю. Глаза девушки были открыты, и она уже наверно пару минут как проснулась. Смотрела на него немного удивленно, мягко, нежно и расслабленно. Чуть сжала его пальцы. Он пожал их в ответ, мягко улыбаясь Жене.

— Привет.

— Привет.

Глава 13

Первым, что увидела Женя проснувшись, был Дима. В первую минуту ей показалось, что она еще спит, что видит его в своём сне. Но вот он повернул к ней свое лицо, мягко сжал ее руку и тихо сказал "привет". Автоматически она ответила ему, потом обвела взглядом комнату, в которой находилась, сразу понимая, где оказалась. В тот же миг обе ее руки легли на плоский живот, а глаза испуганно распахнулись. В ней мгновенно вспыхнула паника, она заозиралась по сторонам, страх сдавил горло, и она даже не могла ничего сказать или спросить.

— Тише-тише. Все в порядке, — мягко удерживая ее в кровати за плечи, протянул Дима. — Ты в больнице, все хорошо.

— Что с моим ребенком?! Что случилось?! — с ужасом глядя на него и больно сжав его руку, воскликнула Женя.

— Все хорошо. Не переживай, ребенок в порядке. Тебе сделали кесарево, малышка цела и невредима.

С нервным всхлипом девушка поддалась его рукам и легла обратно. Ее успокоили эти слова — с ее девочкой все хорошо. Остальное могло подождать, остальное было неважно.

Женя успокоилась только через несколько минут: перестала дрожать и нервно теревить одеяло и кусать губы. Прикрыв глаза на пару минут, она снова их распахнула и повернула голову к Диме.

— Что ты здесь делаешь? — тихо спросила она.

— Мне позвонили, когда ты попала в больницу. При тебе был только телефон, а в нем мой номер. И вот я здесь, — вздохнул Дима, внимательно глядя ей в глаза.

Не хотелось сейчас говорить о серьезном, когда Женя еще так слаба, но он не смог удержаться от вопроса, мучившего его все это время:

— Почему ты не сказала мне? — тихо, вкрадчиво спросил мужчина.

— Я не знала, что жду ребенка, когда... уходила. А когда узнала, мне казалось, что это уже не имеет смысла. Что мы оба сделали свой выбор, и малыш не должен был стать помехой этому.

— Как ты могла подумать, что я посчитаю своего ребенка помехой? — стараясь не говорить резко и укоризненно, возразил Дима.

— Слушай, я сделал свой выбор. Осознанно и ясно, — тихо начала говорить девушка, отворачивая от него лицо и снова кусая губы. — Тебе незачем здесь быть. Спасибо, что приехал, но не стоило.

Дима удивленно смотрел на волнующуюся Женю и не мог поверить тому, что слышал. Он был поражён до глубины души и не понимал того, что и зачем говорит Женя. Она не рада его видеть? Она не скучала? Не ждала? Она его прогоняет сейчас?!

— Почему ты ушла? — задал он следующий вопрос, надеясь, что он даст ответы.

— Какое это сейчас имеет значение? — тихо прошептала Женя.

— Большое. И всегда имело, — поворачивая к себе ее личико, тихо прошептал Дима.

— Я... не хочу об этом говорить. Не хочу вспоминать. А ты уезжай.

Женя говорила со слезами в голосе и на глазах. Она пыталась не показать того, как рада его видеть, как счастлива, что он здесь рядом с ней. Это только все усложнило бы. Ей и без того нелегко, и она не хочет раздирать еще Свежие раны. Она правду сказала — они оба сделали свой выбор: она, когда ушла, а он, когда не пошел следом. И как бы ни было радостно, что Дима приехал по первому зову, лучше бы он этого не делал, не обнадеживал ее в том плане, что у нее есть еще шанс реабилитироваться в его глазах.

— Я не могу уехать, — нежно улыбнулся ей мужчина, снова беря ее за руку и касаясь тонких пальцев губами. — Не хочу уезжать. Без тебя и своей дочери. Вы обе поедите со мной. Домой. Я не оставлю вас.

Женя кусала губы и смотрела на него, боясь верить в то, что слышит, и чувствуя, как сильно колотится сердце в груди, разрываясь от радости и счастья.

— Мы начнем все сначала. Заново. С чистого листа. Забудет обо всем. Не будем говорить о тяжелом, о том времени, когда мы были друг без друга. Не сейчас и не сразу.

Дима говорил и говорил, наблюдая, как медленно оттаивает Женя, как млеет от его слов и обещаний, как смотрит на него сияющими мокрыми глазами. И он готов был говорить вечно, лишь быть с ней рядом, видеть ее такой довольной и счастливой. На время забылись все страхи и тревоги, все то время, что он страдал без нее. Сейчас, в эти минуты, сидя рядом с любимой, Дима готов был забыть о чем угодно. Не хотел вспоминать тяжелое время, трудный период в своей жизни. Зачем? Лучше он будет думать о будущем, о хорошем и счастливом будущем.

— Не плач, — попросил мужчина, вытирая слезы с личика девушки. — Ты, наверно, устала. Тебе нужно отдохнуть, поспать.

— Я хочу увидеть ребенка. Хочу посмотреть на нее.

Дима кивнул и вышел из комнаты, чтобы узнать возможно ли это. Сейчас, пожалуй, и проснулось то волнение перед встречей с дочкой, которого не было до сих пор. Даже руки задрожали от предвкушения. Он встретил медсестру и сказал о желании Жени. Девушка кивнула и сказала, что сейчас сообщит доктору о том, что пациентка очнулась. Он же вернулся в палату. Через пару минут пришел врач, и ему снова пришлось выйти, пока Женю осматривали и задавали вопросы. А потом он увидел, как в коридор из одной из комнат вышла медсестра со свертком на руках, направляясь в их сторону.

— Вот ваша девочка, — улыбнулась девушка, показывая ему крохотное личико малышки, завернутой в пеленки. — Она у вас красавица.

— Да, красавица, — расплылся в глупой улыбке Дима, не отрывая взгляда от малышки.

Темные волосики, нос кнопочкой, пухлые розовые губки, причмокивающие во сне. Она была похожа на него, очень сильно.

По телу разлилось тепло, и захотелось тут же взять на руки сверток и прижать к себе, даря свое тепло и любовь, коснуться губами лобика и вдохнуть запах.

— Можно? — нерешительно попросил мужчина, вытирая потные ладони о халат.

— Не бойтесь? — хмыкнула девушка.

— Есть немного. Вы только покажите, как держать.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Медсестра снова хмыкнула и объяснила, а потом положила в его руки ребенка. Девочка была почти невесомой для него, удобно легла в руки, и он тут же прижал ее к груди. Наклонил голову и вдохнул неповторимый запах — сладкий, молочный и неопиcуемый. Коснулся губами щечек и попытался не расплакаться от умиления, радости и восторга. Его дочка!

— Для недоношенной девочка очень хорошо выглядит и чувствует себя. У нее нормальный вес и рост. Родись она в срок — была бы крупненькой, больше четырех килограмм.

— Это хорошо? — рассеяно спросил Дима, не отрывая взгляда от личика девочки.

— Это замечательно, — улыбнулась девушка. — Вы отнесете ее матери сами?

— Да, конечно. Спасибо, — он благодарно улыбнулся няне.

— Не за что, папаша.

Он так и стоял под дверью палаты, с ребенком на руках, пока она не открылась.

— А вот и наша малютка, — улыбнулась ему доктор, открывшая дверь и пропускающая их в палату. — Наверно, с папой? — вопросительно протянула женщина, уточняя статус мужчины.

— Да, — в один голос ответила молодые люди.

— Вот и хорошо. Только не долго. Жене нужно отдыхать. А вы, молодой человек, не забудьте привезти вещи.

— Конечно.

Врач вышла из палаты, оставляя их одних. Женя смотрела на сверток в руках Димы и буквально дрожала от нетерпения и предвкушения.

— Дай мне ее, — протянула девушка к нему руки.

Он только улыбнулся, подходя к кровати и передавая ей в руки дочку. В этот момент он смотрел исключительно на Женю, ловил каждую ее эмоцию и чувство, что проскальзывали в глазах и на лице: любовь, восторг, нежность, удивление. Много чего еще. А потом Женя подняла на него свои сверкающие глаза.

— На тебя похожа.

— Да, на меня. Папина дочка, — улыбнулся Дима, пальцем проводя по пухлой щечке малышки. — Спасибо, — он поднял взгляд на Женю.

И столько всего было в его глазах, что девушка снова заплакала. Мягко улыбаясь, Дима принялся вытирать ее слезки, шепча слова успокоения. Через время Женя успокоилась, снова возвращая взгляд девочке.

— У меня нет молока, и я не смогу ее кормить сама, — с сожалением, разочарованием протянула молодая мама.

— Не думай об этом, это все мелочи, пустяки. Главное, что она здорова, абсолютно.

— Да, мне сказали, что это почти чудо, учитывая мое здоровье, — с горечью, кивнула Женя. — Я так боялась, что погубила ее.

— Все обошлось. Вы обе в порядке. Тебе лишь нужно время, чтобы восстановиться. А потом мы вернемся домой.

Женя закусила губу и вскинула на него нерешительный взгляд.

— Ты, правда, этого хочешь? — тихо прошептала девушка.

— Правда, — не став углубляться в слова и уверения, просто ответил Дима, показывая все своими глазами.

Через час пришла няня и забрала малышку. Женя уже клевала носом и хотела спать, судя по всему.

— Врач сказал, чтобы я привез тебе вещи и документы, — произнес Дима. — Скажи мне адрес, где ты жила, я все привезу.

Женя назвала и сказала взять ключи в пальто, в котором она была вчера.

— Сумка для больницы стоит в шкафу в спальне, а документы в тумбочке у кровати, — уже почти засыпая, объяснила Женя.

А когда Дима выходил из палаты, она уже спала.

Съемная квартира Жени находилась на выезде из города. Однокомнатная, маленькая, но чистая и даже уютная. Жениных вещей здесь почти не было: все свои прежние она оставила у него, когда уходила, а новых было немного. Дима задался вопросом, как жила все это

время девушка, на какие средства. Судя по всему, это она сама продала свою квартиру в родном городе. Прежде он подозревал, что ее имущество могли просто отобрать какие-нибудь ушлые дилеры. Но с ними Женя, похоже, не контактировала, после того как ушла. Что ж, теперь он хотя бы мог не гадать и не волноваться о том, как пришлось Жене одной.

Присев на диван, мужчина дал себе минутку, чтобы расслабиться. Прикрыл глаза и откинул голову назад. Как все это время жила Женя? Так же тяжело, как и он? Так же страдала? Что с ней случилось за все это время? И хочет ли он это знать? Наверно, все же хочет. А может и нет: они начинают все заново, стоит ли нести в их новую жизнь плохие воспоминания и негативные эмоции? Лично он с радостью забыл бы то время, что провел без Жени. В нем не было ничего хорошего: ни событий, ни радостных моментов, ни чего-либо хоть сколько то положительного. Даже Ольгу он не мог назвать значимым событием в своей жизни. Вот он для нее стал им, а она так и осталась подругой, с которой уже и дружить он не сможет. Да и не захочет после их неудачного романа, закончившегося так резко и неожиданно. Ведь еще ему предстоит поговорить с ней, ясно высказать свои пожелания, ясно дать понять, что и как. Она обидится, будет расстроена, а еще наверняка попытается его облагородить. Но он не хочет. Лучше он будет глупцом и дураком, но счастливым, чем здравомыслящим и рациональным, но пустым в плане эмоций. Да и не будет в его, в их с Женей, жизни все так, как было раньше. Она бросила наркотики, справилась со своей зависимостью, и он имел право надеяться, что благодаря дочери сможет удержаться от соблазна, если тот возникнет. Он не смог ей помочь в этом плане, но дочка то уж наверняка справится. Лично он не представлял, как ради этого миленького комочка счастья можно не свернуть горы при желании. Вот он сейчас чувствовала в себе небывалый подъем стремлений, желаний, возможностей. Даже физическая усталость уходила на второй план в связи с моральным воодушевлением. В голове сразу появилась куча идей и планов, масса желаний и требований. И это продолжало его оживлять, ведь все последние месяцы он был трупом, никак не иначе. А сейчас сердце неистово забилося, жажда к жизни проснулась. Конечно, мужчина ясно понимал, что будут еще в их жизни трудности — без этого никуда. Им заново придется привыкать друг к другу, не смотря на то, что прошло всего полгода с момента их разлуки. Придется быть более внимательными и осторожными в своих отношениях. Придется наладить новый контакт в физическом плане. Ведь все изменилось в их жизнях: окружение, события, люди рядом. И даже такой короткий срок в несколько месяцев очень много значил в отношениях между ними. И за день человек может изменить в каком-то определенном плане, что-то осознать, понять, переосмыслить.

Отложив пока в сторону размышления и найдя все необходимое, Дима вернулся в больницу. Отдал все необходимое врачу, и попросил предупредить Женю, когда она проснется, что он придет завтра утром. Он собирался поехать в гостиницу и хотя бы выспаться. А завтра, наверно, вернется домой: ему еще столько предстоит там сделать до приезда Жени. Было жаль бросать девушку и дочку, но это было необходимо. Да и придет он к ним не раз за то время, что Жене еще предстоит лежать в больнице.

А в гостинице Дима вырубился, как только голова коснулась подушки. Он даже не принял душ, не разделся до конца, и уж давно не проверял мобильник, на котором был уже не один десяток пропущенных вызовов от Ольги.

Глава 14

Женя была растеряна, сбита с толку и смущена. И скорее даже не тем, как резко Дима снова появился в ее жизни, а тем, как теперь эта самая жизнь снова делает резкий поворот.

Не то, что бы Женя уже привыкла к тому, что она не с любимым человеком, перестала скучать или тосковать по нему. Нет. И не перестанет никогда. Она любит его — как может быть иначе? Но ведь она так долго уверяла саму себя в том, что сделала правильно, когда ушла, оставила этого мужчину. Когда дала ему шанс начать все сначала без нее. Все это время день изо дня она напоминала себе, хватая в руки телефон, что все правильно и так как должно быть, и откладывала его в сторону. Нестерпимо хотелось позвонить Диме, попросить его забрать ее, вернуть домой. Но она не смела. Это решение — уйти от него — далось ей так тяжело, что просто пустить все насмарку она не имеет права. Не проходило и дня, что девушка не задумывалась над тем, а правильно ли она сделала. И каждый раз уверял, что да. И сейчас, когда Дима так внезапно ворвался в ее жизнь, она уже и не знала — рада или огорчена.

В первый момент, как она его увидела, услышала его слова и обещания, в душе расцвела радость, счастье почти безграничное. Она почувствовала себя спокойно, уютно и защищено. Как прежде. А потом, когда он уехал, пообещав вернуться в скором времени, снова навалилось сомнение. Должна ли она возвращаться? Она хотела, да и ребенок, о котором Дима узнал, многое изменит. Ведь именно поэтому Женя не стала говорить мужчине, что он скоро станет отцом, когда только узнала сама. Хотя такой порыв у нее был первым делом, когда врач сказал ей об этом в больнице — позвонить Диме и сказать ему. Но она осадилась себя, не совершив этого поступка. Ребенок не должен был стать тем, что будет держать их отношения. Они оба сделали свой выбор, а если и хотели его обратить, то это нужно было сделать, не оглядываясь на такой факт, как наличие общего ребенка. И все именно так и случилось. И пусть и все остальное имело немаловажное значение, именно малышка стала причиной того, что Дима нашел ее, предложил забрать домой и начать все сначала. Ведь попади она в больницу просто так, даже не из-за наркотиков, он вряд ли бы так быстро приехал к ней и приехал ли вообще? Получится у них что-нибудь, когда они вернутся домой, без оглядки на ребенка? Ведь им предстоит построить свои отношения с самого фундамента. Научиться доверять друг другу, полагаться и рассчитывать. И если Женя наверняка быстро привыкнет к этому, то сможет ли вообще сделать это Дима? Правильно когда-то сказала Ольга, что просто невозможно ей доверять — она никогда не оправдывала этого доверия. Да, основной причиной этого прежде были наркотики, а их она бросила. Но это все равно навсегда останется с ней. Не будет по-другому. Она всю жизнь будет наркоманкой, независимо от того, что уже бросила это дело. Это приговор на всю жизнь. Не помешает ли это Диме уверенней относиться к ней? Если уж она сама еще никак не может отпустить свою зависимость, то сможет ли забыть о ней он? Тот, кто видел все своими глазами — ломки, притоны, невменяем ее, бешеную и дикую? Сможет ли он не оглядываться назад в этом плане?

Помимо доверия была еще и привычка. Вроде и прошло только полгода, но Женя очень сильно отвыкла от Димы. Нечто подобное было, когда он вернулся со службы. Тогда ей показалось, что пять лет это пропасть, и им потребовалось много времени, чтобы построить мост через нее. А сейчас такое чувство, что и несколько месяцев не меньшая преграда. В тот раз Диме потребовалось много времени, чтобы нормализовать их отношения, которые усугубляла и ее вредная привычка. Пришлось приручить ее к себе, к своей заботе, уверенности в том, что он рядом и больше не оставит ее. А теперь им обоим придется пройти через то же самое. Уже и ей необходимо будет участвовать в этом процессе. А еще будет их малышка, которая с ног на голову перевернет привычный уклад жизни. И если

Женя к этому уже мысленно подготовилась за время беременности, построила планы и так далее, то Дима явно был обескуражен. Для него новость об отцовстве — сильное потрясение. Ему нужно привыкнуть к этой мысли. И пусть он всегда был настроен на семью, детей и все прилегающее к этому, все равно вот так неожиданно — это неожиданно. Мужчинам в этом плане труднее, так казалось Жене.

Вдобавок к этому была еще масса смущающих обстоятельств, при мысли о которых девушка терялась и не знала, что делать и как поступить. Она однозначно поедет с Димой. Во-первых, он не оставит ее одну, да и ребенка своего не бросит. Во-вторых, она и сама не меньше хочет вернуться. В-третьих, это самое желанное в ее жизни — уехать с Димой домой. Все это время, что она прожила без любимого мужчины, это было ее мечтой, навязчивой идеей, которая не имела возможности воплотиться из-за рационального мышления и развития ситуации. Но, тем не менее, это было именно так.

Кусая губы, девушка взяла с тумбочки свой мобильник, который принесла медсестра. В списке контактов было лишь два имени. Но не Диме она собиралась звонить. Поднося трубку к уху, Женя лихорадочно соображал, что же скажет, когда с той стороны ответят на звонок. Как объяснит все, что с ней сейчас происходит? А ведь она должна это сделать. Этот человек — для нее не посторонний. Он помог ей, причем очень сильно. Был рядом в трудное время, стал ей другом. Она не могла просто так взять и уехать, не сказав ни слова, не попрощавшись и объяснившись. Он будет за нее волноваться, переживать, так нельзя. Но, как и рассказала ей медсестра, что пыталась дозвониться до этого абонента, как только она попала в больницу, он был недоступен. Что было вполне объяснимо и логично. Но и по прошествии трех дней Женя так и не дозвонилась, что уже настораживало. Вдруг, что-то случилось? Что-то плохое? А если она так и не дозвонится? Как она сможет вот так просто исчезнуть?

Через несколько дней вернулся Дима. Женя была рада его видеть, но все еще неловко себя чувствовала. Да и он, судя по его виду и задумчивости, был не в своей тарелке. О чем-то напряженно размышлял, все время кусал губы, что было больше ее привычкой, хмурился время от времени. И она не могла не спросить в чем дело.

— Не обращай внимания, — ласково улыбался в ответ Дима на ее вопросы.

Она так и не добила ответа, но и не сильно давила. Сейчас это казалось лишним, даже нетактичным. Кто они друг другу, чтобы напирать, выяснять и требовать? Никто, как бы странно это ни звучало. Вот вроде они и близки очень, и многое их объединяет и сближает, но все равно такое чувство, что чужие друг другу. Что ж, этого следовало ожидать.

Дима тоже ощущал эту неловкость и объяснял ее тем же самым. Было странно не то, что общаться с Женей, но даже видеть ее! Он отвык от этого, и жалел об этом. Им обоим не хватало той легкости и прямолинейности в их отношениях. Но это еще придется восстановить. Им предстоит долгий путь к тем отношениям, что были раньше. К той близости и общности, что была частью их самих. Сейчас только сверкающие счастьем глаза и выдавали тот факт, что эти люди не чужие друг другу. А все остальное говорило об обратном. Они оба замечали изменения друг в друге. Дима стал задумчивее, хмурее, серьезней — хотя, казалось бы, куда уж больше. Но факт. Все время был на стороже, взгляд стал более замкнутым, да и весь он так и светился какой-то неприступностью. Небольшие физические изменения тоже были. Он мало и как-то что ли непривычно улыбался, будто отвык делать это. Но при этом не растерял нежности в улыбке. Лицо стало более осунувшимся, черты резче, под глазами были заметны тени, которые уже никогда не

исчезнут. Даже двигался Дима более резко, но при этом плавно, увереннее, четче, не делая лишних жестов и взмахов рук. Весь он был пропитан спокойствием, размеренностью и силой. В этом плане Жене изменения в нем нравились. Он стал еще более привлекательным, даже мужественным, глаз невозможно было оторвать от него.

А Дима замечал за Женей степенность, какое-то умиротворение и спокойствие, которые прежде были редкими гостями в ее глазах. Она буквально светила женственностью, чему наверняка поспособствовали беременность и материнство. Улыбка ее теперь всегда была с оттенком грусти и понимая чего-то неизвестного ему самому. Ушло озорство из ее взгляда, искорки сменили равномерным светом. Ему, помнившему ее совершенно другой, было странно наблюдать за ней новой. Но при этом приятно, даже больше — радостно. Было что-то в Жене, что поменялось сильно и кардинально, и это добавляло ей очарования и привлекательности.

А еще новым было видеть ее с ребенком на руках. Вот тогда Женя и вовсе не была той Женей, которой Дима знал. Менялось все: взгляд, улыбка, движение, даже дыхание становилось иным. Это было почти волшебство. Ему нравилось смотреть, как она воркует с их дочкой, как касается ее, как глядит. Не было ни капли ревности к малютке. А к самой девушке просыпались новые чувства, которые он еще и назвать не мог, а объяснить тем более.

Покидая больницу, Дима ехал в гостиницу, хотя Женя и предлагала ему оставаться в ее съемной квартире. Но гостиница была ближе, поэтому выбор был очевиден. По мере того, как Дима навещал Женю в этом городе, он забрал из ее временного жилища все вещи и вернул их домой. Так же от имени Жени договорился с хозяином квартиры об отмене аренды. Все вопросы в этом городе были решены быстро, что не мешало им в нужное время просто выйти из больницы, сесть в машину и вернуться домой. Где все было несколько сложнее.

В своем доме Дима затеял скорый ремонт по обустройству детской: нанял бригаду и тщательно следил за выполнением его пожеланий. Беспрестанно мотался по магазинам, покупая вещи для малышки. Часть списка ему дала девушка, а часть он отыскал в интернете. Может, это и было неразумно — покупать все, что там указывалось, но он предпочел не рисковать и приобретал даже мелочь. Кое-что покупал и для молодой мамы, так же по советам из интернета. На работе он взял отпуск, не желая отвлекаться от самого главного.

Отпуск взяла и Ольга. В тот день, когда Дима вернулся домой после первого посещения Жени в больнице, Ольги уже не было в городе. Она уехала к родителям в другую область. Ему даже стыдно стало за то, с каким облегчением он об этом узнал: он еще плохо представлял себе их разговор, да и оттянуть неизбежное и неприятно тоже было желание. Хотя лучше бы сразу, потому как по мере прохождения времени, в голове только все больше все путалось и нагнеталось. Недосказанность давила на него, но он не стал, к примеру, звонить и разбираться по телефону. Это было необходимо сделать при личной встрече, глядя в глаза. Раз за разом он проигрывал в голове сценарий их разговора и ни один не казался ему правильным, небидным и наименее болезненным. По-всякому выходило, что все закончится слезами, упреками и грандиозным скандалом. При мысли об этом его лицо тут же кривилось. Но и просто промолчать, не поговорить тоже не вариант. Ольга ему не чужой человек, она достойна его внимания и слов. Хотя бы их, раз больше он дать ей не в состоянии.

А еще Дима не знал, как сказать о своем романе с подругой Жене и говорить ли вообще.

Он бы не хотел, чтобы это стало для нее неприятным сюрпризом. Понятное дело, что это нельзя назвать изменой, и он знал, что Женя не воспримет это именно так. Но наверняка ее это заденет. Его бы задело. Эта мысль привела его к тому, что он задумался, как бы сам отреагировал на подобное? Ясное дело, что беременность Жени явно не предполагала ухажеров и поклонников. Но а если бы не ребенок? Был бы у его девушки какой-нибудь роман? Отношения или свидания? И как бы он это воспринял? Он бы не упрекнул, не обвинил и ничего такого, но наверняка жутко бы ревновал, терзался этими мыслями, представляя ее в объятья другого мужчины. Именно эта мысль дала ему повод не говорить Жене о собственном романе с Ольгой. Лучше он как-то обойдет это стороной. Он не хотел давать Жене повода к негативным чувствам в самом начале их новой жизни. А с Ольгой он постарается разобраться тихо и спокойно, предупредить ее приход к ним домой. Да и надеялся он на благоразумие подруги в этом плане: не в ее стиле было закатывать пафосные разборки. Не предполагал он, что она с криками заявится к нему домой и расскажет Жене правду о них назло ему и сопернице.

Но все же его жутко напрягало предстоящее общение с бывшей девушкой. Напрягало и не отпускало. Он не видел в этом какую-то угрозу или нечто похожее, но все же опасался и переживал.

Потихоньку Женя поправлялась. Организм после тяжелой беременности и родов начал приходить в норму. Она достаточно стремительно возвращала нормальный вес, избавляясь от торчащих косточек тут и там, пухлые щечки вернулись на личико. Никаких опасных последствий кесарево за собой не оставило, и врач намекнула что при желании девушка родит еще не одного малыша. И через три недели, после попадания в больницу, Женю с Дариной — так они называли дочку — выписали.

Само собой Дима приехал за своими девушками и с максимальным удобством устроил их в машине, чтобы долгая дорога не была утомительной и нудной.

— Мы не могли бы заехать ко мне на квартиру? — удивила Женя Диму своим вопросом.

— Зачем? Я вроде все забрал, — задумчиво протянул мужчина.

— Я не долго. Заскочу на минутку.

Он не понял ее мотива и причины, но сделал, о чем попросили. Дима остался в машине присмотреть за дочкой, а Женя действительно справилась всего за пару минут, и они поехали в сторону родного города.

Глава 15

Дома было непривычно, причет обоим сразу. Женя чувствовала себя скорее в гостях, неловко, некомфортно и скованно. А Дима отвык видеть ее здесь, в знакомой обстановке.

Первым делом мужчина показал Жене детскую. Девушка была в искреннем восторге, ей все понравилось.

— Именно так я себе комнату и представляла, — улыбнулась Женя Диме, укладывая малышку в кровать.

Девочка спокойно проспала всю дорогу и, видимо, собиралась продолжать это делать. Понаблюдав за ребенком пару минут, оба родителя вышли из комнаты.

— Я освободил спальню от своих вещей, располагайся там.

— А ты? — чуть неловко протянула Женя.

Ей был приятен и понятен его жест: все-таки они, пожалуй, еще не готовы к тому, чтобы сблизиться вновь так резко и интимно. До этого еще пройдет время, нужно снова привыкнуть друг к другу, поговорить.

— Я на диване в гостиной. Не волнуйся, — улыбнулся мужчина.

Ему тоже было удивительно неловко. Странная ситуация для них как для бывших любовников. Но он не хотел ее смущать, не хотел давить, не желал пугать. И был настроен на несколько другое развитие их отношений. Он не собирался торопить события, сразу же возвращая их отношения в постель. К тому же Жене еще предстоит восстанавливаться после операции. А вообще, ему казалось, что это лишь все усложнит. Они должны разобраться в себе без налета страсти. Может и казалось глупым такое поведение со стороны, но для них обоих так было пока комфортней всего, их устраивало такое положение вещей.

Неделя прошла в заботе о Дарине, неспешных неглубоких разговорах. Дима не торопился спрашивать о том, как жила все это время его девушка. Он оставил это на потом, пока наслаждаясь лишь ее близостью. Она была рядом, а разговоры подождут. Он хотел насладиться этими минута с ней без налета грусти и печали, переживаний и того подобного. Женя тоже не спрашивала как он жил без нее. Они старательно обходили эту тему стороной, говоря о чем угодно кроме последних шести месяцев. Женя лишь коротко пояснила, что в ВУЗе взяла академический отпуск, и сама продала квартиру. Насколько понял Дима из ее слов, она собиралась остаться в том городе, из которого он забрал ее недавно.

— Ты уехала туда из-за меня? Чтобы не видеться и не встречаться? — спросил тогда мужчина.

— В какой-то степени, — уклончиво ответила Женя. — Были еще причины и обстоятельства.

Дима хотел спросить какие именно, но Женя что-то пробормотала и торопливо ушла к малышке кормить ее. Он не стал возвращаться к этому разговору, но мысли по этому поводу остались.

Все это время Дима присматривался к Жене и все больше уверялся в том, что перед ним совершенно другой человек. Девушка будто остепенилась, наполнилась чем-то спокойным и умиротворенным, была абсолютно здорова в плане своей привычки. Дима не видел в ней и грамма того безумия, что всегда было в ее глазах, даже в моменты ремиссий. Сейчас ничто не указывало на то, что Женя когда-то была наркоманкой. И это изменение было ему настолько непривычно, что он даже терялся. Он привык к совершенно другой Жене: непредсказуемой, быстро меняющей свое настроение, взрывной в любом плане, как в хорошем, так и в плохом. И он не знал, как теперь себя вести с ней. Казалось, что ей уже больше и не нужна его тревога за нее, его бескомпромиссная забота и защита. Она стала в этом плане более свободной, независимой, полагающейся только на себя. И теперь он уже и не знал, посредством чего может показать свою любовь: он привык делать это только определенным образом, и по-другому просто никогда не умел. Даже роман с Ольгой не мог его научить иначе проявлять свои чувства, поскольку к ней их у него и не было. А брат пример с Оли было глупо: в этом плане она показывала свои чувства так же, как он раньше показывал их Жене. Замкнутый круг какой-то получался.

А еще Дима ловил себя на мысли, что Жене в принципе не жизненно необходимо его проявление любви. Может ему и казалось так из-за того, что они еще были далеки друг от друга. А может и нет. Будь у них физическая близость, он уловил бы какие-то намеки или изменения. Раньше он понимал это всегда: Женя льнула к нему, ластилась, напрашивалась на ласку и внимание. И это было нормой. Теперь же у них несколько другая норма и всего этого нет. А чего-то другого Дима не видел. Так и получалось, что чувствовал он себя невнятно из-за собственной неспособности любить так, как всегда мечтал: нормально,

спокойно, умеренно и плавно. Он, оказывается, не умеет так! Ему присуще все то безумство, страсть, дикость и напор в отношениях. И не в том была причина всего этого проявления, что Женя была на грани. Так любил он сам по себе, без каких-либо причин и условий. Только теперь он понял, что не переживания за Женю, не страх потерять ее рано или поздно, толкал его на то, чтобы смотреть лишь на нее, забывать о своих желаниях, думать лишь о ней, а не обо всем и всех вокруг.

Это было точно прозрение для мужчины — понять все это. И осознать, что все так и осталось на своих местах. Всегда, когда Женя не смотрела на него, он смотрел на нее. Когда она играла с дочкой, читала ей и разговаривала, он смотрел только на нее. Его взгляд всегда искал ее в комнате. Раньше к этому странному вниманию добавлялись и прикосновения: нужно держать за руку, касаться, трогать, целовать и чувствовать рядом с собой всю ее. Сейчас приходилось сдерживаться. И руки от этого чесались невероятно. А еще просыпалось вожделение. То самое — дикое, неугасаемое, тягучее и осязаемое даже в воздухе. Когда ему сносило голову от желания быть с Женей как можно ближе. Когда все тело пылало от предвкушения. Когда губы высыхали от частого поверхностного дыхания. Когда весь он был в напряжении и ожидании. Дима сам себе казался озабоченным маньяком. Прежде он не ощущал в себе такого огня, поскольку регулярно тушил его в самом начале. А тут он все сильнее загорался. И не тянуло пойти и найти себе кого-то, чтобы чуть убавить напор. Нет, он не хотел никого другого кроме Жени. Долгое ли отсутствие с ней близости, или его чувства к ней не давали ему и шанса удовлетворить свой голод на стороне. Он не посмел бы так поступить с девушкой. Снова.

Эта мысль привела к тому факту, что находясь в отношениях с Ольгой, его это никак не сдерживало. Что еще раз подтвердило его соображения, что не вышло бы у них ничего путного.

Женя ощущала напряжение, повисшее в воздухе. Сначала это была неловкость, плавно перешедшая в привыкание, некую акклиматизацию к новому образу жизни и положению вещей. Многого изменилось: они с Димой отдалились, появился их общий ребенок, они прожили друг без друга приличное время, и каждый из них в этот срок изменился. Все это было вполне нормально и естественно. Что-то осталось по-прежнему, что-то кардинально изменилось, а что-то вообще исчезло. Это было непривычно, но со временем, так думала Женя, все наладится и встанет на круги своя.

Далеко не сразу девушка заметила изменившееся к ней отношение Димы. Сначала это была прежняя, привычная забота и опека. Это было уютно и мягко. Но уже так же непривычно, поскольку Женя привыкла в какой-то степени сама о себе думать и заботиться и не нуждалась в этом от Димы в такой большой составляющей. Она бы и раньше это поняла, но он просто не давал шанса. И это казалось ей вполне естественным. Теперь же она в полной мере поняла то, о чем когда-то говорила Ольга, почувствовала разницу в буквальном смысле: Дима не должен был заботиться о ней так сильно и так рьяно. Она сама должна была научиться делать это, сама должна была понять, а выходило, что в этом смысле она была несмышленным ребенком, привыкшим рассчитывать на кого-то кроме себя. А попав в, так сказать, большой мир, она поняла всю прелесть самостоятельности, некой свободы. Это было упоительное ощущение, и сейчас она уверенно могла назвать себя глупышкой за то, что так поздно это осознала. Но что было, то было. Главное, что теперь она знает.

Вслед за тем, что поняла Женя, это понял и Дима. И...растерялся. Это было видно по его неловкости и рассеянности во взгляде. Он будто не знал, куда себя деть, куда вложить

всю свою заботу. И девушке удалось мягко перенаправить все то, что в нем всегда было на их дочку. Даже сам мужчина этого не заметил, но мгновенно успокоился, найдя новый объект для своих эмоций. Женя была рада, что ему есть куда приткнуться себя в этом случае. Не то, что бы она совсем уж не нуждалась в его заботе, ласке и внимании. Но куда меньше чем прежде. Да и вполне логично, что сейчас именно Дарина получает все это, как от нее, так и от отца. Это естественно как ничто иное.

Но только Женя успокоилась в этом плане, как постепенно стало нарастать другое ощущение. Такое горячее, такое густое и пряное, что не понять, что же это такое, было невозможно. Никогда прежде девушка не была объектом такого пристального внимания со стороны Димы. Даже самые жаркие их ночи, полные страсти и похоти, не сравнивались с тем, что повисло в воздухе. Это даже не описать, и Женя никогда бы не подумала, что такое вообще бывает, ей казалось, что лишь в книгах можно прочесть о подобном. Но вот оно: взгляды Димы, которые он бросал на нее; огонь, который пылал в них и который мужчина сам явно не видел, а потому не мог спрятать; даже давление, казалось, в комнате повышалось, когда они были рядом. Жене было неуютно от этого. И не в том плане, что она стыдилась или боялась этого. Скорее наоборот, нечто подобное было и с ней. Она всегда была темпераментной, страстной и раскрепощенной любовницей, не стыдящейся своих нужд и желаний. А Дима всегда был тем, кто ее привлекал, кого она хотела и воспринимала, как лучшего из всех, кто способен ее удовлетворить (это помимо любви, конечно!). И сейчас, когда прошло столько времени, когда она так сильно соскучилась, когда Дима стал еще привлекательней, все это проснулось в ней с новой силой. Вдали от этого мужчины с ней не было ничего подобного. Но сейчас, когда он рядом, когда так смотрит на нее — не реагировать просто невозможно. Однако ей лучше удавалось держать себя в руках, чем самому мужчине. По ней нельзя было сказать, что она в том же положении, что и он. Ничто не выдавало ее внутренних желаний и смятения.

А еще неожиданно стала цеплять мысль, что Дима как мужчина не мог быть все это время один. Да, он любил только ее — она все еще была в этом убеждена, как ни в чем другом — да, тосковал и скучал. Но он не мог не быть с другой. Она не спрашивала у него прямо, но и дурой не была, чтобы не догадаться. Он красивый, привлекательный мужчина, со своими такими же потребностями, которые у мужского пола априори чаще и сильнее проявляются, чем у женского. И Женя не знала, хочет ли она получить этому подтверждение или нет. Хочет ли увидеть ту или тех, с кем был близок ее мужчина. Хочет ли знать это наверняка или лучше продолжить себя отстранять от этого. Она не знала. Вроде и не было сильной ревности, но и совсем уж не злиться она не могла. И дров в костер ее ревности стало добавлять не то что бы странное, но загадочное поведение Димы. Он часто кому-то звонил и не дозванивался, злясь от этого и волнуясь. Ловя в этот момент взгляд Жени, его собственный делался виноватым и смущенным. Когда же его телефон звонил сам, он тут же торопливо к нему подсакивал, и вдруг разочарованно поднимал трубку, будто не этого ждал абонента. Но Женя старательно гнала от себя эти мысли и размышления. Она не хотела знать и думать. Лучше она будет в неведении.

Дима понимал, что палится. Но он все еще пытался дозвониться Ольге, чтобы она не сделала этого первой. Или хуже того — заявила на порог его дома с претензиями и скандалом. Да, он все еще был уверен в ее благоразумии, но мало ли.... Бывшая подруга все так же игнорировала его звонки и мейлы, в город она тоже не возвращалась: он периодически появлялся в ее квартире, от которой у него были свои ключи. Ничто не

указывало на то, что Оля готова к разговору. Но она ведь должна понимать, что его не избежать. Что они должны поговорить и все выяснить, поставить все точки. А значит рано или поздно, но она вернется. И он просто пытался это возвращение предупредить. Он уже с твердой уверенностью решил ничего не говорить Жене о своем романе с Ольгой. Пусть это останется для нее неизвестностью. Он не знал, что его толкает на утаивание такого факта: смущение, стыд или что еще.

Женя, взволнованно глядя на Дарину, беспокойно спящую у себя в кроватке, раз за разом набирала Диму, пытаясь до него дозвониться. Ну почему именно сейчас он так неожиданно и резко исчез? В любое другое время она бы и не обратила на это внимания, но не сейчас, когда у дочки поднялась температура. Ничего серьезного, но она посчитала нужным съездить к врачу: малышка еще мала, никакие лекарства ей еще нельзя или она их просто не знает, поэтому консультация необходимо. А Дима уехал и выключил телефон. Она не могла на него злиться или обижаться, у него наверняка были серьезные причины так поступить. Он и без того взял отпуск на работе, был все время рядом, чтобы она была спокойна.

Делать было нечего и Жене пришлось вызвать такси. Быстро собрав малышку, девушка поехала в больницу. Педиатр быстро успокоила молодую мамочку, и написал ей список лекарств, которые девушка еще не знала, дала свой номер телефона и попросила звонить в случае чего. А когда Женя с малышкой выходили из больницы, у девочки уже и температуры не было. Погода была замечательной, и она решила немного погулять с Дариной в городе, не спеша возвращаться домой. Все-таки там было скучно, как ни крути. А здесь были люди, была своя атмосфера жизни.

С малюткой на руках Женя отправилась в парк. Там было еще несколько мам с детками, с которыми она перекинулась парой понимающих улыбок, ничего не значащих, а просто солидарных. Был выходной день, и на площадке для детей была куча ребятни, которые катались по железным горкам, еще влажным и холодным в апреле. Прогуливались парочки, выбравшиеся на свидание и старики, уставшие всю зиму сидеть дома.

Присев на скамейку, Женя чмокнула спящую Дарину в лобик и без всякой мысли стала крутить головой, рассматривая прохожих. Она часто вот так сидела в парке, когда была беременна. Смотрела на людей, пыталась угадать характер каждого по его голосу, движениям или еще чему, просто представляла себе, как живет тот или иной человек. Это помогало отвлекаться ей от собственных мыслей и собственной жизни, оставленной за спиной. Сейчас же это имело несколько другое значение, но было почти так же увлекательно.

Взгляд Жени скользил из одной стороны в другую, то и дело вылавливая что-либо интересное для себя. Легкая улыбка была на губах девушки, а взгляд скорее задумчивый, чем любопытный. Она уже собиралась вставать и уходить, чтобы не застудить дочку, как резко распахнула глаза и замерла от неожиданности. Там, чуть впереди, по соседней тропинке за голыми кустами клумб шел Дима. С Ольгой.

Женя несколько расслабилась, не поняв своей тревоги, кольнувшей сердце. И попыталась тут же от нее избавиться. Она задумчиво прикусила губу, думая стоит ли подойти к ним или же нет. Она не думала, что сильно помешает, но что-то ее останавливало. Возможно, Оля. После того памятного и не слишком-то приятного разговора с подругой уже не хотелось к ней подходить. Ольга наверняка снова окинет ее злым презрительным взглядом, мол — явилась опять портить жизнь Диме. Да и не видела она смысла просто

подойти и сказать 'привет', ведь кроме этого и не нужно было ничего. Да и мешать их разговору она не хотела. Поэтому она собиралась проигнорировать их пару, будто и не видела.

Поднимаясь с лавочки и бережно прижимая к себе дочку, Женя краем глаза заметила, что Дима и Оля остановились. Мужчина что-то тихо говорил, глядя в сторону, а Ольга слушала, опустив голову и явно находясь в далеко не радужном настроении. Они были достаточно близко, чтобы Женя заметила грусть в глазах Оли, и какое-то раздражение и равнодушие в Диминых. Между ними явно все было не гладко. Никак снова поругались из-за нее, Жени. Девушка только вздохнула при этой мысли: вот что еще могла думать Ольга о ней, когда действительно именно она была причиной их конфликтов и разногласий? Только то, что она мешает ему жить нормально.

Какая-то мысль, проскользнув в ее сознании и так и не зацепившись за него, заставила Женю начать размышлять и строить логическую цепочку, еще не понятную ей самой. Но все размышления мигом вылетели из головы, когда она увидела, как Дима наклоняется к Ольге и целует ее.

С каким-то оцепенением Женя смотрела на это, ничего не соображая и не понимая. Она видела лишь руку мужчины, лежащую на затылке девушки и прижимающую ее голову к себе. Видела ладони Оли, стискивающие пальто мужчины на плечах, и ее губы, раскрывающиеся под напором его языка.

И эта картина вмиг дала ответы на вопросы, о которых Женя в принципе не собиралась размышлять. Теперь ясно, что не один Дима был все то время, что ее не было рядом. Что именно Ольга заняла ее место. Даже стали понятны мысли этой девушки, когда она говорила все те ужасы и резкости в ее адрес. Вот оно в чем дело: та была влюблена в Диму, а она, Женя, только мешалась ей. И соперница быстро нашла нужную точку, чтобы надавить на нее, подтолкнуть к нужному ей решению.

Растерянность и удивление Жени быстро слетели с нее, сменившись злостью. Но не на Диму. Вот уж на кого, а на него она не имела права злиться. Она сама ушла, сама дала ему зеленый свет, понимала, что все вполне логично и естественно. Цеплял лишь вопрос о том, что же она сейчас увидела. Дима продолжит роман с Ольгой? Судя по горячему поцелую — да. Но а она? Как ей понимать его взгляды в собственную сторону? Как понять его обещания и слова о том, чтобы начать все заново? У них есть дочь, они живут в одном доме: он же не собирается иметь две семьи?! Это будет нечестно по отношению ко всем: к Оле, к Жене, к Дарине, да и к себе самому. Или может она увидела не то, о чем подумала? Но что еще можно подумать при виде такой сцены?!

Женя разозлилась на Ольгу. За ее поступок, за ее подлость и поведение. Она ведь доверяла этой девушке, хорошо к ней относилась, всегда ее ценила и была рада за Диму, что у него есть такой друг. А тут выходит, что все это было обманом, игрой, в которой она стала лишней по велению Ольги. И выкинутой по ее же прихоти.

Но что сейчас думать об этом? Что было, то было, уже не изменишь прошлого. Да и смысл? Какими бы горестными и тяжелыми ни были последние месяцы, они пошли ей на пользу. Да и Диме, наверно, тоже. Вопрос в том, что делать сейчас? Как вести себя после увиденного? Что думать и как поступать? Как воспринимать теперь ее жизнь с любимым человеком? Она не сможет существовать с ним, зная, что между ними есть другая женщина. Она готова была закрыть глаза на его роман с ней, да на что угодно, но не наличие этого сейчас, когда она вернулась. Она ведь приехала домой не для того, чтобы через время снова

уехать. А чтобы остаться здесь навсегда. Так хотел Дима, так хотела она. И что теперь? Это изменилось? Или это так и было — зыбко — с самого начала, а она просто не знала этого? Так Дима и предполагал жить? На два лагеря? Да нет! Этого просто не может быть! Не мой Дима даже подумать о подобном! И как же его взгляды на нее? Его любовь в глазах, обращенных к ней? Она ведь все это видит, понимает, принимает и отдает то же самое взамен. Это как описать?

Женя хотела бы спросить обо всем у самого Димы. Хотела бы четко знать ответы. Но не решилась. Лучше она подождет и посмотрит, станет ли все на свои места. Может, она действительно все неверно поняла? Только в какую сторону? В ту, что сейчас увидела или же в свою?

Глава 16

Ольга позвонила сама. Сказала, что вернулась в город, и готова с ним встретиться. Они сухо обговорили место и время и прервали разговор. Дима вздохнул с облегчением от того, что все, наконец-то он разберется с этим вопросом. И тут же нахмурился при мысли о предстоящем объяснении. Оно не обещает быть легким. Ему необходимо быть предельно тактичным, осторожным и аккуратным в своих словах и выражениях, чтобы не обидеть Ольгу еще и ими. Он бы не хотел с ней расстаться резко и грубо. При мысли об этом — расставании — в душе ничего не екнуло и не дрогнуло. Он прекрасно понимал, что завтра потеряет не только девушку, но и подругу и даже помощницу на работе. Будет просто невозможно продолжать вместе работу, и Дима полагал, что Ольга это понимает. Он даст ей лучшую рекомендацию и с облегчением подпишет заявление 'по собственному'.

На следующий день он отправился на встречу еще более хмурым, но решительным. Он был твердо намерен не поддаваться на уговоры, соблазны или споры. Готов был отстаивать свое счастье с Женей, поскольку подозревал, что Ольга заведет эту тему. Начнет напоминать о прошлом, о своих сбывшихся предупреждениях и все в этом духе. Он бы хотел обойтись без этого, но понимал, что как влюбленная женщина Оля не сможет не затронуть эту тему и не сделать попытки обернуть все в свою сторону.

Встретиться с подругой Дима договорился в одном их кафе. Он не хотел ехать к Оле домой, наоборот — выбранным местом встречи дать понять, что разговор будет коротким и неглубоким. Он не собирался ничего объяснять девушке, не собирался доказывать или оправдываться. Он лишь хотел извиниться и попросить ее больше не появляться в его жизни. Возможно, это и было слишком грубо и даже жестоко по отношению к ней взамен на ее заботу, внимание и любовь. Но мужчина действительно собирался начать свою жизнь заново, с Женей, без каких-либо оглядок на прошлое в лице Ольги.

Девушка уже ждала его в кафе, попивая кофе. На первый взгляд, она показалась Диме спокойной, равнодушной и безмятежной. Но стоило посмотреть в ее глаза, как это впечатление тут же рассеялось. Внешне ничего не выдавало поганое состояние Оли: она была красива, мила, и не походила на страдающую женщину, в том смысле, который мы обычно вкладываем в эти слова — слезы, сопли и так далее. Но взгляд был грустным, затравленным и умоляющим.

Тяжело вздохнув и не скрывая досады, Дима подошел к столику и сел напротив Оли.

— Привет, — сказали они одновременно.

Подошла официантка, и мужчина заказал чай.

— Я долго пытался тебе дозвониться, — сразу перешел к делу Дима.

— Я увидела, — скривилась Оля, снова поворачиваясь к окну. — Я не была готова к

разговору.

— Зачем ты сбежала?

— Я не хотела этого разговора. И сейчас не хочу, — честно ответила девушка, грустно улыбаясь.

— Ты же понимаешь, что... — начал, вздохнув, мужчина.

— Да, я все прекрасно понимаю. Но мне хотелось еще хоть немного продлить ту иллюзию счастья, что я построила вокруг себя.

— Извини меня, я не хотел, чтобы так получилось, — мягко произнес Дима, глядя ей в глаза.

— Не появись Женя, ты однажды все равно бы произнес эти слова, так ведь?

— Скорее всего, — не мог не признать он.

— Все это время я обманывала себя, — с горечью улыбнулась Оля. — Мечтала, строила планы, а ты никогда не вникал в это. Тебе просто было комфортно со мной, удобно. Я отвлекала тебя от твоих переживаний хоть немного. И только.

— Я знаю, что это нельзя простить, но все же прошу у тебя прощения. Я не смог себя перебороть и не смогу этого никогда. Женя — единственная женщина, в которой я нуждаюсь и которую люблю. Ты была мне хорошим другом, прекрасной опорой. Но не больше.

— Так было всегда, верно? Ты даже не думал о том, чтобы изменить это?

— Думал. Но у меня не получалось, не выходило. Я честно пытался начать все заново. Делал вид, убеждая в первую очередь себя самого, что все налаживается, что рано или поздно все нормализуется. Но я обманывал себя, а ты мне в этом помогала.

— Я лишь хотела, чтобы ты был счастлив. Хотела сделать тебя счастливым.

— У тебя не вышло, — покачал головой Дима. — Ты не думай, что я виню тебя за это. Тут причина только во мне.

— Скажи, за все время, что мы были вместе, ты хоть раз почувствовал ко мне что-то кроме благодарности за поддержку? Что-то кроме равнодушия?

Дима мог бы ответить моментально и сразу — нет. Но не стал, сделал вид, что задумался. Не для того, чтобы обнадежить Ольгу, а чтобы не обидеть ее сверх меры. Она так сейчас на него смотрела, что язык не поворачивался ответить резко: умоляюще, просяще, тоскливо и обижено. Ему было не по себе от этого взгляда, в какой-то мере он даже чувствовал вину, за то, что не оправдал надежд подруги. Но ведь он не обещал ничего. А она так надеялась.

— Мне было хорошо с тобой. В том плане, что ты меня понимала, не давила и ничего не требовала. Но боюсь, что только благодарность во мне и жила. Прости.

Оля прикрыла глаза и кивнула, сжимая губы.

— Не появись Женя в нашей жизни, ты дал бы мне шанс? Не смотря на то, что не любишь и ничего не чувствуешь?

— Вероятно, — честно ответил Дима. — Мы бы поженились когда-нибудь. Возможно, даже завели бы детей.

С последним он чуть слукавил, но посчитал это необходимым.

— Но ты не полюбил бы меня никогда, — добавила девушка, горько усмехаясь и глядя ему в глаза.

— Нет, — согласно кивнул мужчина.

— И ребенка тебе родила Женя.

— Девочку, — впервые улыбаясь, произнес Дима.

Ольга только губы прикусила, глядя, как мгновенно меняется выражение его лица при упоминании о ребенке, против которого он был ярко настроен, стоило ей только предложить подобное. Она помнила, как он разозлился, когда она заговорила на эту тему. И не сомневалась, что их малыш не был бы причиной такого счастья, которое сейчас осветило лицо любимого человека. Ей самой так и не удалось сделать Диму хоть сколько то таким, каким она видела его в эту минуту. С ней он был мертвым, холодным и отстраненным.

— Как вы ее назвали? — пересиливая себя, спросила Оля.

Этим вопросом она хотела еще потянуть время, полюбоваться на такого Диму, запомнить его счастливым и довольным. И побыть с ним подольше. Она могла говорить даже о Жене, лишь бы он не ушел прямо сейчас, когда они все выяснили между собой. Ольга могла бы затронуть тему о том, чтобы он еще подумал, не делал ли скоропалительных решений, осмыслил, как следует, стоит ли возвращаться к прежней жизни с Женей. Могла бы напомнить ему о том, как он жил тогда. Но не стала. Не видела смысла унижаться, просить и переубеждать, когда итог не изменился бы. Да, она любила этого мужчину безмерно. Но устала сражаться с тенью Жени, когда этой девушки еще не было между ними, и тем более не собиралась делать этого сейчас, когда тень превратилась в реального человека. Лучше она насладится этими минутами с Димой, а потом уйдет.

— Дарина. Мы назвали ее Дариной. Она похожа на меня, — задумчиво глядя в окно и улыбаясь, говорил мужчина.

Он не смотрел на девушку, на ее реакцию на свои слова. Он был сейчас целиком и полностью рядом с той, о ком говорил. Мигом выкинул из головы все свои переживания насчет разрыва с Ольгой. Забыл о том, что стоило бы поубавить оживление на лице и радость, чтобы не делать ей еще больней. Но не мог себя контролировать, думая о дочке.

— Прогуляешься со мной? Я хочу послушать о твоей дочери, — выдавила из себя улыбку Ольга.

Дима задумался на миг, но кивнул. Ему еще нужно было кое о чем поговорить с девушкой, и он не стал отказываться. Расплатившись за кофе, они вышли на улицу, и пошли в сторону парка.

На мгновение у обоих возникло ощущение, что не было в их жизни последних месяцев. Что не было у них романа, что она были просто друзьями — настолько легко и даже непринужденно они разговаривали пару минут. С трудом, но Ольге даже удавалось держать лицо и улыбаться, когда любимый мужчина с энтузиазмом рассказывал о своем ребенке от другой женщины. И Ольга поняла, что тогдашний его грубый отказ от ее предложения иметь детей имел лишь одну причину: Дима не передумал насчет большой семьи — он не хотел строить эту семью с ней. Не хотел ее детей. Это был обидно. И рассказ о дочке помогал ей представить, понять, каким замечательным отцом он был бы ее малышу, если бы не обстоятельства. Ревность, зависть и злость снова подняли свои головы в ее душе, но что с них теперь? Уже не в ее силах что-либо изменить, как она сделала однажды. Горечью и разочарование покрылись ее душа и стремления, ее мечты о счастливом будущем рядом с любимым человеком. Да, многие могли бы сказать, что жизнь не кончилась, и Ольга бы с ними согласилась. Но для нее Дима был так же ценен, как для него была ценна Женя. Она не представляет своей жизни без него в ней. Но понимает, что по-другому уже не будет. Она не останется его другом, помощником на работе. Она даже решила уехать из этого города, вернувшись в родной, чтобы как можно скорее забыть обо всем. Не хотела давать себе

возможности видеть иногда Диму, сталкиваясь на улицах, и потихоньку сходить с ума от того, что он не ее возлюбленный и даже не ее друг. Возможно, кто-то назовет такие кардинальные перемены блажью. Пусть. Но лично для Оли это было единственным, что могло бы ей помочь забыть Диму. Пусть она выглядит глупой дурочкой, безнадежно влюбленной и отвергнутой, пусть кажется женщиной, не смогшей взять себя в руки, задрать нос и жить дальше. Пусть она будет слабой и жалкой. Сейчас уже ничего не хотелось никому доказывать или пытаться оправдать себя даже в собственных глазах.

— Что ты собираешься делать? — прервал Дима размышления Оля, закончив рассказ о Дарине и заметив задумчивость подруги.

Он отвлекся на приятное и забыл о том, зачем здесь находится. Быстро вернул себе концентрацию и равнодушие.

— Уехать, — повесив голову, честно ответила Оля.

— Да, так будет лучше всего, — глядя в сторону, проговорил Дима, чувствуя, как внутри разливается облегчение.

Он все еще не хотел, чтобы Женя узнала о его отношениях с Ольгой, а если та уедет — исчезнет даже малейший шанс на то, что правда выйдет наружу. Нет, Дима не собирался таить факт своего романа с подругой по гроб жизни. Но сейчас было не самое лучшее время, чтобы признаваться в подобном. Нет, он не стыдился своего поведения, не считал его чем-то ужасным, но накалять не хотел. Когда-нибудь он расскажет обо всем Жене, но тогда, когда будет твердо уверен в том, что она не придаст этому значения. Сейчас же ему казалось, что это послужит не лучшим фактором в их заново строящихся отношениях.

— Ты боишься, что я расскажу Жене о нас? — хмыкнула грустно Ольга.

Да, измени это что-то, она возможно бы и рассказала об этом: подлость в угоду любви и ревности не была для нее нова. Но никакие слова и поступки не вернут ей любимого человека. Она лишь омрачит то мизерное хорошее, что связывало их.

— Я не хочу, чтобы она узнала об этом от кого-то кроме меня. И не сейчас тем более, — честно ответил мужчина.

— Тебе не кажется, что начинать отношения с обмана неправильно?

Дима невольно улыбнулся тому, каким тоном произнесла подруга эти слова. Так она раньше давала ему советы и комментировала что-то: легко, разумно, уравновешенно и вдумчиво. Так они общались прежде: он что-то говорил, она что-то отвечала — без скрытого смысла, лишних чувств и эмоций, без налета грусти, тоски и разочарования. Это время с Олей Дима всегда будет вспоминать с улыбкой, всегда будет благодарен судьбе за такую подругу, какой была эта девушка. Но лишь за это и не больше. Все остальное было лишним, как оказалось.

— Я разберусь, — слабо улыбнулся Дима.

В этой улыбке и тоне его голоса Ольга увидела то же, то только что увидел он в ее вопросе. Она тоже слабо улыбнулась ему в ответ. Сейчас был самый лучший момент, чтобы мягко повернуться и уйти, не говоря ни слова. Разойтись в разные стороны и закончить все это на хорошей ноте с легкой, пусть и грустной, улыбкой на губах. Она Оля хотел еще кое-что напоследок.

— Поцелуй меня, — тихо попросила девушка. — Пожалуйста.

Диме было почти стыдно от того, как умоляюще и даже жалко выглядела Ольга. Это он сделал ее такой. Из сильной, независимой женщины превратил вот в это — разбитое и разочарованное нечто. И он был не вправе отказать ей в этой просьбе. Оставить ее любви к

нему вкус поцелуя на губах. Он наклонился к ее лицу и прижался губами к ее рту. Рука скользнула в волосы, а язык в маленький ротик. Он подарил ей настоящий поцелуй, глубокий и страстный, пусть и не чувствовал при этом сам абсолютно ничего. Он целовал Олю и не ощущал ни грамма желания, ни грамма эмоций. Ничего. Он уже не хотел Ольгу, как еще не так давно, не желал ее тела. Она была ему не нужна.

Мягко и плавно он оторвался от ее губ, поглаживая пальцами по мокрой щеке. Глаза девушки были закрыты, а губы сжались.

— Прощай, — тихо прошептал Дима, касаясь губами ее лба и торопливо разворачиваясь и уходя от нее, не оборачиваясь и не оглядываясь.

Дима вернулся домой хмурым, но одновременно довольным. Он мягко улыбнулся Жене и ласково поприветствовал дочку у нее на руках. Женя старалась не смотреть на него слишком внимательно и пристально, не выискивать в нем чего-то, что говорило бы о том, что она увидела в парке. Но его странное довольство не давало ей покоя. Можно было даже сказать, что Дима удовлетворен, спокоен и доволен. Чем это интересно? Ей пришла в голову только одна мысль. Тут же все внутри вспыхнуло от ревности и злости, но она не выдала этого ни взглядом, ни словом, ни жестом.

Вернулась тоска, не посещающая ее с того момента, как она увидела Диму у своей постели в больнице, очнувшись после операции. Быстро пришло и понимание, что она не имеет права как-то укорять или винить мужчину за его связь с другой женщиной. Он ничем ей не обязан, так же как и она ему.

Женя разрывалась от противоречий. И побеждали те, что толкали ее на отдаление от любимого человека. Она снова почувствовала неуверенность и вину, снова ощутила себя крайней. Ведь кто кроме нее само виноват в том, как все складывается сейчас? Никто. Поэтому ей самой с этим и разбираться.

А еще был страх, что Дима передумает. Мало ли что он о ней думает: может все еще сомневается, может, не верит и не доверяет целиком. Вдруг это приведет к тому, что он откажется от своих слов?

Все это доводило девушку до крайностей. Вот как она может сомневаться в словах и обещаниях Димы?! Как может не верить в его чувства к ней, когда он так смотрит на нее?! Когда так горят его глаза?!

Дима заметил, как Женя снова стала загоняться. Едва появившаяся между ними легкость снова сменилась отстраненностью и задумчивостью девушки, ее уходом в себя и свои мысли. А еще ее странными взглядами в его сторону — забытыми и неуверенными. Она стала избегать его, что вообще было странно. Практически не смотрела на него, а если и делала это, то в ее глазах была смесь чувств и эмоций, которую он не мог разгадать прямо. На вопрос в чем дело, девушка лишь что-то пробормотала невнятное.

Вся эта ситуация напомнила ему тот момент, когда Женя ушла от него. Она пусть и не была сейчас настолько странной, но все же что-то было не так. Какая-то неуверенность поселилась в ней.

Желая отвлечь девушку от раздумий, дать ей еще раз понять, что не о чем переживать и волноваться, Дима пригласил в гости свою мать. Женщина уже давно рвалась приехать к нему и познакомиться с внучкой. Ее голос по телефону был полон восторга от предстоящей встречи с малышкой и самой Женей. Но когда Дима только узнал о ребенка, мама как раз уехала к родственникам в другой конец страны, а вернулась лишь неделю назад. Но ему все еще казалось, что не стоит торопиться. Пожилая женщина не настаивала, довольствуясь

лишь фотографиями Дарины. Но как только Дима позвонил ей и сказал, что скоро заберет ее из дома — собралась в один миг. Жене он не стал ничего говорить. Та начала бы волноваться от предстоящей встречи. Отношения между его девушкой и его матерью всегда были самыми хорошими и добрыми, даже доверительными. Можно даже было смело сказать, что Светлана Федоровна заменила ей в каком-то смысле родную мать. Она всегда была добра к Жене, всегда заботилась о ней. Но от этого Женю только сильнее мучил стыд за свое поведение и поступки. Так было всегда, и вряд ли изменилось.

Женя была удивлена и сбита с толку, когда, сидя в гостиной и читая пособие для молодых матерей, услышала два голоса из прихожей. Она тут же встала на ноги, чтобы пойти посмотреть, кто там пришел, но не успела даже выйти из комнаты, как оказалась в крепких, мягких объятьях матери Димы.

— Ох, Женечка, детка! Я так рада тебя видеть! — со слезами на глазах воскликнула женщина, беря в нежные руки ее лицо и разглядывая его.

— Я тоже рада Вас видеть, — выдавила из себя девушка, пытаясь тоже не заплакать, но получалось так себе.

Она снова оказалась в добрых и радостных объятьях и обняла следом так же, как обнимала бы свою родную маму. Сквозь слезы посмотрела поверх плеча женщины и увидела нежную и довольную улыбку на губах Димы. Благодарно ему улыбнулась и кивнула едва заметно. Мужчина в ответ только прикрыл глаза, принимая ее благодарность. Он стоял на пороге комнаты, опираясь плечом о дверь, и смотрел на своих женщин, ощущая их радость в самом себе. Он правильно сделал, что привез маму к Жене. Что, как ни этот жест, должно успокоить девушку?

И это действительно успокоило Женю. Она мигом выбросила из головы все свои сомнения и терзания, и решила просто поговорить чуть позже с Димой на тему того, чему свидетелем стала. Хватит в их жизни недоговоренностей. Лучше сразу и прямо все выяснить, чтобы не было проблем и напряжения.

— Ну же, покажите мне мою внучку! — сверкая от нетерпения глазами, попросила пожилая женщина, разорвав наконец свои объятья. — Я так хочу ее увидеть! Дима мне только фотографии показывал.

— Пойдемте, — улыбнулась Женя, вытирая слезы, и повела гостью в детскую.

Дима не пошел следом, чтобы не мешать им. Пусть поговорят, потискаются с малышкой. Женя всегда без проблем общалась со своей почти свекровью, и он сомневался, что это изменится.

Мужчина пошел в детскую только лишь спустя пару часов, решив присоединиться к дамам, чтобы не скучать в одиночестве. Дарина уже проснулась и рассматривала свою бабушку, лежа у нее на руках. А та умилялась и снова тихонько плакала, что-то бормоча малышке. Женя сидела тут же рядом на полу, глядя на них с улыбкой. Повернулась в его сторону, улыбаясь уже ему и похлопала рядом с собой по полу, приглашая присоединиться.

— О, Димочка, сходи, пожалуйста, за моей сумкой. Я привезла там кое-что.

Он забрал из прихожей сумку матери и вернулся в детскую. Женщина передала ребенка девушке и полезла в свой многоместительный ридикюль, доставая оттуда пакет.

— У меня не было возможности вручить его тебе раньше, — протягивая пакет Жене, произнесла женщина, — но я не сомневалась, что рано или поздно все равно сделаю это.

Дима сел рядом с девушкой и забрал у нее Дарину. Женя приняла пакет и стала его разворачивать. Внутри оказался традиционный свитер, который Светлана Федоровна обычно

дарила ей и сыну на новый год. Дима свой уже получил, а вот она только сейчас.

Мужчина тут же вспомнил момент, что Ольга такого не получила. Неужели мама всегда знала, что Женя вернется? Верила в это? Надеялась? Кто его знает. Но этот подарок заставил его улыбнуться тоже, а не только Женю.

— Я связала его еще осенью, — улыбаясь Жене, ответила на немой вопрос в ее глаза пожилая женщина.

— Но ведь меня же не было, — растеряно произнесла девушка, прижимая подарок к груди.

— Я знала, что ты вернешься, — нежно улыбнулась женщина, мягко касаясь рукой щеки Жени и поглаживая ее. — Вы не можете друг без друга. Поэтому это был лишь вопрос времени.

Женя с Димой переглянулись и улыбнулись друг другу, а женщина понимающе смотрела на них, не скрывая счастья в глазах.

— Вам суждено быть вместе. Вы можете еще сотню раз разбежаться, но всегда соединитесь вновь. Не смотря ни на что.

Жене было невероятно приятно слышать эти слова, одобрение в них и радость. Эта женщина не держала на нее зла, не сердилась, не презирала. Она любила ее, оберегала и ценила, и одно это снова заставило ее заплакать.

— Ну что ты, детка, прекрати, — вытирая ее слезы, улыбнулась женщина. — Это все — наша жизнь. В ней всегда есть место ошибкам, урокам и бедам. Главное все вовремя исправить. Вы оба это сделали. Все наладится. У вас есть ваша замечательная дочь, есть вы сами друг у друга. Остальное неважно, — махнула рукой Светлана Федоровна.

Она прижала плачущую Женю к своему плечу, поглаживая ее по голове, и улыбнулась своему сыну, воркующему с дочкой. Ей нравилось то, что она видела. Ее мальчик был счастлив и доволен, рядом с ним была Женя, которую она любила, не смотря ни на что как собственную дочь, коей ее и считала всегда.

— Вы молодцы, — тихо прошептала женщина, когда Женя чуть успокоилась, а Дарина на руках у отца уснула вновь. — Ты, Женя, потому что нашла в себе силы справиться со своими проблемами, тревогами. Что сумела спасти себя и нашу малютку. А ты, Дима, что не погряз в той безнадежности, что была в тебе, что справился с ожиданием и тоской. Я знала, что рано или поздно все вернется на круги своя. И даже твой роман с Ольгой меня не переубедил в обратном. Она хорошая девочка, но не для тебя.

Дима вскинул взгляд от лица дочки на Женю, испуганный и виноватый, и встретил не удивленный и даже понимающий Женин. Она смотрела на него с грустью и только, без шока, без осуждения. Будто знала. Но откуда?!

Женщина даже не заметила, как они смотрят друг на друга, забирая из рук сына внучку и укладывая ее в кроватку. А молодые люди сидели на полу и смотрели друг на друга, пока Женя не опустила голову. Мужчина был в смятении и сбит с толк. Не так он планировал рассказать любимой девушке правду. И зачем мама только вспомнила об Ольге!

— Я, наверно, поеду домой. А вы отдыхайте, — заговорила тихо Светлана Федоровна и попросил сына отвезти ее.

Дима только кивнул, выходя вслед за ней из детской. Женя тоже вышла проводить женщину, тепло с ней попрощалась и попросила приезжать почаще. И, не взглянув на Диму, вернулась в дом.

Отвозя мать и возвращаясь домой, Дима все время искал подходящие слова, чтобы объяснить с Женей. Пытался мысленно построить разговор и найти оправдания. А еще задавался вопросом на тему того, почему Женя так спокойно к этому отнеслась? Неужели догадалась? Или Ольга все же рассказала ей? Не в этом ли была причина того, что Женя снова замкнулась в себе? Или она просто думала о чем-то подобном, догадывалась, что он не был один в то время, как ее не было рядом?

Что гадать? Он приедет и спросит о причинах такой ее реакции на слова матери. Он так же как и Женя понимал важность того, что нужно общаться, разговаривать, ничего не скрывать и не придумывать ничего лишнего. Понимал, что должен быть прямой разговор, понятный и без недосказанностей, иначе у них ничего не выйдет в плане того, чтобы наладить свою жизнь. Эта недосказанность испортила все в прошлый раз, но теперь они не имели права допустить повторения той сложной ситуации. Они оба оценили и учли произошедшее, вынесли каждый свой урок, приняли ошибки и готовы были их справлять. А еще была Дарина, ради которой они просто обязаны быть благоразумными. Теперь она — главная причина, чтобы забыть о собственных неудобствах и проблемах. Точнее не забыть, а научиться решать их правильно и быстро.

Дима зашел в дом и прислушался, но не услышал возни Жени. Заглянул в детскую, Дарина спала как ангелочек. Тогда он чуть приоткрыл дверь спальни и заглянул внутрь.

— Можно? — тихо спросил Дима, застыв на пороге и глядя на сидящую на кровати Женю.

— Конечно,ходи, — вымучено, как показалось ему, улыбнулась девушка и сразу опустила взгляд.

Дима заметил, что она нервничает.

— Я хотел поговорить, — садясь рядом с ней, произнес мужчина. — Об Ольге.

Женя только кивнула, так и не посмотрев на нее.

— Ты не удивилась, когда мама...

— Я видела вас с Ольгой. В парке пару дней назад, — тихо прошептала Женя, как всегда стискивая пальцы и выдавая тем самым свое волнение и переживания.

Дима тут же досадливо поморщился, понимая, что именно увидела девушка. И понял, что ее подавленное настроение и странные, присматривающиеся взгляды следствие того, что она видела и подумала. Он не судил ее за опрометчивый вывод. Что еще она могла подумать? И в какой-то степени была права насчет этого.

— Я расстался с Ольгой. Это было наше прощание, — прекращая ее стискивание пальцев своей рукой, мягко произнес Дима, и она тут же вскинула на него внимательный взгляд.

Мужчина переплел их ладони и крепко сжал ее в своей руке. Он так редко в последнее время находил повод прикоснуться к Жене, что сейчас это было невероятно приятно.

— У нас с ней был роман, но он закончился в тот же день, как я приехал к тебе в больницу.

— Не надо оправдываться, — слабо улыбнулась Женя, вновь опуская взгляд. — Я ушла, и ты был вправе делать, что пожелаешь.

— Я не оправдываюсь. Я просто хочу, чтобы ты поняла, — мягко хватая ее за подбородок и заставляя посмотреть на себя, ответил Дима. — Ольга не заметила тебя в моем сердце. И никто никогда не заменит. Она лишь закрывала ту дыру, что оставила ты своим уходом. Я не любил ее, и ничуть не жалею, что так все вышло. Она просто в нужный момент

оказалась в нужном месте. И только. Ты мне веришь? — внимательно, тревожно глядя ей в глаза, спросил он.

Ему было важно, чтобы Женя поняла все, что он пытался донести до нее. Чтобы поняла его мотивы и поступки, чтобы не придавала им хоть какой-то значимости. Чтобы не осталось недосказанности и налета обиды.

Она смотрела на него внимательно, долго и пристально, читала в его глазах правду и потихоньку расслаблялась.

— Я люблю только тебя, — тихо прошептал Дима, лаская ее личико пальцами.

Он впервые произнес эти слова, после возвращения Жени домой. И сейчас они звучали как никогда правильно и уместно.

— И я тебя, — так же тихо ответила Женя, принякая к его груди и пряча лицо у него на плече.

Дима лишь крепче прижал к себе девушку утыкаясь носом в темные волосы и вдыхая знакомый и родной запах. Эта была их первая близость, первое объятие. И оно будто вернуло им некую уверенность, добавило расслабленности и сняло напряжение и разграничение. Стало легко от того, что теперь можно притиснуть к себе и не быть отвергнутым из-за неловкости.

Женя буквально таяла в таких любимых и родных объятиях. Как она, оказывается, скучала по ним! Вот просто по этим сильным надежным рукам, сжимающим ее плечи и поглаживающим спину. По сильной груди, в которую можно уткнуться и услышать стук чужого сердца. По приятному головокружительному запаху, идущему от тела мужчины.

Им не нужно было сейчас что-то большее, что-то интимное. Вот такая их близость — душевная — была лучше всего остального. Сейчас, по крайней мере. И не хотелось ее прерывать, не хотелось уходить и оставлять. Они так и заснули в их общей кровати поверх покрывала и не раздевшись, прижимаясь друг к другу, и ощущая спокойствие и умиротворение. И сон обоих был сладок и безмятежен, впервые за долгое время.

Дима резко открыл глаза, вырываясь из удушающего кошмара. Он весь дрожал и трусил, дышал часто и скомкано, был покрыт испариной и липким ужасом. Господи, как же давно ему не снились такие сны: тягучие, подавляющие и угнетающие. Сны, в которых он куда-то бежит, но не успевает. Кого-то ищет и не находит. Бежит за силуэтом и видит, как тот пропадает, падая в черную пропасть. Он знал, за кем бежит, кого пытается спасти. В таких снах он всегда опаздывал. И от того реальность после них была особо пугающей.

Мужчина повернул голову, чтобы взглянуть на спящую рядом Женю и тут же резко подскочил с кровати.

Ушла! Она снова ушла! Ее нет рядом! Он опять один!

С паническим ужасом Дима метался по спальне, встрепанный, растерянный и напуганный, не знающий, что делать. Его лихорадочную ходьбу прервал крик Дарины из детской, жалобный плач, взорвавший тишину и тут же умолкший.

Мужчина резко метнулся в детскую, чтобы успокоить малышку, все еще не соображая, что же ему делать дальше и в каком порядке. Он не может броситься из дома прочь, чтобы искать Женю, ведь у него на руках теперь дочка. Он не может не позаботиться сначала о ней.

Быстро пройдя по коридору, Дима резко распахнул дверь в комнату Дарины и замер на пороге. Женя оглянулась на него, удивленно оценила его внешний вид и выражение лица и, покачивая то и дело хныкающую дочку, подошла к нему.

— Что с тобой? — тихо спросила девушка, чтобы не мешать малышке засыпать. — Что-то случилось?

— Кошмар... приснился, — выдохнул мужчина, только сейчас понимая, что не дышит уже как полминуты. — Проснулся, а тебя нет рядом. Решил, что ты...

И замер на полуслове, устыдившись и смутившись своих догадок. Женя поняла его с полуслова и лишь грустно улыбнулась.

— Я не обиделась, так что не переживай. Понимаю, что все это обосновано.

Она снова зашагала по комнате, напевая тихо-тихо какую-то песенку, чтобы убаюкать дочку.

— Почему она плачет? — пытаюсь отвлечься и избавиться от волнения, спросил Дима.

— Колики наверно. Уже все в порядке, и она спит, — прошептала девушка, осторожно укладывая малышку в колыбель. — Пойдем, — мягко взяла его за руку и вывела из комнаты, тихо закрывая за ними дверь.

Они замерли в коридоре, а Женя повернулась к нему лицом.

— Испугался?

— Ты не представляешь насколько, — снова выдохнул мужчина, все еще ощущая, как сильно и беспорядочно колотится сердце. — Мне даже в голову не пришло, что ты могла пойти к ребенку. Сразу же поверил в свой кошмар.

В волнении он ворошил волосы у себя на голове и чуть виновато смотрел на нее, будто оправдываясь за свое недоверие. И смотрел при этом так пристально, будто хотел убедиться, что она — не обман его зрения, не фантазия и не иллюзия.

— Я здесь, — тихо засмеялась Женя, обхватывая его лицо ладонями.

Он тут же положил поверх ее ладоней свои и прикрыл глаза, наслаждаясь этим прикосновением, уверяясь, что всё правда еще раз. Так они и замерли посреди коридора в полутьме: Димы глубоко дышал и пытался успокоиться, а Женя смотрела на него и ласково улыбалась.

— Я скучал по тебе, — открыв глаза, произнес мужчина. — Безумно скучал.

— И я, — тихонько ответила девушка.

Он не хотел сейчас торопиться, не хотел показаться нетерпеливым и излишне настойчивым, но испуг все еще держал его. И как всегда в такие моменты ему нужно было чем-то его заменить: нежностью, расслабленностью, прикосновением. Ему нужно было увериться в безусловности того, что видят глаза. Ощутить такую близость, которая бы быстро избавила его от переживания и долгого обмусоливания ситуации. Поэтому Дима наклонился к Жене и коснулся ее губ своими. Только коснулся, ощутив их мягкость и податливость. А потом, в один миг крепко стиснул в руках тонкий стан и жадно впился в рот девушки, бескомпромиссно и требовательно, так как привык, как хотел и мечтал с тех пор, как она вернулась с ним домой. Из головы разом вылетели все сомнения, вся настороженность, все терпение и здравомыслие. Он и не думал о том, чтобы сейчас все прекратить. Что еще слишком рано, что нужно немного остудить свой пыл. Нет, он думал лишь о том, что не хочет останавливаться. Что попросту не сможет этого сделать, не сможет совладать со своим телом и желанием, так мучившим его все последнее время. Показалось даже, что начини Женя сейчас его отталкивать, он бы не отпустил все равно. Но она не отталкивала. Ее руки скользнули с его лица на шею, а ротик податливо раскрылся под его напором. Она хотела этого не меньше чем он, а уж его страсть быстро воспламенила и ее.

Она скучала по нему, хотела его, и сейчас млела и нежилась в его руках. Ни на миг не

возникло сомнения в правильности момента, что именно сейчас им обоим нужна эта близость. Ему, чтобы успокоиться, увериться в том, что она рядом, что она с ним и его. А ей, чтобы раз и навсегда отбросить сомнения в своей ненужности. Чтобы увериться в привлекательности своего тела, изменившегося после родов. Чтобы понять, что правильно понимала все взгляды, что ловила на себе в последнее время, дать им физическое осуществление.

Дима совершенно выпал из реальности, потерялся в своих желаниях и потребностях. Его губы и язык ни на миг не отрывались от губ Жени, чтобы вспомнить их вкус и сладость, чтобы раз и навсегда стереть с себя чужие поцелуи. Он не мог оторваться от нее даже чтобы отдышаться. Одна рука запуталась в ее волосах, а другая стискивала талию, не давая и шанса отодвинуться. И этой близости было ничтожно мало. Не разрывая их губ, Дима припечатал Женю к стене, обеими руками начиная поглаживать ее тело, заново узнавать его и изучать, ласкать и возбуждать. Ладони скользнули под тонкий свитер по животу и ребрам, прошли по бокам и начали поглаживать спину. Ловко щелкнули застежкой бюстгалтера и снова переползли вперед, забираясь под белье и стискивая в ладонях упругую округлую грудь, ставшую после беременности сверхчувствительной. Женя простонала ему в рот, выгибаясь в пояснице и подставляя себя под горячие ладони. Ее собственные намертво вцепились в футболку мужчины на его плечах.

Дима хотел слушать ее стоны, слышать ее голос, поэтому оторвался от влажных губ и переместился на шею, покусывая и посасывая кожу, оставляя красные следы на ней. Он мял и тискал в руках грудь Жени, пощипывал соски и играл с ними, услаждая слух всхлипами девушки, улыбаясь при этом как отпетый маньяк, добравшийся до жертвы. Взгляды обоих были затуманенными и сверкающими. Они не соображали ничего, не воспринимали окружающий мир, были сосредоточены исключительно на друг друге и расползающемся и усиливающимся жаре между ними. Оба отдавались моменту как никогда полно и откровенно.

На миг отодвинувшись от Жени, Дима стянул с нее свитер и белье, а с себя футболку, желая телом ощутить наготу любовницы. Снова жадный поцелуй и путающиеся в волосах пальцы. Девушка льнула к нему своей голой грудью, бесстыдно потираясь о его торс и стоная от этих ярких ощущений. Ее руки стискивали его шею и дергали за волосы, заставляя его самого порываться от приятных ощущений.

Мужчина оторвался от ее губ, его ладони скользнули по ее телу вниз и большими пальцами рук он зацепился за ее спортивные брюки. Резко присел, стягивая с Жени всю одежду и помог ей торопливо выпутаться из штанин. Поднял взгляд вверх, на миг встретившись им с глазами девушки, а после прикрыл их. Его руки сжали ее талию, а губами он трепетно коснулся ее животика и шрама внизу, пройдя по нему мягкими, едва уловимыми поцелуями. В этом жесте была благодарность, любовь, отсутствие всякого отвращения к ее уже не совершенному телу без малейшего изъяна. И даже в пылу желания оно не потеряло своего смысла и нежности, осторожности. Не затмилось эгоистично более насущными потребностями.

— Как же мне тебя не хватало, — лихорадочно шептал Дима, касаясь губами и руками ее кожи.

— Покажи, — хрипло тихо произнесла девушка, потянув его за волосы и заставив встать.

Дима снова прижался к ней всем телом, а губами к ее раскрытому рту. Она отвечала не

менее страстно, поглаживая ладонями его торс и царапая ногтями живот, а потом ее ручка ловко скрылась под поясом его брюк и бельем. Они одновременно застонали от этих ощущений, но очень быстро он прекратил ее умелую ласку.

— Не надо, — хрипло попросил мужчина, покусывая ее губки и удерживая руку за запястье. — Иначе...

Женя понятливо закивала головой и углубила поцелуй. А он в ответ поднял ее руку, что удерживал, и пришил ее к стене над ее головой. Потом вторую, удерживая их одной своей. Вторая вскользь прошла по ее шее, груди, животу и скользнула за спину, на ягодицы, сжала одну, а потом снова оказалась между ними. Девушка с тихим стоном, проглоченным его губами, раздвинула ножки, позволяя его пальцам скользнуть в свое тело.

— Мокрая, — удовлетворенно протянул Дима, глядя на запрокинутое лицо Жени.

Глаза были томно прикрыты, дыхание частое-частое, губы подрагивают под касанием языка, то и дело скользившего по алым створкам, щеки румяные, а кожа покрыта испариной. Он жадно следил за эмоциями на красивом лице, буквально впитывая в себя то, что видит. Он так соскучился по Жене, по такой Жене: возбужденной, горячей, раскрепощенной и стонущей. Так давно не получал от женского удовольствия удовлетворения для себя самого. Никогда Ольга не вызывала в нем таких чувств во время близости. Никогда. Только Жене было это под силу. Только она одна была для него такой желанной, такой прекрасной и притягательной. Он слушал ее стоны, смотрел на напряженное личико и не мог оторвать взгляд. Сам он со стороны смотрелся почти безумно: сверкающие, горящие похотью глаза, в которых смешивались жажда, удовольствие, восторг и восхищение. Собственное тело уже мало поддавалось контролю, но он не хотел спешить, не хотел торопиться, желал в полной мере насладиться каждой минутой, не упустить ни мгновения. Его пальцы мягко скользили внутрь-наружу во влажном лоне девушки, потом чуть выше, вырывая из ее горла уже крик. И снова внутрь. Глубоко и нежно лаская именно там, где слаще всего. Судорогой сводило все в паху от желания немедленно заменить пальцы своей плотью. И еще дольше он сдерживаться уже не мог.

Не сводя взгляда с лица Жени, Дима быстро расстегнул свои брюки и приспустил их вместе с бельем лишь настолько, чтобы высвободить свою плоть. Следом его рука скользнула по бедру девушки к колену и подняла его вверх к себе на талию. Стараясь не спешить, не навредить и не сделать больно, мужчина начал входить во влажное лоно. Он двигался еле-еле, стискивая зубы и приказывая себе не торопиться. Его взгляд не отрывался от выражения лица партнерши, чтобы при малейшем ее неудобстве остановиться. Хотя он мало представлял себе, как сможет сейчас все прекратить, если будет нужно: ведь Женя наверняка еще до конца не восстановилась, и одно лишнее движение может обернуться для нее как минимум дискомфортом.

— Ну же, — выдохнула Женя ему в губы, подаваясь навстречу.

— Я не хочу делать тебе больно, — хрипло прошептал Дима.

— Не сделаешь. Хочу, — впиваясь в его губы настойчиво и сильно и снова подавая бедра к нему навстречу, выстонала девушка.

С сокрушающими все его самообладание стонами Жени и ее желанием он уже не мог бороться. Плаваясь от ощущений и накала страсти, мужчина скользнул внутрь приветливого тела на всю длину, замирая лишь на секунду перед тем, как начать двигаться. Он хотел быть дать ей привыкнуть к себе, но уже не мог контролировать собственное тело. Единственное, на что его хватало — не двигаться слишком резко и грубо. А как хотелось бы с силой

вколачиваться в это соблазнительно тело! Как хотелось бы вырывать крики из горла смесью боли и удовольствия! Сейчас как никогда хотелось быть первобытным дикарем. Он так соскучился по всему этому: яркости, дикости, силе и неумной энергии, бурлящей в крови, по нежной грубости и властности. Но нельзя. Для этого еще будет время. А сейчас он счастлив уже от того, что Женя снова его, принадлежит ему и душой и телом, отдается ему с любовью и нежностью.

Отпустив руки девушки, Дима и второй рукой подхватил ее под бедра, отрывая ее ступни от пола и удерживая на весу. Женя обвила руками его шею, запрокинула голову и прикрыла в неге глаза, глядя на него из-под полуопущенных ресниц. Их губы находились в паре сантиметров друг от друга, опалая дыханием и жаром. Мужчина двигался медленно и плавно, сходя с ума от тесноты и влаги внутри женского тела. А девушка ощущала, как медленно, но верно нарастает ее оргазм — мягкий, легкий и до безумия приятный. Не было в ее теле дикого взрыва, не было сильных судорог и громких криков. Только тихий стон на двоих, когда Дима довел ее до грани. Он остановился на мгновение, наблюдая за тем, как по ее лицу расплывается удовлетворение. И это было не менее прекрасно, чем если бы она сейчас выгибалась и стонала во все горло, стискивала его плечи и царапала кожу в ярком экстазе. Такие вот моменты были редкими в их жизни, но не менее прекрасными и дорогими.

Сам мужчина хотел бы большего, хотел бы сильней. Все тело было в напряжении собственной развязки, долгожданной и быстрой. Ему хватило еще пары движений, и с тихим шипением он кончил, едва выйдя из пульсирующего лона. Женя благодарно вздохнула и крепче прижалась к нему. А Дима обнимал ее крепко-крепко, восстанавливая сбившееся дыхание и избавляясь от пелены на глазах.

— Все в порядке? — тихо прошептал мужчина, заглядывая ей в глаза.

— Все хорошо, — мягко улыбнулась ему девушка, едва касаясь губами его губ.

Он не стал ставить ее на ноги, а на руках унес в ванну комнату, где под душем смыл с их тел следы близости и испарину. Потом так же на руках, отнес в спальню, крепко прижал к себе и без сновидений провалился в сон.

Глава 18

Дима проснулся очень рано, задолго до рассвета и пробуждения Жени. Едва касаясь темных волос девушки, разбросанных по его подушке, он смотрел на родное личико и не мог насмотреться, налюбоваться и отвести взгляда. Он был спокоен, умиротворен, счастлив и невыразимо оптимистичен по поводу ближайшего будущего. Его, их жизнь наладилась: у них с Женей была здоровенькая сильная дочка, сама девушка раз и навсегда покончила со своей зависимостью и страхами, он обрел то, о чем всегда мечтал и чего хотел. И сейчас мужчине казалось, что большего и желать нельзя. И от этого в душе был такой покой, такая эйфория, что, казалось, он может сейчас взлететь. Ничто не висело над ним Дамокловым мечом, ничто не угрожало покою и миру в его доме. Разве не это есть счастье?

Женя заворочалась в его руках и раскрыла сонный глаза.

— Почему не спишь? — пробормотала девушка, ныряя к нему под руку и ложа головку на грудь.

Рукой она обвила его плечо, а ножку закинула на талию, согнув в колене. Дима лишь улыбнулся тому, что за Женей так и осталась эта привычка — переплетаться с его телом именно так.

— Думаю, — честно ответил Дима, поглаживая ее по руке.

— О чем? — поморщившись и зевнув, Женя подняла на него лицо, опираясь подбородком на его грудь.

— О нас. О тебе, — улыбнулся ей в темноту мужчина, и хоть этого почти не было видно, но в голосе слышно определенно. — Ты счастлива? — тихо спрашивает он.

Первые лучи рассвета осветили слегка удивленное лицо девушки.

— Почему ты спрашиваешь?

— Хочу быть уверен, что не я один. Что ты тоже довольна тем, что есть в твоей жизни.

— У меня есть ты и Дарина. Мне больше ничего не нужно, — честно отвечает Женя чуть улыбаясь ему. — Я не хочу никуда уходить, не хочу ничего менять в своем мире. Мне хорошо.

— Скажи, — серьезно глядя на нее, начал Дима, — почему ты ушла от меня? Почему бросила? Дело ведь было не только в наркотиках, я прав?

Она смотрела на него, а глаза невольно стали грустными, при воспоминании о том времени, которое упомянул мужчина. Те чувства, что тогда давили на нее, пугали и пугали, снова легким флером пропихивались по душе. Они, наверно, навсегда оставят в ней осадок. Всегда будут преследовать, давя на неуверенность в себе и своей жизни. Другое дело, что как раньше она уже не поддастся им. Она будет бороться, она будет справляться не смотря ни на что. Больше ее терзания не доведут их до тех страданий, что выпали на их долю.

— Не только, — тихо произнесла Женя. — Я шла, чтобы не мешать тебе жить. Жить нормально, без оглядки на мою зависимость и проблемы. Жить по-настоящему, а не ожидая каждый день подвоха. Жить так, как ты всегда хотел.

— Я всегда хотел тебя, — возразил Дима, касаясь ее личика.

— Я знаю, — грустно усмехнулась девушка. — Вопрос в том, как именно ты это делал. Без ограничений. Без рассудительности и нужной нотки эгоизма. Ты не видел ничего и никого кроме меня. Так не должно быть, — покачала головой Женя. — Ты не должен был так отдаваться нашим отношениям, ничего не прося взамен. Ты всего себя до капли отдавал мне, не оставляя ничего для себя.

— Ты говоришь как Ольга, — хмыкнул Дима.

— Знаю. Она на все это открыла мне глаза.

— Что?!

— Да. Она отчитала меня, обвинила в эгоизме и безрассудстве, в том, что я ничего не вижу и не хочу видеть.

— Когда это было? — хмуро спросил мужчина, начиная многое понимать.

— Когда мы ездили вместе в командировку. Ты ушел за билетами, а мы остались вдвоем. Тогда она мне все и высказала. Это сейчас я понимаю, что не ради тебя она это делала, а ради себя самой. Но тогда мне казалось, что она права в каждом слове и упреке. Что все верно и не подвергается сомнению. Что она как друг понимает тебя лучше, тогда как мне, влюбленной и зависимой от тебя даже в мелочах, было трудно разглядеть все это. Не могу сказать, что все сказанное ею было правильно. Во многом она была слишком резка и категорична. Но кое-что все же было правильно.

— Хочешь сказать, что не будь того вашего с ней разговора, и ты бы не ушла?

— Вряд ли, — согласилась Женя. — Ведь я уже была беременна, а значит, до меня дошло бы то же самое, что дошло, когда я узнала об этом. Просто это было бы рядом с тобой, с твоей поддержкой. Но ты не вини Ольгу. Согласись, что наше с тобой расставание тоже в какой-то степени было благотворным, — слабо улыбнулась девушка, пытаясь успокоить

недовольного и даже злого мужчину.

Да, Дима злился и негодовал. Как Ольга могла так поступить с ним в первую очередь? Неужели ее любовь настолько безумная, что она готова была пожертвовать его счастьем ради своего? Лично он всегда действовал наоборот. Всегда отдавал, а не отнимал. И все это время эта женщина пыталась ему помочь? Заменить его любовь собой? Обманывала его?

Сейчас Диме казалось, что будь рядом Оля в этот миг, он бы высказал ей все, что думает, не пощадил бы ни их дружбу, ни подобие отношений. Получается, что подругу он потерял еще раньше, чем думал, когда завел с ней роман? Неужели в ту ночь, когда спьяну переспал с ней? А ведь Ольга призналась, что любила его всегда, уже давно, значит, и не было этой дружбы никогда с ее стороны?

Дима совсем запутался, думая обо всем этом. Его лицо было напряженным и хмурым. И отвлекло от раздумий мягко прикосновение губ Жени к щеке.

— Не думай об этом, — тихо попросила девушка, когда он посмотрел на нее. — Сейчас мы вместе, все остальное неважно.

Он бы так не сказал. Ему был важен каждый день без Жени. Этот промежуток времени он будет помнить до конца жизни. Никогда не сможет забыть, каким он тогда был, как внутри все разъедало от тоски и бессилия. Ведь это было не просто расставание: он ведь думал, что больше никогда в жизни не увидит Женю, никогда не обнимет и не прижмет к себе. Это чувство потери буквально не давало ему жить, дышать полной грудью. Он никогда этого не забудет. И никогда не простит Ольгу за, что это, оказывается, из-за нее. Что не он не справился и не удержал, а она не дала ему этого сделать.

Мужчина с горечью усмехнулся, прикрывая глаза.

— Не злись на Олю. Она была тебе хорошим другом. Не омрачай этот факт своей злостью.

— Она никогда не была мне другом. Она всегда любила меня.

— Ты тоже ради своей любви готов был пойти на многое, — мягко возразила Женя, чуть улыбаясь. — Как и любой другой человек в мире. Пусть она поступила подло, этого уже не исправишь, а расплыться на злость — это не жизнь. Не нужно копить в себе все это.

— Ты так легко говоришь об этом, — удивленно произнес Дима, глядя на нее.

— Я не злопамятный человек. И ты тоже — вспомни только об этом, — усмехнулась девушка.

— Я все помню. И буду помнить всегда. А еще бояться повторения. Не хочу еще раз тебя потерять, — тихо, приглушенно произнес мужчина, глядя на Женю.

Она ничего на это не сказала, только крепче прижалась к нему, подарив самый сладкий поцелуй.

Женя с Димой и Светланой Федоровной сидели в гостиной, где бабушка самозабвенно сюсюкалась с внучкой. Женщина души не чаяла в своей малютке, и приезжала к ней при каждом удобном случае. Молодые люди только переглядывались между собой, слушая все, что говорила женщина девочке у себя на руках: обещала ей фантастические вещи, предсказывала будущее и много чего еще бестолкового, но безумно милого.

Для всех стал удивлением звонок в дверь.

— Вы кого-то ждете? — спросила женщина, поудобней перекладывая девочку на руках.

— Нет, — покачала головой Женя.

— Я открою, — Дима поднялся с пола и пошел в прихожую открывать дверь.

— Как ты? — спросила с улыбкой Светлана Федоровна, глядя на нее.

— Все хорошо, — улыбнулась в ответ Женя. — У нас все в порядке.

— Я спрашиваю о тебе. Ты счастлива?

— Разве может быть иначе?

— Я рада, что ты смогла справиться со своей проблемой. Вы оба прошли непростой путь, и я надеюсь, что теперь вам не выпадет в жизни ничего ужасней семейных ссор из-за того, куда отправиться в отпуск.

Женя только рассмеялась на эти слова, а женщина снова вернула свое внимание внучке. Краем глаза девушка заметила, как вернулся Дима, замерев на пороге. Она повернулась к нему с улыбкой, которая тут же растаяла под его пронизывающим тяжелым взглядом.

— В чем дело?

— К тебе гости, — произнес мужчина, отходя в сторону от двери.

Женя перевела взгляд ему за спину и неверяще распахнула глаза.

— Леша, — прошептала девушка.

На лице снова возникла улыбка, счастливая и довольная, а сама она торопливо подскочила на ноги и через миг оказалась в знакомых объятьях. А мужчина в ответ крепко прижал ее к себе, пряча лицо в темных волосах.

Дима и Светлана Федоровна непонимающе смотрели на эту картину. И если в глаза матери было только спокойное любопытство, то в его собственных куча всего: настороженность, недовольство, непонимание, удивление и ревность. Он видел, с каким лицом его Женя смотрит на этого мужчину: довольным, удивленным, но радостным. В ее эмоциях, направленных на этого человека, было столько всего, что это сбивало его с толку. Кто этот человек? Откуда они с Женей знают друг друга? Что он здесь делает и зачем приехал?

Но еще больше вопросов возникало на тему того, как этот незнакомец смотрел на Женю в ответ. Он рассматривал ее, быстро скользя по лицу и телу, будто впитывал в себя ее образ. Вглядывался в ее глаза, обхватив лицо руками. И улыбался ей так нежно и ласково, что зубы сводило.

— Как я рада тебя видеть! — воскликнула Женя, отодвинувшись от гостя и глядя на него с широкой улыбкой на лице. — Я не думала, что ты приедешь, — немного смущенно и неловко добавила она.

— Я не собирался. Но не сдержался, — улыбнулся ей мужчина, вытирая пару слезинок с ее лица.

Они так смотрелись рядом друг с другом, что наблюдающие за ними Дима и его мать сразу поняли, что их связывают хорошие и крепкие отношения.

— Женечка, — мягко произнесла Светлана Федоровна, поднявшись на ноги, — ты не представишь нам своего друга?

Девушка как-то растеряно посмотрела на нее, потом на Диму, будто и забыла об их присутствии.

— Да, конечно, — быстро опомнилась она, улыбаясь женщине и бросая робкий, смущенный взгляд на Диму. — Это Леша. Алексей. Мой друг. Это Светлана Федоровна. А это...

— Ее любимый человек, — сам представился Дима, прищурился и сложив на груди руки.

Он и не думал скрывать своей враждебности ни во взгляде, ни в тоне голоса. Смотрел вызывающе и даже предупреждающе, показывая на свою роль и место в жизни Жени.

— Любимый человек, который бросил свою беременную девушку в трудной ситуации? — хмыкнул Алексей.

Он был намерено груб и жесток, насмешлив в своем тоне и тоже не скрывал этого.

— Леша! — с укором воскликнула Женя. — Я же рассказывала тебе, как все было!

Мужчина лишь бросил на нее короткий взгляд и снова схлестнулся взором с Димой. Они так и стояли друг напротив друга, недовольно скривив лица, подозрительно и зло рассматривая соперника. Да, именно соперника. Для Димы был очевиден этот факт. Кем еще мог быть этот мужчина? Кто, как не соперник, будет так смотреть на Женю — ласково, нежно и влюбленно?

— Здравствуйте, Алексей, — протянула доброжелательно Светлана Федоровна, выступая перед своим сыном с доброй улыбкой на лице и бросив на Диму предупреждающий взгляд. — Рада с Вами познакомиться. Я мама этого грубияна, — улыбнулась женщина, качнув головой за спину.

— Очень приятно, — улыбнулся ей Алексей. — У тебя дочка, — улыбнулся он Жене, бросив на нее короткий взгляд и снова переводя его на малышку на руках бабушки.

— Да, Дарина, — ответила Женя.

Она с тревогой смотрела на Диму. Он был зол и недоволен, встревожен и хмур. А потом уже откровенно угрожающе, когда Леша попросил разрешения взять девочку на руки. Светлана Федоровна тут же передала ему малышку и бросила еще один предупреждающий взгляд на скрипящего зубами сына.

— Дима, приготовь нам всем чаю. Я же там пирожки привезла, — с намеком попросила пожилая женщина.

Дима предпочел послушаться, чтобы чуть отойти от неожиданного визита какого-то левого мужика и взять себя в руки. Он ведь уже кучу всего себе напридумывал, и отнюдь не радужного. И прекрасно понимал, что рано он сделал выводы, что нужно послушать Женю и ее объяснения, а не рубить с плеча и не нагружать себя раньше времени. Но как ему не грузиться, когда этот мужик так пялится на его Женю?!

С грохотов Дима плюхнул на плиту чайник, пытаясь успокоиться и не кипишовать слишком рано. Пытаясь остыть и не кинуться сейчас же душить незнакомца, так легко вторгшегося в их уже размеренную и легкую жизнь и явно несущего в нее новые переживания, если не проблемы.

— Успокойся, — раздался за спиной тихий голосок Жени, а ее руки прошли по его напряженной спине.

— Кто он? — резко поворачиваясь к девушке лицом, зло спросил мужчина.

— Я же сказала — друг. Просто друг, — с напором повторила Женя, прикасаясь к его лицу. — А ты уже придумал целый роман, верно?

Он только недовольно прищурился, но промолчал.

— Леша помог мне, когда я попала в больницу. Мы подружились с ним. Он был рядом, когда мне было трудно. Поддержал меня и подал руку. И только, — твердо ответила Женя, глядя ему в глаза. — Я все тебе расскажу. Но позже. А сейчас успокойся.

— Он не смотрит на тебя как друг, — проворчал Дима.

— Раньше тебя не цепляло, что мне оборачиваются вслед, — хмыкнула с ноткой веселья Женя.

— Просто... — вздохнул мужчина, привлекая ее к себе в объятия, — он так неожиданно появился, обнимать тебя кинулся, да и ты так рада его видеть. Почему ты ни разу не

помянула о нем? Почему не рассказала?

— Мы с тобой договорились не говорить о том времени, что были врозь. Что все это неважно — то, что происходило с нами тогда. И я не думала, что Леша приедет. Я ясно давала ему понять, кто ты в моей жизни, что никто тебя не заменит. Он знает это, и понимает, что не соперник тебе.

— То есть ты знаешь о его чувствах к тебе?

— Я все тебе расскажу, — повторила Женя. — Позже. Сейчас я хочу с ним пообщаться. Мы долго не виделись, я не могу просто выставить его из дома. Он мой друг. Пойми.

— Хорошо. Но от тебя я буду ждать объяснений.

— Обязательно, — мягко улыбнулась ему Женя и, чмокнув в губы, вернулась в гостиную.

Глава 19

Дима смотрел в окно, как у ворот Женя прощается с Алексеем. Был уже вечер и неожиданный гость ехал в гостиницу, где остановился. Весь день Дима не находил себе места от нетерпения услышать рассказ Жени и желания поскорее избавиться от ее друга, который вызывал в нем лишь раздражение и злость. Но девушка была рада видеть того, кто помог ей в трудной ситуации. Они много с ним разговаривали о том, чего Дима не знал. Что тоже его бесило. Но он молчал, лишь сверлил недовольным взглядом недорогого гостя. Тот отвечал ему тем же. И напряжение целый день не покидало этот дом. Сейчас, слава Богу, гость уезжал. Дима в очередной раз скрипнул зубами, когда Женя обняла Алексея и улыбнулась ему. Помахала рукой, когда отъезжала машина, и направилась к дому.

— Ты голодный? — спросила Женя, войдя на кухню. — Я могу что-нибудь приготовить.

— Нет, не голодный.

— Дарина уснула?

— Да, я ее уложил.

Женя только улыбнулась, видя откровенное нетерпение Димы.

— Хочешь поговорить прямо сейчас?

— Да. Расскажи мне, что с тобой было, когда ты ушла, и как в твоей жизни появился он.

— Хорошо, — вздохнула девушка и вышла из кухни.

Они прошли в гостиную, сели на диван, и Дима приготовился слушать. Рассказ явно не вызовет у него восторга. Не зря же они не хотели ворошить прошлое. Ведь сейчас ему придется услышать, что пережила его Женя, какие проблемы свалились ей на голову. А еще ее фраза про больницу его настораживала.

— В тот день, — начала Женя, — я ушла из дома вполне осознанно, но при этом с явной привычной целью — наркотики. Я знала, что назад пути не будет, что ты больше не найдешь меня. Понимала все это прекрасно, и не пошла к тебе. Купила дозу, и тут же приняла ее. Не знаю, что пошло не так, может, дело было в беременности, но меня почти сразу вырвало. Все тело начало бить в ознобе и ужасе...

Дилер смотрел на клиентку с бесконечным страхом и паникой. По всему было видно, что у девушки передоз. И он испугался, что она скопытится прямо у него на руках. Но остатки совести не позволили ему просто сбежать из подворотни, оставив корчившуюся девушку на земле. Он еще не так давно занимался своим делом, чтобы привыкнуть к таким картинам. Еще был слишком молод и жалостлив к людям. Возможно, только его оставшаяся где-то в душе человечность и помогла в тот момент Жене.

Парень подхватил на руки уже бессознательную Женю и понес ее подальше от того

мест, где все время торговал. Недалеко был заброшенный парк, куда он и отнес ее, положив на первую же скамейку. Глядя на смертельно белую девушку, он дрожащими пальцами водил по экрану телефона, набирая номер скорой. Как только его оповестили, что бригада уже в пути, он тут же смылся куда подальше, молясь Богу, чтобы не его вина была в том, что умирает человек. Было в его душе, не успевшей очерстветь, что-то хорошее, что толкало его в ту минуту бросить свое прибыльное дело, в котором он завяз не так уж и глубоко, чтобы без проблем прекратить его. В голове мелькало понимание того, на что он подписал, желая легких денег.

Очнулась Женя уже в больнице через пару дней, после того, как ее забрала скорая помощь. И первым кого она увидела, был мужчина. Доктор, судя по белому халату и ее медицинской карте в руках. Он не сразу заметил, что пациентка очнулась, внимательно вчитываясь в слова и переворачивая листы. Бросил мимолетный взгляд на нее, увидел, что она очнулась и тихо поздоровался.

— Привет, — чуть улыбнулся мужчина.

— Здравствуйте, — хрипло ответила Женя, пытаясь сесть.

Врач ей помог принять вертикально положение и снова посмотрел на нее. Женя краем сознания заметила его странный, любопытный и пытливый взгляд, и даже не взгляд, а разглядывание. Но не это занимало ее мысли. Она не помнила, как оказалась в больнице, о чем и спросила его.

— Что последнее Вы помните?

— Я приняла наркотик, и мне стало больно, плохо, — честно ответила девушка.

Смысл скрывать нелицеприятную правду от врача, который наверняка ее и так знает? Было стыдно говорить об этом, неловко, но она уже даже привыкла, что сейчас увидит в его глазах презрение, жалость или злость. Но мужчина лишь кивнул, в его глазах не проскользнуло ничего из того, о чем подумала Женя. Либо этот человек хорошо умел прятать свои истинные эмоции от пациентов, либо не ощущал ничего из этого вовсе.

— Женя — не против, что я обращаюсь к Вам по имени? — спросил врач. — Мы нашли при вас документы, — поясняя свою осведомленность, добавил он.

— Нет, — слабо улыбнулась девушка.

— Я — Алексей. Сюда Вас привезла скорая поздно вечером, без сознания и с признаками передозировки.

Ужасное слово.

— Но анализы этого не подтвердили. Ваш...припадок был вызван другой причиной: отторжением кокаина. Вас рвало и тошнило, верно?

— Да.

— Из-за этого в организм попало очень мало препарата, что в Вашем случае просто замечательно. Как давно Вы принимаете наркотики, и когда был последний раз? — спросил мужчина, приготовившись записывать.

— Уже три с лишним года. Последний раз был больше полугода назад.

— Вы лечитесь?

— Периодически.

— Хорошо, — кивнул Алексей, делая пометки.

— Скажите, почему случилось это самое отторжение? Вы сказали, это хорошо в моем случае. В каком?

— Вы не знаете? — удивился доктор.

— Нет.

— Вы ждете ребенка. Срок восемь недель.

Женя пораженно замерла, перестав дышать. Руки мгновенно интуитивно легли на плоский живот, и взгляд опустился туда же.

— Беременна? — едва слышно прошептала Женя, пытаясь усвоить эту мысль.

— Да. И могу предположить, что как раз из-за беременности Вам и стало плохо, что, как я уже сказал — хорошо. Вы не успели принести в свой организм токсичную для Вас и малыша дозу наркотиков. Вы должны понимать, что в Вашем положении даже минимальное количество может принести непоправимый вред.

— А сейчас все в порядке? — со страхом спросила Женя, глядя на врача широко распахнутыми напуганными глазами.

— Пока да. Но развитие только началось, трудно предположить, что будет дальше, с учетом того времени, что Вы принимаете наркотики. Они могут годами оставаться в организме и по-разному влиять на него. У Вас есть кто-то, кому можно сообщить о Вашем местонахождении? При Вас не было телефона поэтому...

Женя уже открыла было рот, но тут же закрыла его. Она сделала свой выбор, и теперь у нее нет никого. Кроме ее малыша.

— Нет. Никого нет. Я одна.

Было трудно сказать эту фразу, но факт есть факт. Она теперь одна.

Мужчина кивнул и еще раз внимательно всмотрелся в ее лицо, чуть наклонив голову.

— Что? — спросила Женя, не понимая его взгляда.

— Ничего. Простите, — пряча взгляд, тихо ответил Алексей. — А отец Вашего ребенка?

— Нет, — еще раз покачала головой девушка. — Я...одна.

Доктор задал еще несколько вопросов и вышел из палаты, сообщив о том, что в больнице ей нужно провести несколько недель, прежде чем ее выпишут, провести кое-какие анализы и много чего еще. Женя только слабо кивнула, не вникая в его слова. Все ее мысли сейчас были о неожиданной новости о скором материнстве.

Она даже не подозревала, что ждет ребенка. Ничто не показалось ей признаком беременности в ее теле. Да, ее тошнило частенько в последнее время, она быстро уставала и много спала, но это списывалось на ломку — так было почти всегда. Никаким физиологическим образом это так же не проявилось, что было не редкостью сейчас. Поэтому эта новость была громом среди ясного неба. Она обескураживала и приводила в смятение. В ее жизни и так сейчас был бардак, а ребенок еще больше собьет ее с толку.

Вслед за шоком и удивлением пришла радость, нежная и легкая. Ощущение счастья, не полного само собой, но яркого и светлого.

Женя быстро привыкла к мысли о своей беременности. Каждую свободную минутку занимали мысли о ребенке. Она разговаривала с ним, пела ему песенки.

Очень часто девушка порывалась позвонить Диме и рассказать ему, где она и что с ней происходит. Но каждый раз останавливала свои желания, здраво рассуждая и придя к окончательному решению. Она ушла и так для него будет лучше. А ребенок? Ему она обязательно будет рассказывать, какой у него замечательный отец. Не скроет, не расскажет легенду о космонавте, а когда тот подрастет, расскажет правду. Нелицеприятную, но истинную.

Женя провела в больнице три недели. За это время она очень сблизилась с Алексеем. Он проявлял к ней куда больше внимания, чем к остальным своим пациентам. Часто

приходил к ней, они много разговаривала и общались. И она продолжала ловить на себе его непонятные ей взгляды. И однажды она спросила, почему он так на нее смотрит.

— Ты похожа на одного близкого мне человека, — честно признался тогда Леша. — Очень похожа. И ваши жизненные ситуации тоже в чем-то схожи.

— И на кого же и чем?

— На мою сестру. Есть в тебе нечто неуловимое от нее. Не знаю, может внешность, может мимика, или еще что. Но ты напоминаешь мне ее очень сильно. И еще, — на мгновение Алексей замаялся и спрятал взгляд, — она тоже была наркоманкой. Она умерла год назад от передозировки.

Женя была поражена этим фактом, а еще немного испугана: ведь ее жизнь тоже на грани, как и жизнь ее малыша. Она смотрела на молодого врача и видела в его глазах грусть, тоску, страдание. Эти чувства были ей так знакомы, что нельзя было не сопереживать ему. Она стала ему горьким напоминание о потере близкого человека.

— Но я ведь не она, — мягко произнесла Женя. — И вниманием ко мне ты не восполнишь свою потерю

— Я все это знаю. Но ей я не смог помочь, а тебе смогу. Если ты, конечно, захочешь и не откажешься. Воспринимай это как мою попытку реабилитироваться в собственных глазах, — грустно улыбнулся мужчина.

Женя не стала отказываться по двум причинам. Во-первых, ей действительно нужна была помощь. В первую очередь даже в мелочах. Например, уже начались занятия в ВУЗе, и это нужно было уладить. Еще она собиралась уехать из этого города, а для этого тоже нужна была чья-то поддержка, опора и прочее. А во-вторых, она хотела дать этому человеку тот самый шанс реабилитироваться в собственных глазах. Если ему нужно это, то почему она должна отказываться?

На том и порешили. Когда пришла пора выписываться из больницы, Леша уладил вопрос о ее учебе, оформив ей академотпуск. И предложил поехать в свой город вместе с ним. Здесь в больнице в этом городе он просто замещал своего коллегу и только. Месяц подходил к концу и он собирался домой. Женя поехала с ним.

Первое время девушка жила в квартире Алексея, пока он не помог ей продать ее квартиру, оставшуюся от родителей и снять небольшую для себя здесь. Он предлагал ей оставаться у него насколько Женя захочет. Но девушка не хотела его теснить или смущать.

Где-то в ноябре Женю снова потянуло на наркотики. Но так слабо, так отдаленно, что она смогла бы справиться с этим самостоятельно. Но боялась рисковать и попросила Лешу о помощи. Мужчина отвез ее в клинику, куда пару раз привозил свою сестру. Женя пробыла там совсем недолго, быстро справившись с недомоганием. А разговоры с психологами, поддерживающими в ней убеждение, что ради ребенка она способна на все, окончательно избавили ее от зависимости. Это как отрезало, резко и безвозвратно.

Но все же наркотики отравили ее. Беременность проходила тяжело. Не для малыша, а для нее самой. Изю дня в день Женю мучил токсикоз. Начались мигрени и много других неприятных вещей. Девушка буквально таяла на глазах. Однажды она лежала на сохранении, где ее организм питали искусственно, во избежание истощения.

Леша неизменно был рядом. Поддерживал ее, помогал в мелочах. Они очень сильно сдружились, о многом рассказывали друг другу. И однажды Женя рассказала о том, каким образом сложилась ее жизнь, когда они с ним встретились в больнице. Она рассказала о Диме, об их жизни и проблемах. Поделилась с ним своими переживаниями и угрызениями

совести. Когда Леша узнал, почему в тот день Женя оказалась в больнице, назвал ее глупой дурочкой, которой не следовало уходить, опускать руки и сбегать от своего любимого человека. Но и Диме тоже достались 'добрые' слова.

Женя не помнила, в какой именно момент Леша перестал всматриваться в ее лицо, видя в ней свою сестру. Не заметила, когда конкретно его взгляд из тоскливого и грустного превратился в нежный и влюбленный. Леша ничего не говорил по этому поводу. И Женя молчала. Она не хотела портить их отношения, предпочтя сделать вид, что ничего не заметила. Она не хотела разочаровывать Алексея отказом, надеясь, что рано или поздно он сам поймет глупость своих чувств к ней. Он ведь знал, что она любит другого мужчину, знал, что не сможет быть с ним так, как ему того хотелось. И он молчал как раз таки поэтому: видел в ее взгляде к нему лишь благодарность и дружбу, не более того.

За несколько недель до того, как Женя попала в больницу с преждевременными родами, Леша уезжал на другой конец света по программе 'Врачи без границ'. Он не хотел оставлять Женю на таком сроке и без помощи, но отказаться не мог. А девушка лишь убедила его, что справится сама, что с ней все будет в порядке и что не стоит переживать. Пообещала звонить в случае чего и обязательно дать ему знать, как только родит.

Но почти сразу по приезде Леша потерял телефон, а в том месте, где они работали, были проблемы со связью, да и цивилизацией в общем. Именно поэтому ему не смогли дозвониться из больницы, когда у Жени начались преждевременные роды. Он пытался звонить сам пару раз, когда выпадала возможность. Но мобильный был недоступен, а стационарный в съемной квартире девушки не отвечал. Он старался не беспокоиться и не тревожиться, но не получалось. Порывался пару раз вернуться домой раньше срока, но не мог просто отказаться от своего долга перед призванием помогать людям.

Все это рассказал ей сегодня сам Алексей.

Глава 20

Женя видела, как тяжело дался ее рассказ Диме. Он снова начал обвинять себя за то, что не оказался рядом, в глазах она прочла и укор себе, что не позвонила. Но вслух не было произнесено ни слова. Девушка сразу попыталась уверить мужчину, что не стоит понапрасну переживать — толку от этого? Попросила не винить ни себя, ни ее. Он вроде и был с ней согласен, но продолжал хмуриться.

Обострили его плохое настроение и частые визиты в их дом Алексея. Женя всегда с радостью встречала друга, а Диме только и оставалось, что скрипеть зубами. Попросить соперника не приходить он не мог. Это, во-первых, было бы грубо, пусть тот и нарывался на грубость. Во-вторых, Дима не хотел обижать Женю этим. А в-третьих, стоило признать, что к этому человеку он испытывал долю благодарности. Леша был рядом с Женей, помогал ей всячески, не оставил в беде. И не важна была его влюбленность в девушку, если сама она прохладно относилась к этому. Главным было то, что она не была одна, когда его самого не было рядом. Да и потом, как ему осуждать ее, когда у самого рыльце в пушку! Его роман с Ольгой это куда больше, чем Женина дружба с Алексеем. А винить его в том, что он влюбился в девушку глупо. Женя красивая, умная, добрая и ласковая, открытая девочка — так что это вполне логично, что она очаровала доброго доктора. К тому же она была напоминанием ему о сестре, тоже близком и любимом человеке. Дима даже задумался над тем фактом, что свои чувства к погибшей родственнице Леша перенес на Женю. И это не совсем влюбленность, а нечто похожее, но другое.

Все свои домыслы, слова и возмущения Дима держал при себе. Да, его раздражали

частые посещения Алексея, его тихие разговоры с Женей о чем-то, что не касалось его самого. Ему не нравилось, как рада была девушка каждому приходу друга. Он бесился, глядя, как восхищенно и ласково соперник смотрит на Женю. Но он был уверен в девушке, доверял ей целиком и полностью в этом плане, а потому решил выйти на работу, чтобы как можно реже видеть Алексея в их доме.

Женя замечала, как Дима с Лешей смотрят друг на друга, понимала причину. Но Дима ничего не делал, ничего не говорил ей, и она была спокойна и рада, что он не устраивает ссор на пустом месте, что доверяет ей. А что-то сказать Леше было неловко. Они ни разу не поднимали эту тему в своих разговорах. Женя старательно обходила стороной любые намеки на нее. А мужчина не торопился признаваться ей в любви, за что она была ему благодарна. Он наверняка понимал бессмысленность этого поступка, потому и молчал.

— О, ты одна! А где же твой цепной пес? — хмыкнул Леша, когда Женя открыла ему дверь.

— Прекрати так его называть, — проворчала девушка. — И откуда ты знаешь, что я одна?

— Ну, обычно твой парень открывает дверь. И делает это с таким лицом, что мне порой убежать хочется, а порой что-нибудь сказать такое, чтобы его мина стала еще кислее, когда я приду в следующий раз.

— Вы оба невыносимы в своей злости друг на друга, — покачала головой Женя.

— Слушая, ты прекрасно знаешь мое отношение к нему и причину. Он никогда не будет мне нравиться.

— И не должен. Главное, что он нравится мне, и что я его люблю.

— Знаю, — скривил лицо Леша.

Женя только головой покачала. Вот вроде и не признавался этот человек в чувствах к ней прямо и откровенной, но и не пытался их спрятать. На что он рассчитывал? Или просто не видел смысла скрывать очевидное?

— Дима на работе, — пояснила девушка отсутствие любимого. — Скоро придет Светлана Федоровна, мы собирались в город прогуляться. Поедешь с нами?

— Вот мать твоего парня мне нравится гораздо больше, — улыбнулся Алексей.

С пожилой женщиной он действительно нашел общий язык, а она в ответ не менее дружелюбно общалась с ним. Что же до ревности его сына к нему — так она только посмеивалась, хитро подмигивая Жене.

— Когда ты уезжаешь? — спросила Женя с ноткой грусти, когда в торговом центре осталась вдвоем с Лешей.

Светлана Федоровна с внучкой пошла в магазин детской одежды, оставив их одних по тихой просьбе Жени.

— Ты так хочешь от меня избавиться? — хмыкнул мужчина, с улыбкой глядя на девушку.

— Нет, конечно, — улыбнулась ему Женя. — Просто любопытно.

— Мне уже пора возвращаться. Работа не ждет, — вздохнул Алексей.

— Ты так и не рассказал мне о своей поездке. Тебе понравилось?

— Было тяжело, но да — мне понравилось. На другом краю света совсем другие люди, другие порядки и другая жизнь, — окунаясь в воспоминания, улыбнулся мужчина. — Я снова туда поеду. Через месяц.

— Так скоро? Ты же собирался и вовсе отказаться от таких практик, — удивилась Женя,

припомнив слова Леша.

— Собирался, но тогда для этого была веская причина. А сейчас она от меня уехала, — глядя ей прямо в глаза, тихо произнес Алексей.

Женя смутилась и отвела взор.

— Ты осуждаешь меня? — бросив на него короткий взгляд, спросила девушка.

— За любовь? Нет, конечно. Ты счастлива здесь с ним куда больше, чем там со мной. Я не был для тебя центром мира, которым является Дима. Да и он тебя боготворит, что уж лукавить, не смотря на всю мою злость на него из-за его бездействия и слабости.

— Он не слабак, — вздохнула Женя. — Я сама ушла, сама сделала выбор. У тебя бы тоже опустились руки на его месте.

— Не уверен. Я боролся за свою сестру до самого конца.

— Мы уже говорили об этом, — недовольно произнесла Женя.

— Прости, — взяв ее за руку, мягко улыбнулся Леша. — Ты любишь его, я понимаю, и будешь защищать до самого конца. Ты даже простила ему роман с другой женщиной.

— Меня не было рядом, я не собиралась возвращаться — он был волен поступить так, как поступил. Я не буду осуждать его за подобное.

— А он осудил бы тебя за такое?

— Не знаю, не уверена в ответе. Он ревнивый, но смог бы меня простить. Вопрос в том, смог бы забыть и не вспоминать?

— Не смог бы. Я уже сейчас, в качестве твоего друга, выношу ему мозг, а уж что было бы будь у нас роман... — протянул с усмешкой Алексей. — Он бы убил меня на месте.

— Ты преувеличиваешь, — покачала головой Женя, улыбаясь ему.

— Это ты недооцениваешь его ревность.

— Скажи, — вернув себе серьезность, начала девушка, — а ты ведь хотел был романа между нами?

Она хотела это обсудить, хотела выяснить все до конца, чтобы не осталось недомолвок и недопонимания. Хотела ясно и четко поговорить обо всем, чтобы Леша понял, что у него нет надежды на что-то с ней. Чтобы затронуть этот момент и конкретно дать понять этому мужчине, что она не для него. Чтобы он уж наверняка не питал иллюзий. Как когда-то Ольга. Женя не хотела бы видеть своего друга таким же раздавленным и грустным, какой видела бывшую подружку Димы.

— Да, — не стал врать и скрывать Леша, глядя ей в глаза. — Хотел бы. И думал, что однажды ты тоже этого захочешь. Но засомневался, когда увидел твою записку в твоей квартире. Там ты прощалась со мной и говорила, что будешь теперь счастлива. Сначала я поверил и мысленно пожелал тебе этого счастья. Потом мне стало тоскливо, невмоготу. И я поехал к тебе с глупой надеждой, что у тебя не все хорошо. Понимаю, как это звучит, но я не желал тебе чего-то плохого ни в коей мере. Просто это была глупая фантазия. И теперь, когда я увидел, что ты действительно счастлива, что Дима — это все, что тебе нужно, я понял, как был наивен, ожидая шанса для себя.

Жене было приятно это слышать и понимать, что Леша ее понимает, что не обижается на нее, ничего не ждет и не просит. Он смирился, как она и хотела.

— Ты обязательно будешь счастлив когда-нибудь.

— Я знаю, — улыбнулся ей светло мужчина, заправляя выбившуюся прядь ей за ушко. — И я рад, что ты свое счастье нашла, а точнее вернула. Это правильно. И я был бы не счастлив, если бы видел, что, будучи моей, ты грустишь о прошлом. Моя влюбленность

пойдет рано или поздно, я знаю это и понимаю. Просто сейчас мне грустно, что я оставляю тебя.

— Ты можешь приехать ко мне в любой момент. Я всегда буду рада видеть тебя, — улыбнулась ему Женя.

— Знаю. И когда-нибудь я приеду обязательно. Вряд ли скоро, но приеду, — пообещал Алексей.

— Я буду скучать.

— И я, — прошептал мужчина, привлекая Женю в свои объятия и нежно сжимая в руках.

На следующий день Леша уехал. Дима вздохнул с облегчением, а Женя немного погрустила. Она была рада, что рассталась с Лешей именно так — спокойно, легко и по-доброму. Без обид и недомолвок, без намеков и недосказанности. Будь все иначе, она бы не находила себе места из-за того, что дорогой ей человек несчастен по ее вине. Но все было хорошо, и это главное.

С ней рядом были ее любимые люди — Дима и Дарина. У нее есть их любовь и нежность. У нее есть человек, на которого она всегда может положиться и рассчитывать. Который больше не оставит ее одну, и не бросит на произвол судьбы. Человек, с которым она счастлива именно сейчас, когда прошло время, они оба пережили тяжелый период расставания, многое осмыслив и обдумав, решив для себя. Именно сейчас каждый из них осознавал всю ценность отношений и любви, доверия и преданности. Сейчас, когда знали, что такое терять, быть в одиночестве. Они попробовали каждый свою дозу горя и тоски, безнадежности и отчаяния. Вылечились от зависимости страдать и быть на грани. Научились, как нельзя жить — теряя себя, и как стоит — ради улыбки на душе и лице любимого человека.

Возможно, кто-то скажет, что проделанный путь этих людей был не так уж тяжел, не так долгов, как у других. Кто-то скажет, что страдал больше. Но для Жени и Димы он был именно таким. Для них было больно и трудно пройти по этой дороге. И сейчас они были бесконечно счастливы, что впереди их ждет только светлый путь, полный гармонии, радости и света.

Эпилог

Женя смотрела на довольного, смеющегося и счастливого Лешу и не могла не улыбаться тому, что видела. Стоящий рядом Дима тоже был рад за их уже общего друга.

— Тебе не кажется, что она слишком молода для него? — все-таки задала девушка терзающий ее вопрос.

— Может быть.

— Я ведь говорю даже не о возрасте. О сознании. Она ведь еще девочка совсем, у нее ветер в голове. Она такая безумная, такая неугомонная, неусидчивая.

— Знаешь, для его занудства в самый раз, — хмыкнул Дима, наблюдая, как хохочет Лиза, обливая своего парня ледяной водой из шланга, при этой выкрикивая поддевки на грани флирта и нежного мягкого издевательства.

— Он не занудный! — возмутилась Женя, ткнув кулачком в плечо мужа. — Он очень серьезный, уравновешенный, спокойный, тихий, мягкий...

— ...занудный, — протянул вслед ей Дима, посмеиваясь над ворчанием Жени.

— Ну, может быть, самую капельку, — почти неслышно прошептала девушка.

— Взгляни на него: он счастлив, доволен. Я его таким живым и веселым не видел

никогда. Лиза привнесла в его жизнь то, чего ему как раз и не хватало: задор, смех, безрассудство. Не появившись она, и Леха через пару лет покрылся бы каким-нибудь грибком где-то в джунглях Амазонки под барабаны первобытного племени, забыл бы про цивилизацию и сменил свой халат на набедренную повязку, взял в руки копье и пошел охотиться.

— Он любит свою работу.

— Работа — еще не все. И то, как он ей отдавался — ненормально. Лиза, по крайней мере, отвлекла его. Ему только тридцать пять, а он хуже старого ворчливого деда.

— Ты как всегда преувеличиваешь, — подойдя к веранде, на которой стояли Женя и Дима, произнес Леша, отряхивая от воды волосы и выжимая футболку.

— Сомневаюсь, — хмыкнул Дима. — Не ты ли год назад рассуждал о том, как размеренно и тускло течет твоя жизнь?

— Я говорил это в другом контексте.

— Суть одна, — отмахнулся Дима, наблюдая, как теперь веселиться Лиза на пару с Дариной и их собакой. — Главное, что ты вовремя обзавелся нужной девушкой.

— Скорее, это она мной обзавелась, — хмыкнул Алексей. — Ты себе не представляешь, что она вытворяла, пытаюсь привлечь мое внимание.

— Догадываюсь, познакомившись с ней, — хмыкнул друг.

— Ты любишь ее? — спросила о главном Женя.

— Люблю, — улыбнулся Леша подруге и перевел взгляд на свою девушку.

— Это самое главное. А взбалмошность, сумасбродство — она то перерастет. Ей только девятнадцать.

— Да, девятнадцать, — со вздохом протянул Леша, не отрывая взгляда от Лизы.

Тема разницы в возрасте между ними всегда напрягала мужчину, и даже сейчас, когда они уже завязали отношения. Шестнадцать лет — это много. И не за себя он волновался, думая, как на него будут смотреть. А за Лизу. У нее еще вся жизнь впереди, тогда как своей половину он уже прожил. Не испортит ли он ее существование собой? Девушка часто ругала его за это, как только он поднимал этот вопрос, а поднимал он его часто. Но это терзало его хоть как.

— Не загоняйся, — посоветовал ему Дима, серьезно поглядев на него. — Она любит тебя, она хочет быть с тобой. А ты только отталкиваешь ее своим занудством.

Женя опять ткнула мужа под бок.

— Ну а как еще назвать это! — закатил глаза Дима. — Думай поменьше, профессор. И все будет как надо, — посоветовал он, хлопнув друга по плечу.

Тот кивнул и зашел в дом переодеться.

— Думаешь, у них правда все получится? — прикусив губу, спросила задумчиво Женя.

— Думаю, что от Лизы ему уже никуда не деться, — хмыкнул Дима, обнимая жену за располневшую талию. — Не устала? Спина не болит?

— Чуть-чуть, — улыбнулась Женя. — Я лишь рада, что это скоро закончится. Что-то ни одна беременность не проходит для меня гладко.

— Все будет хорошо, — поглаживая живот, где был его сын, улыбнулся Дима. — Ты скоро родишь, осталось чуть-чуть.

— Ты хочешь много детей, но боюсь, на этом нам придется остановиться, — улыбнулась девушка. — Что-то больше меня не тянет ходить уточкой и стонать от тошноты и болях в спине.

— Посмотрим, — широко улыбнулся Дима, уворачиваясь от еще одного тычка под ребра.

Конец.

Больше книг на сайте - Knigolub.net